

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Е. В. Кобелев

**65 лет
вместе
с Вьетнамом
Воспоминания**

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 327(470+597)(091)
ББК 66.4(2Рос)+66.4(5Вье)
К55

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИКСА РАН*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИКСА РАН

Григорий Михайлович Локишин;

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Анатолий Алексеевич Соколов

Ответственный редактор

доктор экономических наук, профессор В.М. Мазырин

Члены редколлегии:

к.э.н. Т.Е. Горчакова, Е.В. Никулина

Кобелев Е.В.

К55 65 лет вместе с Вьетнамом. Воспоминания / Е.В. Кобелев. — М. : ИКСА РАН, 2022. — 200 с. : илл.

ISBN 978-5-8381-0437-3

DOI 10.48647/IFES.2022.68.12.002

Автор рассказывает об основных этапах своего жизненного пути, неразрывно связанного с Вьетнамом. Отдельные разделы посвящены учебе в Институте восточных языков при МГУ и Ханойском университете. После окончания института автор несколько лет работал переводчиком, затем журналистом. В дальнейшем значительная часть жизни автора прошла в международном отделе ЦК КПСС, где он курировал связи КПСС с Компартией Вьетнама, народно-революционными партиями Лаоса и Кампучии. Подробно освещена работа автора в российских научных учреждениях. Он явился основателем в ИДВ РАН Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, который вскоре получил широкое признание со стороны российских и вьетнамских научных кругов. Рассказывается об участии автора в научных конференциях во Вьетнаме, в ряде европейских стран, в Москве и Санкт-Петербурге. В заключение прилагаются два исторических очерка, в которых представлена авторская реконструкция важных событий и деятелей истории Вьетнама.

Книга ориентирована на ученых и специалистов-практиков, преподавателей и студентов, изучающих Вьетнам и другие страны Юго-Восточной Азии, а также на широкий круг читателей.

Ключевые слова: Вьетнам, Ханой, корреспондент ТАСС, газета «Правда», международный отдел ЦК КПСС, Институт востоковедения РАН, Институт Дальнего Востока РАН, международные научные конференции, последний император Вьетнама, первые руководители Компартии Индокитая.

Оценки и выводы, содержащиеся в книге, являются полностью авторскими и не всегда совпадают с позицией Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН.

УДК 327(470+597)(091)
ББК 66.4(2Рос)+66.4(5Вье)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Federal State Autonomous Institution of Science
Institute of China and Contemporary Asia

Evgeny Kobelev

65 years with Vietnam

Memories

Moscow
ICCA RAS
2022

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences*

Reviewers:

Grigory Lokshin, *Ph.D. (Hist.), Leading Researcher of the Center for Vietnam and ASEAN Studies, ICCA RAS;*
Anatoly Sokolov, Ph.D. (Phil.), Senior Researcher of Institute of Oriental Studies RAS

Edited by:

Vladimir Mazyrin, D.Sc. (Econ.)

Members of the editorial board:

Tatiana Gorchakova, Ph.D. (Econ.); Elena Niculina

Revised by A. Davydov, L. Lavrova

65 years with Vietnam. Memories. Moscow, ICCA RAS, 2022.

The author tells about the main stages of his life path, inextricably linked with Vietnam. Separate sections are devoted to studies at the Institute of Oriental Languages of Moscow State University and the University of Hanoi. After graduating from the Institute, the author worked as a translator for several years, then as a journalist. Subsequently, a significant part of the author's life was spent in the international department of the Central Committee of the CPSU, where he covered the relations of the CPSU with the Communist Party of Vietnam, the People's Revolutionary Parties of Laos and Kampuchea. The work of the author in Russian scientific institutions is covered in detail. He was the founder of the Center for Vietnam and ASEAN Studies in the IFES RAS, which soon received wide recognition from Russian and Vietnamese scientific circles. The work tells about the participation of the author and his presentations at scientific conferences in Vietnam, in a number of European countries, in Moscow and St. Petersburg. In conclusion, two historical essays, which present the author's reconstruction of important events and figures in the history of Vietnam, are attached.

The book is aimed at scientists and practitioners, lecturers and students studying Vietnam and other countries of Southeast Asia, as well as a wide range of readers.

Keywords: Vietnam, Hanoi, TASS correspondent, Pravda newspaper, international department of the Central Committee of the CPSU, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, international scientific conferences, the last emperor of Vietnam, the first leaders of the Communist Party of Indochina.

The assessments and conclusions contained in the book are entirely the author's and do not always coincide with the position of the Center for Vietnam and ASEAN Studies, ICCA RAS.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	9
Глава 1. КРАТКО О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ	10
Вьетнам и вьетнамский язык	14
Студент Ханойского университета	17
Не учебой единой жив студент	20
Прощай, Ханойский университет!	25
Вместо эпилога к главе	27
Глава 2. ПЕРВЫЕ ТРУДОВЫЕ БУДНИ	30
Немного истории. Треугольник «КПСС—КПК—КПВ»	30
Журналистской тропой	33
Первая поездка на юг ДРВ (февраль 1965)	35
Вторая поездка на юг ДРВ (июнь 1966)	39
Горе общины Тхюизан	50
Три «не самых жарких» дня	55
Фронтовые встречи	60
Новый поворот в жизни	65
Глава 3. В МЕЖДУНАРОДНОМ ОТДЕЛЕ ЦК КПСС	68
Национальный Фронт освобождения Южного Вьетнама	68
Слово о великом сыне Вьетнама	83
Они защищали Москву	90
Общество советско-вьетнамской дружбы (ОСВД)	93
Круиз вокруг Европы. Заметки на полях	94
Народно-революционная партия Лаоса	96
Вьетнам—Камбоджа	97
Китайско-вьетнамская война (1979)	98
Народная Республика Кампучия (НРК)	103
Командировки научные и политические	108
Руководители КПСС. Заметки на полях	115

Глава 4. В ИНСТИТУТАХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК	120
В Институте востоковедения РАН	121
Участие в научных конференциях за рубежом	130
В Институте Дальнего Востока РАН	132
Руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН	132
Академик М.Л. Титаренко и Вьетнам. Немного истории	134
Сотрудничество с вьетнамскими учеными	139
Юбилей — 80 лет. Заметки на полях	149
 Приложение. Авторская реконструкция важных событий и деятелей истории Вьетнама	
Бао Дай, последний император Вьетнама (исторический очерк)	167
Наследный принц Винь Тхюи	168
Свадьба по-французски	171
Япония во Вьетнаме	177
Верховный советник	180
Первые руководители Компартии Индокитая и Россия (исторический очерк)	187
Ле Хонг Фонг	188
Нгуен Тхи Минь Кхай	191

CONTENT

Instead of a preface	9
Chapter 1. BRIEFLY ABOUT CHILDHOOD AND YOUTH	10
Vietnam and Vietnamese	14
Hanoi University student	17
A student does not live by studying alone	20
Goodbye Hanoi University!	25
Instead of an epilogue to the chapter	27
Chapter 2. START OF WORK DAYS	30
A bit of history: the triangle “CPSU—CPC—CPV”	30
Journalistic path	33
First trip to the south of the DRV (February 1965)	35
Second trip to the south of the DRV (June 1966)	39
The grief of the Thuy dan community	50
Three «not the hottest» days	55
Front meetings	60
A new turn in life	65
Chapter 3. IN THE INTERNATIONAL DEPARTMENT OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU	68
National Liberation Front of South Vietnam	68
A Word about the Great Son of Vietnam	83
They defended Moscow	90
Soviet-Vietnamese Friendship Association (OSVD)	93
Cruise around Europe. Notes in the margins	94
People's Revolutionary Party of Laos	96
Vietnam—Cambodia	97
The Cino-Vietnamese war (1979)	98
The People's Republic of Kampuchea (PRK)	103
Scientific and political missions	108
The CPSU leaders. Notes in the margins	115

Chapter 4. AT THE INSTITUTES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	120
Institute of Oriental Studies RAS	121
Participation in scientific conferences abroad	130
Institute of Far Eastern Studies RAS	132
Head of the Center for Vietnam and ASEAN Studies	132
Academician M.L. Titarenko and Vietnam. A bit of history	134
Cooperation with the Vietnamese scientists	139
Anniversary — 80 years	149
 Appendix: The author's reconstruction of important events and figures in the history of Vietnam	
Bao Dai, the last emperor of Vietnam (historical essay)	167
Crown Prince Vinh Thuy	168
French wedding	171
Japan in Vietnam	177
Supreme Advisor	180
The first leaders of the Communist Party of Indochina and Russia (historical essay)	187
Le Hong Phong	188
Nguyen Thi Minh Khai	191

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Повествование на тему, обозначенную в названии этой книги, автор хотел бы начать с очень точной и емкой формулы великого французского писателя Стендаля: «Одинаково трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о предметах либо малоинтересных, либо представляющих слишком большой интерес»¹.

Понятно, что мои воспоминания о жизни и работе, связанной с Вьетнамом, относятся ко второй части высказанной Стендалем формулы. За минувшие годы о Вьетнаме, особенно о двух его длительных, победных войнах Сопротивления — вначале против французских колонизаторов, а затем против американских агрессоров, — написано так много и в нашей стране, и за рубежом, что продумывая план своих мемуаров, я решил, что нужен какой-то новый, возможно, непривычный подход. Не описывать в подробностях свою жизнь, не придерживаться точной хронологии, а сосредоточить внимание на трех наиболее интересных аспектах моей многообразной биографии: ее политически важные главы, драматические события, особенно на вьетнамской войне, и, наконец, наиболее забавные эпизоды и события, связанные с моей работой корреспондентом, партийным и научным сотрудником.

¹ Стендаль. Собр. соч. в 15 томах. Том 11. М. 1959. С. 5.

Глава 1

КРАТКО О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

Я родился 2 мая 1938 года в городе Ульяновске, то есть к началу Великой Отечественной войны мне было немногим более трех лет. До войны наша семья жила на родине мамы — в городе Боровичи Новгородской области, который расположен на берегу живописной реки Мста. Это был тихий, патриархальный, как бы заброшенный городок, который даже проходящая рядом железнодорожная магистраль Петербург—Москва оставила в стороне. Его главной достопримечательностью была центральная улица Екатерининская, названная так в честь Екатерины II, которая проезжала через город по пути в Крым.

Когда началась война, отец был болен туберкулезом, и его не взяли на фронт. У меня были старшая сестра Гелия Васильевна и два сводных брата — Валерий и Игорь. При подходе немецких войск к Новгороду мы всей семьей, но без братьев, эвакуировались в Среднюю Азию — в Киргизию. Старший брат Валерий уже успел получить среднее медицинское образование, и его направили фельдшером в Войско Польское, которое формировалось, в основном, на территории Советского Союза. С войны он вернулся с несколько подорванной психикой. Дело в том, что в Польше воевала еще и Армия Крайова, которой руководило польское правительство в изгнании, находившееся в Лондоне, и которое проводило неприкрытую антисоветскую политику. Так вот, как в далекие махновские времена на Украине, боевики Армии Крайовой останавливали поезда, выводили оттуда всех русских и тут же их расстреливали. Валерий дважды выбирался раненый или контуженный из-под груды убитых. Все эти ужасы навсегда отложились в его сознании, и после войны, когда он вернулся домой, стоило ему немного выпить, он приходил в неистовство и начинал ругаться по-польски. В то же время власти Польской Народной Республики высоко отметили его участие в освобождении Польши: он был награжден четырьмя орденами и медалями ПНР. Средний брат Игорь во время войны жил на родине отца — в Кунгурском районе Пермской области. После войны он окончил военно-морское училище в Риге и 18 лет прослужил в войсках береговой обороны на Севере — Североморск, Лиинахамари, Гаджиево...

В середине 1944 года, когда угроза оккупации немцами Новгородской области окончательно осталась в прошлом, мы вернулись обратно в Боровичи. К этому времени отец был уже болен открытой формой туберкулеза и в декабре этого же года скончался. Лечивший его пульмонолог разъяснил нашей маме, что ее дети находятся под угрозой заболевания туберкулезом и посоветовал ей увезти нас куда-нибудь в теплый климат.

И мы снова отправились в Киргизию, в горный аил Аксуй, где жили во время эвакуации. Плыли туда на пароходе через озеро Иссык-Куль, попали в сильнейший шторм, и нас целые сутки носило по озеру. В аиле страшно голодали: вспо-

минаю, как мы с сестрой, будучи дома одни, обыскали все наше бедное жилище в поисках съестного и, привлеченные приятным запахом чего-то похожего на еду, съели жидкое мыло. После окончания войны мы переехали в центр Исык-Кульской области город Пржевальск (ныне — Каракол), где я в сентябре 1945 года пошел в первый класс. Но постепенно начались проблемы со здоровьем у мамы: высокогорье негативно сказывалось на ее давлении и работе сердца, и мы снова пустились в путь. На сей раз в степной регион Донбасса, в город Ясиноватая, где у нее жили друзья, которые помогли ей с работой.

Сейчас, когда я пишу эти строки, пресса и телевидение каждый день сообщают о том, что ВСУ (так называлась армия киевского режима) регулярно подвергают артиллерийским и минометным обстрелам города и поселки Донбасса. В 1949 году Ясиноватая не успела отстроиться после войны, на окраинах было еще много домов без крыш и окон. И вот ее снова разрушают, но теперь уже свои по крови люди. И звучат хорошо знакомые мне с детства названия — Ясиноватая, Авдеевка, Горловка, Макеевка, Краматорск, Славянск, Иловайское, Сталино (так назывался в мои годы Донецк).

Ясиноватая была тогда крупнейшей узловой станцией. Мы, мальчишки, любили залезать в тамбуры грузовых вагонов на сортировочной горке и ждать, когда сортировщики поставят металлический башмак под колесо нашего вагона, и он, слегка притормозив, с грохотом ударится в стоящий впереди состав. Всеобщим «развлечением» было пролезать под проходящим мимо на скорости составом: надо было нырнуть под бегущий вагон сразу после передних колес и успеть вынырнуть из-под него перед задними колесами. Отказаться от этого смертельного трюка было невозможно, чтобы не опозориться перед сверстниками. Нас ловили, отводили к начальнику, но мы не могли отказаться от этих «удовольствий». Вот так «развлекались» послевоенные дети. А потом мы садились на подножки проходящих пассажирских поездов и ехали в один из перечисленных выше городов Донбасса. А в начале 1950-х годов, когда мне и моим друзьям родители купили велосипеды, мы на них регулярно наматывали по 12 километров туда и обратно в Сталино, встречая и провожая глазами проплывающие мимо удивительные терриконы донецких шахт, напоминающие египетские пирамиды.

В школе в Ясиноватой мне пришлось привыкать к двум новым предметам — украинскому языку и литературе. В Советском Союзе проводилась гуманная национальная политика, в каждой республике, наряду с русским языком, обязательно шло изучение национального языка. Помню, что мы, школьники, были очень недовольны этими дополнительными предметами. Но сейчас я вспоминаю их с благодарностью: я до сих пор помню и украинский язык, и украинскую литературу. У нас их преподавала молодая учительница, только что окончившая киевский университет. Вместе с ней мы декламировали стихи Тараса Шевченко, Леси Украинки, Марко Вовчок, пели мелодичные украинские песни, особенно мы любили «Ой там, за рікою, та й жінці жнуть. А попід горою, далем — далиною козаки йдуть...».

После распада Советского Союза стало «модным» осуждать все советское. А вот наша жизнь в Ясиноватой проходила в обстановке заботы государства, насколько это было возможно в послевоенных условиях разрухи. Мы с сестрой до 14 лет получали пенсию за умершего отца. Когда в 1949 году в Ясиноватой мама устроилась на работу в управление военизированной охраны станции, то нам довольно быстро выделили двухкомнатную квартиру.

Наконец, в 1952 году мне как отличнику учебы дали бесплатную путевку в Артек на два месяца — ноябрь и декабрь. Параллельно с отдыхом мы там и учились по облегченному графику — четыре урока в день, каждый урок по сорок минут. Из нищеты и индустриального, почти без природы, города я неожиданно для себя попал фактически на курорт, где вокруг цвела и пахла непривычными ароматами субтропическая природа. Особенно необычной была для приехавших из континентального климата погода — в декабре плюс 20 градусов. И в такую благодатную погоду нас провезли на автобусах по всему Южному берегу Крыма. Мы побывали в пушкинских местах, в домике Чехова под Ялтой, посмотрели Воронцовский дворец, Ливадию. Запомнилось посещение Гаспры, где нам организовали встречу с матерью Павлика Морозова. Тогда это был знаменитый пионер-герой. Его мать рассказала, как ее сын бесстрашно боролся с кулаками и подкулачниками, не пожалев даже своего отца. Хотя я и был воспитан в духе революционных идеалов, но, будучи «безотцовщиной», все-таки не мог проникнуться ее рассуждениями о бесстрашии сына и потом вспоминал об этой встрече с неприязнью.

В Артеке у нас был свой гимн. Не знаю, кто его написал и когда, но это была проникновенная песня, которая запомнилась на всю жизнь. Вот ее припев:

Поднятие флага, туман Аю-Дага,
Тебя, наш любимый Артек,
И крымские зори, и Черное море,
Мы вас не забудем вовек.

Аю-Даг — это гора Медведь, у подножия которой и расположен Артек. К сожалению, мне неизвестно, знают ли эту песню и поют ли ее постсоветские артековцы. В дни, когда я был в Артеке, любое торжественное мероприятие у нас заканчивалось исполнением этого артековского гимна.

Заканчивая рассказ о жизни в Ясиноватой, не могу не вспомнить о драматических событиях, которые произошли почти сразу же после моего возвращения из Артека — умер И.В. Сталин. В наши дни даже трудно представить, как люди тогда реагировали на это событие; в нашем классе все плакали, не скрывая слез. Все, кто выступали на траурном митинге в нашей школе, да, скорее всего, и в других школах (телевидения тогда еще не было) спрашивали их участников и себя, как же наш народ будет жить дальше. Наша семья не была затронута репрессиями, и мы практически ничего о них не знали. Но прошло всего несколько месяцев, и началась совсем другая эпоха. Отец моего школьного друга после долгого отсутствия вернулся, наконец, домой. Так что жизнь не только продолжалась, но и менялась к лучшему.

В 1954 году моя сестра поступила в Крымский сельхозинститут в городе Симферополе и стала уговаривать нас переехать к ней, так как ни она, ни мы не привыкли жить раздельно. В конце концов, мы согласились с ее доводами, и 10-й класс я оканчивал в школе № 1 города Симферополя. Это была лучшая школа столицы Крыма (сейчас это гимназия № 1), которая известна одной удивительной исторической достопримечательностью — ее официальное открытие состоялось в 1812 году, то есть в год вторжения армии Наполеона в Россию, и в 2012 году она вступила в третью сотню своей жизни.

Но не только своим солидным возрастом знаменита гимназия № 1. В ней преподавали и ее окончили немало выдающихся деятелей российской и советской науки и культуры. Так, в середине XIX века в гимназии работал учителем химии будущий великий русский ученый Дмитрий Менделеев — автор периодического закона химических элементов, одного из основополагающих в современном естествознании.

Среди наиболее выдающихся выпускников гимназии, прежде всего, следует назвать академика Игоря Курчатова, физика-ядерщика, который вошел в историю нашей страны и в мировую историю как «отец советской атомной бомбы». Несколько лет назад в гимназии открылся мемориальный музей, на стендах которого можно увидеть немало других славных имен: великий русский художник-маринист Иван Айвазовский (картина «Девятый вал» принесла ему мировую известность); видный революционный деятель и советский дипломат Иоффе (в 1922—1924 гг. он был послом СССР в Китае); известный армянский композитор и дирижер Спендиаров и, наконец, уже в наше время, выдающийся шахматист Сергей Карякин — чемпион мира по быстрым шахматам и блицу.

В этой связи я хотел бы прервать повествование и сообщить читателю, что лет с двенадцати я увлекся шахматами, но возможности заниматься с тренером или изучать шахматную теорию в небольшом провинциальном городке Ясиноватая, к сожалению, не было. Когда мы в начале лета 1955 года переехали в Симферополь, то незнакомый город, отсутствие друзей и случайная покупка книги «Сто лучших партий Михаила Ботвинника» — все это способствовало тому, что я целыми днями сидел один дома и изучал шедевры шахматного искусства, а затем ходил на встречи любителей шахмат в Парке культуры и отдыха. Там меня приметил руководитель шахматной жизни Крыма и пригласил принять участие в первенстве Крыма по шахматам среди юношей. В ходе турнира вдруг выяснилось, что я, благодаря книге Ботвинника, заметно превосхожу остальных участников в знании дебютов. И неожиданно для себя, не имея даже никакого шахматного разряда, я стал чемпионом Крыма. В этом качестве в начале 1956 года в городе Николаеве я принял участие в полуфинале первенства Украины и, заняв там почетное место, вышел в финал. К сожалению, финал должен был состояться в июле этого же года, и я вынужден был выбирать — либо играть в финале, либо поступать в институт. Конечно, я выбрал последнее.

Завершение моей учебы в школе сопровождалось необычными событиями. Подруга моей сестры Валентина сообщила ей, что мальчики в ее дворе поделились с ней потрясающей новостью: они выкрали из сейфа в своей школе условия задачи для выпускного экзамена по тригонометрии, но решить ее не могут. Валентина знала, что я отличник, и предложила ребятам дать ей условия задачи. И вот я сижу дома над ее решением. Мучался до поздней ночи, но безрезультатно. Заснул, терзаемый мыслями: если даже отличник не может решить эту задачу, то как же ее будут решать другие?

И тут, эврика: решение пришло ко мне во сне. Это было настоящее чудо! Наутро я, радостный и возбужденный, помчался в школу. Но вместо экзамена нас выстроили во дворе школы и объявили, что произошло неслыханное — в одной из школ выкрали условия присланной из центра задачи, поэтому экзамен переносится на следующий день. Задача, естественно, была уже другая, правда более легкая, поэтому я ее быстро решил. Накануне экзамена девочки из моего класса обязали меня, как только я решу задачу, положить решение в заранее условлен-

ном месте. Оканчивали школу одновременно два десятых класса, поэтому нас посадили в два ряда в спортивном зале. Но я решил задачу оригинальным способом, который вычитал в пособии по математике, и получилось так, что весь ряд, где сидел я, решил ее таким же, оригинальным, способом. А в другом ряду сидела девочка — отличница по математике, которая решила задачу классическим способом. И весь ее ряд, естественно, решил так же. В гороно сделали вид, что не заметили этого странного явления.

За более чем 200 лет существования школы № 1 ее окончило много золотых медалистов. На стене второго этажа школьного здания все их имена начертаны золотыми буквами. Есть там и такая надпись: 1956 год — Евгений Кобелев. Необъяснимый факт — если в предыдущие и последующие годы было по 3—4 золотых медалиста, то в 1956 году фигурирует только одна эта фамилия. По какой причине это произошло, до сих пор никто объяснить не может.

Довольно неожиданное впечатление производит один из стендов школьного музея, практически весь посвященный Вьетнаму. Фотографии конца 1960-х годов, отражающие эпизоды воздушной войны США против Северного Вьетнама, книга «Хо Ши Мин», изданная в 1979 году издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Рядом та же книга о Хо Ши Мине, но в переводе на английский язык. И, наконец, копия постановления президента Социалистической Республики Вьетнам о награждении автора книги Евгения Кобелева Орденом Дружбы «За вклад в упрочение и развитие отношений дружбы и сотрудничества между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией». Все это я лично передал одной из энтузиасток музея, когда в начале 2000-х годов был в гостях у сестры в городе Саки и, съездив в Симферополь, естественно, посетил знаменитую школу № 1, которую я окончил в далеком 1956 году.

Вьетнам и вьетнамский язык

Окончив школу с золотой медалью, я, радостный, уверенный в себе, ринулся «покорять» Москву — с детства мечтал учиться в МГУ, и поступил в только что открывшийся Институт восточных языков при МГУ (ныне — Институт стран Азии и Африки МГУ) на отделение вьетнамского языка.

В мои школьные годы три слова — Вьетнам, Хо Ши Мин, Дьенбьенфу были постоянно на слуху у советских людей, они звучали по радио, каждый день встречались на первых полосах газет. Рассказы советских журналистов, которым в 1950-х годах посчастливилось побывать во Вьетнаме, вначале в сражавшемся против французских колонизаторов, а затем радостно вдыхавшем первые глотки воздуха мира и свободы, рождали в сознании моих сверстников образы далекой, романтической, притягательной страны.

В группе вьетнамского языка нас было шестеро, и все — со школьной скамьи. Так забавно сложилось, что у нас было два студента с фамилией Афонин — Сергей и Владимир, о них я подробно расскажу ниже. Были две девушки — Марина и Оксана. Первая после окончания института, выйдя вскоре замуж, эмигрировала в Канаду. С Оксаной произошла забавная метаморфоза: будучи Новиковой, она вышла замуж за ... Новакова, под этой фамилией она и известна

сегодня в качестве крупного специалиста и автора ряда серьезных исследований по новой истории Вьетнама. Шестым в нашей группе был Зайцев Анатолий, который рано был принят на работу в МИД СССР и работал в основном в странах Африки.

Преподавали у нас вьетнамский язык на первом и втором курсах две молодые преподавательницы Баринаова (Ситникова) Антонина Николаевна и Шилтова Алла Петровна; только ближе к концу учебы появились вьетнамские преподаватели из числа студентов, учившихся в Москве. Вьетнамскую литературу преподавали Мариан Николаевич Ткачев и Николай Иванович Никулин. Историю — Дега Витальевич Деопик, безумно влюбленный в древнюю и средневековую историю Вьетнама.

Примечательно, что во время учебы я жил в общежитии МГУ на улице Стромынка — похоже, на том же этаже, где совсем недавно, в 1953—1955 гг. жили будущие руководители СССР М.С. Горбачев и А.И. Лукьянов. В одной комнате нас было 10 человек, и все изучали разные языки. Поэтому каждый день можно было наблюдать поистине «зрелище богов», когда все одновременно начинали говорить и «петь» на восточных и европейских языках.

С первых же дней я подружился с выпускником специальной киевской школы, готовившей высококлассных специалистов по английскому языку, моим одноклассником Сергеем Афониним. У нас оказалось очень много общего. Мы оба были «безотцовщиной», оба жили практически на одну стипендию, оба играли в шахматы на уровне первого разряда, у нас были одинаковые размеры одежды и обуви, и мы часто этим пользовались. Наконец, у нас возник песенный дуэт — он пел тенором, а я баритоном, и когда мы заводили жалобными голосами «Позабыт, позаброшен с молодых, юных лет...», то девушки с этажа сбегались в нашу комнату послушать нас и прослезиться.

Мы активно участвовали в общественной и спортивной жизни ИВЯ и МГУ. Но с шахматами у меня произошел серьезный конфуз. Я был включен в сборную МГУ, но вскоре не явился на матч с нашим главным соперником — командой Бауманского института, за что тренер с позором изгнал меня из сборной. Но я нашел утешение в другом виде спорта — в те годы среди московских студентов были популярны соревнования по военным дисциплинам. Нас с Сергеем включили в сборную нашего малочисленного ИВЯ, и мы на равных сражались с крупными институтами. Помню, я установил тогда личный рекорд в стрельбе лежа (98 очков из 100), который, правда, потом ни разу не смог повторить.

Вторым моим другом со Стромынки и на всю жизнь стал тоже киевлянин Владимир Надашкевич. Он учился в корейской группе, после окончания института поступил на работу в ТАСС и дважды был по несколько лет корреспондентом ТАСС в Северной Корее.

Мы учились в нашей вьетнамской группе с огромным интересом и, конечно, мечтали, хотя и без особой надежды (в ту пору в СССР выехать за границу было весьма трудным делом), что когда-нибудь нам удастся побывать в этой экзотической «Стране Юга» (так нам преподаватели перевели название Вьетнам), пополнить свои знания о ее богатой истории, героическом народе и, наконец, на месте испытать «свой» вьетнамский язык. Поэтому, когда летом 1958 года мне вдруг сообщили в деканате института, что я должен срочно готовиться к поездке во Вьетнам для учебы в Ханойском университете, это известие прозвучало для меня, как гром среди ясного неба.

Только впоследствии от одного из сотрудников министерства образования СССР я узнал, что неожиданное и весьма быстрое решение о поездке во Вьетнам явилось следствием личной инициативы Президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина. Одним из важных совместных документов, подписанных по итогам первого его официального визита в нашу страну в 1955 году, стало Соглашение между правительствами двух стран об обучении граждан ДРВ в высших и средних учебных заведениях СССР, которое предусматривало также и ежегодный обмен студентами между обеими странами.

В 1958 году Президент Хо Ши Мин снова приехал в Москву и в беседе с одним из представителей советского руководства высказал сожаление, что Вьетнам направил на учебу в СССР уже три тысячи своих студентов, а советская сторона до сих пор ни одного. И тут бюрократическая машина неожиданно быстро завертелась. Уже в начале сентября 1958 года группа советских студентов в составе трех человек: двое от восточного факультета Ленинградского университета — Валерий Панфилов и Владислав Дворников — и автор этих строк — от Института восточных языков при МГУ, выехала с Ярославского вокзала на поезде по маршруту Москва—Пекин—Ханой.

Поездка заняла 19 дней: 7 суток от Москвы до Пекина, трое суток — от Пекина до Ханоя, и целых 9 суток мы пробыли в столице КНР. Дело в том, что мы были первой группой студентов, направленных во Вьетнам, поэтому ни в министерстве образования в Москве, ни в советском посольстве в Пекине, судя по всему, не знали, как с нами надо обходиться. Поэтому посольство поселило нас в фешенебельную гостиницу «Гоцзи» («Международная»), а министерство выдало нам в Москве чек на такую огромную сумму китайских юаней, что нам этих денег с лихвой хватило на каждодневные экскурсии по историческим достопримечательностям древней китайской столицы и ее пригородов. Особенно сильное впечатление на нас произвели резиденции китайских императоров — Ихэюань и Бэйхай. На летнюю резиденцию — Ихэюань мы даже потратили целых два дня.

Более того, нам удалось задержаться в Пекине до 1 октября (дня провозглашения КНР), и мы стали свидетелями грандиозной праздничной демонстрации, увидели на трибуне площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и других руководителей КНР. А вечером стали очевидцами грандиозного китайского салюта — фейерверка. Все свои впечатления об увиденном я регулярно описывал в письмах своей сестре, которая жила (и сейчас живет) в Крыму, в маленьком, но уютном городе Саки. Самое удивительное, что все письма дошли до нее, и она до сих пор хранит их как память о моем пребывании в Китае.

Не могу не рассказать о неожиданных приключениях во время нашего трехдневного пути от Пекина до Ханоя. Когда мы расплатились за гостиницу «Гоцзи», то вдруг выяснилось, что у нас не осталось ни одного юаня на оставшийся путь. В поезде, когда мы подъезжали к Пекину, директор китайского вагона-ресторана сообщил, что у нас осталось несколько неиспользованных талонов, и он готов их отоварить несколькими бутылками китайского бренди и блоками сигарет. И в вагоне поезда Пекин—Ханой, не вытерпев голода и жажды, мы стали пить бренди и «закусывать» сигаретами. В Китае тогда было время «большого скачка», который провозгласил Мао Цзэдун, и одним из его лозунгов был «догнать и перегнать Англию по выплавке стали». За окном поезда проплывали деревни с горящими печами, где плавилась сталь. Как только мы пересекли вьетнамо-китайскую границу, мы помчались во вьетнамский вагон-ресторан (у нас

было по пять вьетнамских донгов на каждого — в то время большая сумма) и с такой жадностью набросились на phở gà — знаменитый вьетнамский куриный суп с рисовой лапшой, что на нас сбежался смотреть весь персонал ресторана.

Студент Ханойского университета

В начале октября первая группа советских *lưu học sinh* (иностраннных студентов) Ханойского государственного университета ступила на перрон центрального ханойского вокзала Hàng Cỏ. Как ни странно, первое ощущение оказалось отнюдь не самым радостным — дикая жара, даже в октябре, высокая влажность и откуда-то вдруг появившаяся неприятная мысль — куда же это меня занесло? Нам с Панфиловым было тогда всего по 20 лет (Дворников был постарше), и дальше своих родных городов и Москвы мы практически никуда не выезжали. Но человек быстро ко всему привыкает, особенно в молодые годы. И буквально на другой день мы уже с интересом сидим на первом занятии и «во все глаза» слушаем первого вьетнамского преподавателя. Так началась наша учеба на историко-филологическом факультете Ханойского государственного университета, которая продлилась целых два года.

Так как мы были первыми советскими студентами, товарищи из министерства образования в Ханое приняли нас как почетных гостей и, прежде всего, поселили в шикарном двухэтажном особняке в самом центре города — неподалеку от площади Бадинь, на которой, как известно, 2 сентября 1945 года Хо Ши Мин провозгласил независимость Вьетнама. Занимались мы в отдельном от университетских аудиторий здании. При составлении плана учебы вьетнамские друзья поначалу исходили из того, что мы должны пройти полный 4-летний курс обучения, но мы убедили их, что для нас представляют интерес, прежде всего, дисциплины, непосредственно связанные с языком, историей, литературой Вьетнама. В конечном счете, сроки нашего обучения были сокращены до двух лет. Нам бесплатно выдали велосипеды для езды в университет, хотя мы получали от советского государства очень большие стипендии — где-то раза в полтора больше, чем была зарплата у премьер-министра Демократической Республики Вьетнам.

Заметки на полях. Первые месяцы мы жили в так называемой «новой» части города, застроенной в период французской колонизации. Поражали своей аристократической красотой здания, ранее принадлежавшие французским чиновникам и богатеям. Каждый особняк здесь имел свою неповторимую архитектуру, отличавшую его от соседних зданий. Но общими для всех особняков были отшлифованные до блеска ливневыми дождями крыши из красной черепицы и деревянные жалюзи зеленого цвета, рождавшие в памяти Париж времен д'Артаньяна. Только, в отличие от Парижа, стояли эти особняки вдоль широких тенистых бульваров под могучими кронами вековых платанов.

В те далекие годы Ханой был тихим, патриархальным и очень бедным городом из-за послевоенной разрухи. Ранним утром, когда только еще светало, нас уже будили заунывные крики зазывал-старьевщиков: «*Ai có giầy kér hồng, hộp sữa, lòng vịt, bán không?*» (У кого есть рваная обувь, банки из-под молока, утиные перья, продадите?). Знаменитые 36 улиц в самой старинной части Ханоя все

еще были практически такими же, какими их увековечил в своей книге писатель-романтик Тхатъ Лам. В старину здесь располагались торговые и ремесленные ряды, поэтому улицы эти до сих пор носят названия одно экзотичнее другого: улица Парусов, улица Барабанов, улица Рыбных блюд...

*Для нас с первых же дней самой любимой стала здесь улица Тà Hiền, которая была средоточием весьма приятной как духовной, так и материальной пищи. Прежде всего, на ней располагался национальный театр *Chèo vàng thủ đô* (Золотой колокол столицы). На его сцене можно было посмотреть и послушать *tiếng* (нечто среднее между оперой и опереттой) по сюжету великого творения классической вьетнамской литературы — романа в стихах вьетнамского классика Нгуен Зу «*Kim-Vân-Kiều truyên*» (Рассказ о девушках Киеу, Ван и юноше Киме), повествующего о печальной судьбе женщины, даже высокообразованной и одаренной, в феодальном обществе Вьетнама конца XVIII века. Кстати, в 2015 году этот роман был издан в нашей стране под названием «Киеу. Страдания истерзанной души» в прекрасном поэтическом переводе Василия Попова.*

*Второй достопримечательностью этой улицы, ставшей не менее важной для нас, была небольшая, но уютная харчевня с весьма романтическим названием *Tiểu lạc viên* (Рожица удовольствий). Привлекала она тем, что там подавались к столу самые вкусные, по утверждениям местных гурманов, блюда: лягушачьи лапки в кларе, жареные голуби и речная рыба, запеченная прямо на огне. Мы очень быстро привыкли к своеобразной вьетнамской кухне, и эти экзотические блюда поглощали с большим удовольствием.*

Как поется в песне, «юность ушедшая... бессмертна», поэтому сегодня, с высоты прожитых лет, самым романтическим и памятным отрезком жизни мне представляются именно годы учебы на историко-филологическом факультете Ханойского университета. Вьетнамский язык — один из самых сложных восточных языков; он тональный, причем если, например, в китайском языке четыре тона, то во вьетнамском — их целых шесть. В первые годы нашей учебы в ИВЯ при МГУ там не было вьетнамских преподавателей, поэтому эти шесть тонов каждый из нас изображал, как мог. В первые дни в Ханое мы, естественно, поначалу безбожно путали тона, в результате в нашей речи зачастую слышались совсем не те слова, которые мы хотели сказать. Сколько из-за этого в первые месяцы возникало нелепых и даже опасных ситуаций при разговорах с вьетнамскими друзьями, особенно с девушками!

Естественно, поэтому, мне на всю жизнь запомнился тот «святой» день — это было где-то ближе к концу первого года нашей учебы в Ханое, когда я, к своему изумлению, внезапно осознал, что уже могу довольно свободно сказать по-вьетнамски все, что мне надо, и понимаю многое из того, что мне говорят мои вьетнамские собеседники. Это было поистине непередаваемое, пронзительное ощущение того, что вроде бы «совершенно невозможное» вдруг стало реальностью!

Прошло немногим более полугода после нашего приезда в Ханой, как нам посчастливилось увидеть и лично слышать Президента Хо Ши Мина. Весной 1959 года студенты Ханойского университета вместе с населением столицы участвовали в традиционном воскреснике по посадке деревьев вокруг озера *Bây Mầu* (Семь Гектаров). Совершенно неожиданно для всех нас, в разгар воскресника, среди студентов и школьников в сопровождении всего одного человека появился

Хо Ши Мин, который бросил, по своему обыкновению, пару шуточных, теплых фраз и вместе со всеми стал рыхлить землю для саженцев деревьев.

В те годы район Bàu Mầu был заброшенным и болотистым пустырем; сегодня же, по прошествии более шести десятилетий, вокруг озера раскинулся обширный, хорошо ухоженный парк, носящий имя Thống nhất (Единство). Все последние годы, когда я приезжал в Ханой, я обязательно старался найти время для того, чтобы проехать мимо этого парка и вспомнить дни своей молодости, первую мою весну во вьетнамской столице, и, конечно, первую встречу с Президентом Хо Ши Мином.

Заметки на полях. *Вьетнам — необычайно красивая страна. Чего стоит только протянувшаяся вдоль побережья почти на 3 тысячи километров «пляжная» полоса, в основном, из мелкозернистого, красочно белого песочка, будто специально созданного природой для отдыхающих курортников. Уже в первые недели наши вьетнамские кураторы постарались показать нам «товар лицом». Первый выезд за пределы Ханоя — и сразу в одно из самых живописных мест — залив Hạ Long (залив Погрузившегося Дракона).*

Мы трое сразу, не сговариваясь, нарекли этот сказочный залив «восьмым чудом света». Представьте себе глубоко врезающиеся в сушу бухты и гавани, зеленовато-синюю гладь почти всегда спокойной воды и необозримое скопление островков и утесов, которых по одним данным насчитывается две тысячи, а по другим — чуть ли не все пять тысяч.

Необычайность и фантастичность залива, глубоко поражающие каждого, кто побывал на его бесчисленных островах, породили в древние времена множество легенд. Одна из них, объясняющая происхождение названия залива, повествует о том, что в незапамятные времена в этих местах водилось множество пиратов и разбойников, которые терроризировали простолюдинов. Узнав об их злодеяниях, «небесный император» напустил на них свирепого дракона. Расправившись со злодеями, утомленный дракон погрузился в воды залива и по сей день покоится там. Наши сопровождающие рассказали нам, что если посмотреть на залив с высоты птичьего полета, то извилистые вереницы скалистых утесов и островков, либо совершенно голых, либо покрытых богатыми тропическими зарослями, в самом деле, напоминают зубчатый хребт мифического животного Востока.

Накануне лета 1959 года между министерствами образования двух наших стран довольно долго шли переговоры о том, где мы будем проводить летние каникулы. Конечно, мы уже истосковались по родине и рвались туда, но в целях экономии средств в нашем министерстве было все же принято решение, что мы останемся во Вьетнаме. И вскоре нас привезли в горный курорт Тамдао, который расположен всего в нескольких десятках километров от Ханоя. Оказалось, это удивительное место, где круглое лето максимальная температура не превышает 25 градусов. В те годы Тамдао было небольшим селением из деревянных построек и бунгалов, посреди — бассейн с горной холодной водой, волейбольная площадка, просторная столовая с вьетнамской и европейской кухней. Вокруг и выше в горах — экзотические джунгли с обилием обезьян и хищных животных. В самых темных зарослях было полно черных пиявок, которые прыгали на тело людей и присасывались к кровеносным сосудам. Вьетнамские друзья учили нас,

что ни в коем случае их нельзя отрывать, так как потом трудно будет остановить кровь, а надо удалять их посредством зажженных спичек.

В Тамдао у нас произошла знаковая встреча. Туда приехал на отдых герой Дьенбьенфу генерал армии Во Нгуен Зиап со своей супругой. В первый же вечер мы познакомились за ужином, и он вдруг попросил нас преподавать ему и его жене русский язык. Целый месяц мы получали огромное удовольствие, почти каждый день общаясь с этим выдающимся генералом. Он просил нас учить его и русским песням. И в конце 1970-х годов, когда он был в Москве с официальным визитом, я стал свидетелем, как на одной из встреч с нашими генералами он спел на русском «Вставай, страна огромная!». Когда мы из Тамдао вернулись в Ханой, Во Нгуен Зиап пригласил нас к себе домой на дружеский ужин, а потом каждый праздник регулярно присылал нам подарки, особенно огромный, как блюдо, bánh chưng — пирог из клейкого риса в банановых листьях.

Была у нас в Тамдао еще одна знаковая встреча. Однажды нам показали старенькую пару, которая постоянно ходила, держась за руки. Вьетнамские друзья разъяснили нам, что это герой национально-освободительного движения Тон Дык Тханг с супругой. В 1919 году в ходе восстания моряков французских военных кораблей, принимавших участие в интервенции против Советской России, он, будучи матросом, поднял красный флаг на крейсере «Вальдек-Руссо», стоявшем на рейде Одессы, и после подавления восстания французскими властями 17 лет провел в концлагере на острове Пуло-Кондор (сегодня это остров Кондао). Все эти 17 лет жена ждала его. После победы вьетнамской революции он в 1960 году был избран вице-президентом ДРВ, а в 1969 году, после кончины Хо Ши Мина, — президентом Демократической Республики Вьетнам.

Заметки на полях. *О верности вьетнамских женщин сложено много легенд, вот одна из них. Есть в провинции Ланшон — на северо-востоке страны, причудливая скала, которую местные жители называют «Женщиной, ждущей мужа». На высокой горе, возникшей неведь откуда посреди голой равнины, стоит каменная глыба, своими очертаниями напоминающая фигуру женщины с ребенком на руках. Лицо ее устремлено вдаль, на север, туда, куда ушел и бесследно пропал ее любимый. Едва успел он вкушать счастье семейной жизни, гласит легенда, как судьба повелела ему взять в руки меч, чтобы защитить родину и свой родной очаг от нашествия чужеземцев. День за днем поднималась молодая мать с рассветом на вершину горы и с тоской взирала вокруг: не покажется ли на дороге одинокий всадник. Шло время, и от долгого ожидания убитая горем женщина превратилась в каменное изваяние. Из века в век, из года в год вынужден был воевать за свою независимость свободолюбивый вьетнамский народ. Знаменитая ланшонская скала — символ истории вьетнамского народа, олицетворение необычайной верности вьетнамской женщины.*

Не учебой единой жив студент

На второй год нашей учебы в Ханой приехали около десятка студентов из Китая и других социалистических стран. И тогда на общем совете было решено создать сборную иностранных студентов по баскетболу (тогда это был самый

распространенный вид спорта во Вьетнаме). Уже через две недели нас пригласили для участия в национальном чемпионате ДРВ, однако перед этим предложили сдать нормативы по бегу, прыжкам и метанию гранаты. До сих пор вспоминаю этот день с легкой дрожью. Состязания проходили на небольшом пустынном участке на берегу Красной реки. Стремясь показать все, на что способен, я не рассчитал сил и зашвырнул гранату прямо во двор жившего на берегу крестьянина-рыбака. К огромному моему счастью, в этот момент двор оказался пуст, хотя обычно во вьетнамских дворах всегда можно увидеть множество детей мал-мала меньше.

Конечно, умения играть в баскетбол у нас было не так уж много, но зато рост! В защите у нас стоял китаец по имени Кат (Спина) высотой под 1,90, поэтому пройти через него к кольцу вьетнамским нападающим было крайне затруднительно. Я играл правым нападающим, тоже с немаленьким ростом, поэтому, как правило, довольно легко проходил к кольцу. Одним словом, мы начали выигрывать один матч за другим.

Но вот встреча с командой ханойского медицинского института. По привычке, подхватив мяч, я смело лечу к кольцу и вдруг наталкиваюсь на защитника тоже под 1,90, да еще с необычайно длинными руками. Эффект был сокрушительный. Естественно, мы позорно проиграли эту встречу. Последний же матч проходил в середине мая при температуре 40 градусов и влажности 96 процентов. Наши баскетболисты, в их числе, конечно, и я, раз по 5—7 выжимали свои майки, как будто после стирки. Разумеется, и этот матч мы тоже проиграли, но в итоге заняли все-таки почетное третье место. В общем, все получилось по справедливости — не хватало, чтобы команда иностранных студентов стала чемпионом Вьетнама.

Настало долгожданное лето, и министерство высшего образования СССР приняло решение не отправлять нас на каникулы на родину. В результате второй год обучения в Ханойском университете начался для нас с заметным ощущением накопившейся ностальгии. И вдруг — о, чудо! я получаю неожиданную весточку, что в Ханой в составе делегации писателей приезжает наш преподаватель из ИВЯ Мариан Ткачев. Во второй год нашего обучения в Ханой приехали еще два студента ИВЯ Афонин Владимир и Новакова Оксана. Целую неделю каждый вечер мы с Владимиром проводили в доме для гостей Союза писателей Вьетнама на берегу живописного озера Хале в обществе любимого преподавателя, который, к тому же, был для нас живым олицетворением Москвы, МГУ, наших однокашников, по которым мы очень скучали. Понятно, что первые часы общения наши разговоры шли только об этом.

Я уже говорил о том, что познакомился с Марианом Ткачевым в 1956 году. С тех пор минуло больше шести десятков лет. Уже не помню точно, когда у нас в аудитории появился молодой, с большими живыми и смеющимися глазами преподаватель — сразу с начала учебы или во втором семестре, но хорошо помню первые его слова: «Я буду преподавать у вас вьетнамскую литературу».

Внешне он очень напоминал поэтов Серебряного века благодаря своей довольно экстравагантной по тем пуританским временам прическе. Но если судить по его манерам и, особенно, по характеру, что стало очевидным позднее, когда мы, студенты вьетнамской группы, познакомились с ним поближе, — это был типичный русский интеллигент, в самом лучшем смысле этого слова, я бы ска-

зал, интеллигент чеховского типа. Он был необычайно мягок, как-то аристократически воспитан, обладал тонким чувством юмора.

Хотя разница в возрасте у нас с ним была небольшая — каких-то пять-шесть лет, но он не только с самого начала обращался к нам на «вы», но всю последующую жизнь упорно не хотел изменять этому правилу. Через много лет после окончания института у меня установились с Мариком — так его за глаза нежно называли все его близкие друзья очень теплые, дружеские отношения. Однажды, когда он был у меня в гостях, я в порыве дружеских чувств предложил ему выпить на брудершафт и перейти в общении на «ты». Он охотно согласился. Но вот через пару дней раздается звонок телефона, и я слышу в трубке тихий, всегда как бы виноватый, голос Марика: «Женя, вы не видели мою последнюю книгу, она только что вышла?».

Марик был необыкновенно начитан. Особенно он любил «Записки Пиквикского клуба» и «Трое в одной лодке», причем последнюю книгу он знал практически наизусть и на занятиях часто «выдавал» нам целиком наиболее смешные пассажи. Вроде бы совсем недавно окончив МГУ, он уже был известным переводчиком вьетнамской литературы. Среди первых его переводов особенно запомнились переводы детской сказки «Приключения кузнечика Мена» очень популярного во Вьетнаме писателя То Хоая и реалистического романа Нгуен Хонга «Воровка». В этом романе изображен воровской мир вьетнамского портового города Хайфона времен французской колонизации. Марик рассказывал нам, что, будучи коренным одесситом, он досконально изучил одесский воровской жаргон, поэтому получилось так, что герои вьетнамского романа заговорили под его пером языком Бени Крика и одесских жиганов.

Так как наш институт открылся совсем недавно, в 1956 году (мы были первым набором и очень этим гордились), в нем на первых порах существовал всего один факультет — историко-филологический. Уже к концу первого курса студенты были обязаны выбрать свою основную специализацию — либо историю, либо филологию. Обаяние Марика как блестящего знатока и «пропагандиста» литературы стало такой могучей гирей на весах моего выбора, что я, не колеблясь, выбрал филологию. Изучению вьетнамской литературы я посвятил несколько лет.

Из неожиданной и желанной встречи с любимым преподавателем за тысячи верст от Москвы особенно запомнились два знаменательных события. В один из вечеров Марик предложил мне сходить в гости, как он выразился тогда, к «самому колоритному» вьетнамскому писателю Нгуен Туану. Мы поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж старинного ханойского дома, что расположен неподалеку от вокзала. Нас встретил даже внешне действительно весьма колоритный человек. Дело в том, что у Нгуен Туана была непривычная для вьетнамцев внешность — пышная грива длинных волос, ниспадавших на спину, а также необычная стилистика речи: он говорил языком вьетнамских интеллигентов-конфуцианцев конца XIX века. Уже потом я узнал, что Нгуен Туан — известный писатель, мастер реалистического рассказа, его проза напоминает что-то среднее между Куприным и Буниным. С той первой встречи мы стали с Нгуен Туаном большими друзьями. В середине 1960-х годов, когда я приехал в Ханой во второй раз, уже на работу, он был частым и желанным гостем в моем доме на улочке Као Ба Куат.

Заметки на полях. В 2005 году по случаю 95-летия со дня рождения Нгуен Туана в Ханое впервые было издано полное собрание его произведений, значительная часть из которых была написана еще до Августовской революции 1945 года. А в 2010 году отмечали 100-летие со дня его рождения, причем не только во Вьетнаме, но и в России. В перспективном плане Общества российско-вьетнамской дружбы, членами которого являлись практически все российские вьетнамоведы, было записано, что 29 июля 2010 года, в день рождения Нгуен Туана, намечено провести в Москве совместно с Ассоциацией деятелей культуры и искусства Вьетнама памятный вечер, и мы его провели.

Наконец, второе знаменательное событие встреч в писательском доме, хотя и не очень серьезное, но по-своему примечательное. В первый же вечер, когда мы пришли в гости к Марику, он царственным жестом открыл дверцу бара в гостиной, и нашему взору предстало множество бутылок знаменитых французских вин — шабли, бордо, божоле. В те годы в послевоенном, еще не оправившемся от разрухи Вьетнаме такое зрелище невозможно было себе даже представить. А предыстория этого «великолепия», по рассказам ветеранов первой войны Сопrotивления, оказалась такова.

В 1954 году, когда французская армия была окружена под Дьенбьенфу, французское правительство, чтобы поднять боевой дух своих солдат и офицеров, направило в порт Хайфон целый корабль с лучшими французскими винами и другими, более крепкими напитками. Но пока корабль шел к берегам Вьетнама, в Женеве были подписаны соглашения о прекращении войны в Индокитае и выводе французских войск. Содержимое корабля было, естественно, реквизировано вьетнамскими властями. А так как одним из главных пунктов политической программы революционного правительства Хо Ши Мина была объявлена борьба против употребления алкоголя, то десятки тысяч бутылок первоклассного французского вина, свалившиеся, как снег на голову, поначалу даже не пустили в продажу. И только через несколько лет его запасы начали использовать на официальных приемах в президентском дворце и на встречах иностранных гостей.

Мы были молодыми и не избалованными роскошью, поэтому неудивительно, что каждый вечер мы осушали в гостях у Марика по одной, а то и по две бутылки то белого, то красного вина, и к концу пребывания писательской делегации в Ханое опустошили почти весь бар. Остается лишь добавить, что в следующий раз мне довелось отведать настоящих французских вин только через десять лет, когда я оказался в Париже на одной из международных конференций в поддержку Вьетнама. Естественно, в те дни я не раз с теплотой вспоминал незабываемые вечерние дегустации с Мариком в писательском доме на берегу озера Хале...

Заметки на полях. В 1979 году московское издательство «Прогресс» приняло решение издать сборник литературных трудов Хо Ши Мина. С этой целью был создан творческий коллектив, в который вошли известные специалисты по вьетнамской литературе М.Н. Ткачев и Н.И. Никулин, а также автор этих строк. Я стал составителем сборника, а Мариан — редактором и автором примечаний. Благодаря ему, удалось привлечь к работе и великого Константина Симонова, с которым Марика связывали очень теплые, дружеские отношения.

Имя К. Симонова хорошо известно во Вьетнаме. Еще в годы долгой войны Соппротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов (1946—1954) его стихотворение «Жди меня» было переведено на вьетнамский язык, и это самое знаменитое стихотворение наших военных лет знали наизусть сотни тысяч вьетнамских бойцов, многие из которых по несколько лет не виделись со своими женами и невестами. К. Симонов написал для сборника литературных произведений Хо Ши Мина вступительную статью, которую он начал душевными словами, очень точно отразившими глубинную сущность характера вождя вьетнамского народа: «В самом облике Хо Ши Мина было нечто неповторимо поэтическое».

Мы работали над сборником несколько месяцев, и я получил огромное удовольствие от совместной работы с Мариком. Я и сам уже довольно много знал о национальных особенностях и тонкостях древней вьетнамской истории, вьетнамских обычаях и традициях, древнекитайских реминисценциях во вьетнамской классической литературе и фольклоре. Но то, какие познания демонстрировал Марик, было просто невероятно. Зачастую сходу, не прибегая к источникам или словарям, он набрасывал ремарки, что «дракон и феникс считались в древнем Вьетнаме символами государя и государыни», что «в старину ночное время суток во Вьетнаме делилось на пять страж», что «казао — это народные стихи, читаемые нараспев, что-то похожее на наши частушки», что «основатели первого древнего вьетнамского государства Хунг Выонги вели, по преданию, свой род «от Божественного земледельца Тхан Нонга» и еще многое в том же духе.

В 1979 году книга «Хо Ши Мин. Избранное» вышла тиражом 50 тысяч экземпляров. Основное ее содержание составил «Тюремный дневник» — несколько десятков стихотворений, которые Хо Ши Мин написал на ханване, древнекитайском литературном языке, когда он в 1942, 1943 годах томился в чанкайшиских тюрьмах, а также десятки коротких рассказов, очерков, памфлетов, написанных им на французском и вьетнамском языках. Книга получила высокую оценку вьетнамских друзей, но, особенно, советских читателей, которые впервые для себя узнали вьетнамского революционного и политического деятеля Хо Ши Мина совершенно с неожиданной стороны.

Возвращаясь в наши дни, хочу обратить внимание читателей на следующее. В 2021 году в Москве вышла примечательная книга «Как понять язык потомков дракона», раскрывающая тонкости художественного перевода с вьетнамского языка на русский и обратно. В ней рассказывается о лучших русских переводчиках вьетнамской литературы и, конечно, о Мариане Ткачеве. Там есть такая фраза: «У М.Н. Ткачева остались вьетнамские ученики, в 1990-е годы он преподавал теорию и практику перевода в Литературном институте имени А.М. Горького для группы вьетнамских студентов. А вот русских учеников у него не было»¹.

Тут авторы книги И.В. Бритов и Нгуен Тхи Хай Тяу несколько ошиблись. Для меня Мариан Ткачев был не только другом, но и учителем. Под его влиянием темой своей дипломной работы я, к удивлению многих, выбрал довольно сложное творчество одной из выдающихся вьетнамских поэтесс Хо Суан Хыонг — уни-

¹ Бритов И.В., Нгуен Тхи Хай Тяу. Как понять язык потомков дракона. М.: Р. Валент, 2021. С. 15.

кальное, возможно, не только во вьетнамской, но и в мировой литературе, явление. Уникальность ее поэзии в том, что практически во всех ее стихотворениях имеются два смысла: за передним описательным планом часто просматривается второй план с откровенно эротическими образами. Нечто подобное было в фациях великого Леонардо да Винчи — коротких двусмысленных рассказах, которые обычно заключали в себе эротический подтекст. Но Хо Суан Хьонг, по понятным причинам, не могла знать о них, к тому же это были рассказы, а не стихи. Значительную часть ее стихотворений я перевел на русский язык, причем некоторые в зарифмованном виде. На защите мною диплома оппоненткой у меня была девушка из нашей вьетнамской группы Марина, и она часто краснела при цитировании мною стихов великой вьетнамской поэтессы.

...Последний раз я общался с Мариком за два месяца до его кончины. Будучи уже тяжело больным, он, узнав о том, что я собираюсь в Ханой, несколько раз звонил мне, чтобы передать со мной какую-то редкую книгу своему любимцу Кы, которого он считал своим названным сыном. Конечно, я выполнил его просьбу и привез ему письмо от профессора Кы, который сегодня является во Вьетнаме одним из лучших специалистов по русской литературе. Мог ли я тогда думать, что в последний раз выполняю просьбу незабвенного нашего Марика? Он ушел от нас навсегда, но остались его ученики, его прекрасные книги — живое и материальное свидетельство того, что он прожил прекрасную жизнь и навечно оставил свое славное имя в истории российско-вьетнамских отношений, которые были в советском прошлом, да, по сути, остаются и сегодня, подлинно братскими отношениями двух народов, духовно близких друг другу.

Мариан Ткачев умер в 2006 году, и его вьетнамские друзья подготовили и издали многостраничный сборник воспоминаний о нем и его статей о вьетнамской литературе под названием Marian Tkachev, người bạn tài hoa và chí tình (Мариан Ткачев, талантливый и сердечный друг).

Прощай, Ханойский университет!

Если днем все время уходило у нас на учебу, то с вечерним досугом поначалу были проблемы. Телевидения тогда еще не было, раз в неделю мы ходили смотреть фильмы в клубе посольства (а однажды, когда посольство готовило встречу в клубе с высокими вьетнамскими гостями, мы перевели к этой встрече на вьетнамский язык мультфильм «Петя и Красная шапочка»). Еще были у нас редкие походы в Nhà hát lớn (Большой театр), чтобы посмотреть поставленные советским режиссером Ибрагимовым спектакли «Любовь Яровая» и «Кремлевские куранты», а также на улицу Тә Ниён в «Золотой колокол столицы».

Но с началом второго года учебы наиболее излюбленным местом нашего вечернего времяпрепровождения стала просторная гостиная в нашем доме с большим журнальным столиком посередине, напротив — горящий камин. Постепенно — сказывался все-таки молодой возраст — наши беседы стали неумолимо вращаться вокруг одной и той же темы — красоты вьетнамских девушек и можно ли на них жениться.

Кончились эти беседы и мечтания тем, что однажды из меня вырвались два неожиданных четверостишия:

*Чернее тропической ночи
Глаза у красавиц-вьетнамок...
В них кротость святого храма,
Таинственность древних строчек.
Но ярче полдневного зноя
Глаза у красавиц-вьетнамок,
Когда в их душевный замок
Приходит любовь весною...*

Как известно, по Женевским соглашениям 1954 года, власти Севера и Юга Вьетнама имели право провести перегруппировку сил, то есть все желающие могли переехать из одной части страны в другую. Естественно, с Юга на Север переехали десятки тысяч членов Компартии Вьетнама и бывших партизан. Семьи же их остались на Юге, ведь, согласно соглашениям, в течение двух лет должны были состояться всеобщие выборы и произойти воссоединение временно разделенной страны.

Оказавшись в Ханое, южане вскоре создали Союз соотечественников Юга и собственный клуб неподалеку от озера Возвращенного меча, где по выходным дням устраивались встречи бывших участников войны и концерты самодеятельных артистов. Однажды, гуляя вокруг озера, мы заглянули на звуки музыки и познакомились в этом клубе с очень интересными людьми. Они рассказали нам, как долго и трудно воевали в горных джунглях плато Тэйнгун и в камышовых протоках дельты Меконга, как неизменно тоскуют они по своим женам и детям, оставшимся, по сути, в далеком тылу у врага. Мы подружились с южанами и с этого дня часто проводили свои вечера в их клубе.

В середине января 1960 года у ворот клуба появилось объявление, что 30 января состоится праздничный концерт по случаю 10-летия установления дипломатических отношений между ДРВ и СССР. Когда мы пришли на этот концерт, то нас тут же посадили за стол президиума и ведущий представил нас и постоянно обращался к нам как к официальным советским представителям. Мы жутко смущались, нам это все было в диковинку, от политики тогда мы были далеки. Но, конечно, было приятно ощущать себя полномочными полпредами своей страны за тысячи километров от нее.

Как говорилось выше, в связи с тем, что мы были первыми советскими студентами, отношение к нам со стороны министерства образования ДРВ и преподавателей университета было, мягко говоря, очень милосердным. Однако ближе к концу учебы вьетнамские друзья неожиданно проявили непривычную твердость, заявив нам, что без выпускных экзаменов они нас обратно на родину не отпустят. Экзаменов было четыре: грамматика вьетнамского языка, фонетика вьетнамского языка и два письменных сочинения — по древней и современной вьетнамской литературе.

Что касается фонетики, то лично для меня особых проблем этот экзамен не составил — уже в первый год учебы по моей просьбе со мной персонально занимался на дому преподаватель, а потом и мой друг Нгуен Фан Кань. Причем методика у него была весьма своеобразная: в первые недели он обращал внимание все-

го на 4-5 моих ошибок, затем число их стало почему-то быстро расти, а к концу нашей учебы он уже указывал на два десятка ошибок, правда, очень мелких. Вот если, говорил он мне на прощание, сумеешь отшлифовать эти последние неточности, то при разговоре по телефону вряд ли кто догадается, что говорит иностранец.

Через 6 лет, когда я работал корреспондентом ТАСС во Вьетнаме, разразившаяся в Китае «культурная революция» перекинулась и на китайскую диаспору в Ханое. Их ежедневная газета регулярно публиковала всякие пакости о Советском Союзе и его руководстве. Чтобы быть в курсе всех этих публикаций, я регулярно звонил на вьетнамском языке в газету, и иногда только к середине нашей беседы собеседник вдруг к ужасу своему обнаруживал, что говорит с иностранцем, хуже того — с русским...

Другое дело — письменные экзамены. Хотя к тому времени я уже довольно свободно говорил на вьетнамском, читал книги и газеты, переводил по просьбе посольства статьи из газет и журналов, но писать большие, да еще специальные тексты на вьетнамском — этого, конечно, делать никому из нас не приходилось. Когда начались письменные экзамены, я довольно легко справился с древней литературой, которую очень любил и знал, а вот с современной литературой произошла неожиданная пробуксовка.

В те годы моим любимым современным писателем был Vũ Trọng Phụng — автор замечательного сатирического романа «Số đỏ» (Счастливая судьба). Я с удовольствием перечел его несколько раз и был, как говорится, «в теме». Писал сочинение об этом романе самозабвенно, получилось много страниц, но, в конце концов, схлопотал «трояк». В чем дело?

Оказывается, в середине 1930-х годов Ву Чонг Фунг, исходя из лучших побуждений, опубликовал статью, в которой призывал Сталина и Троцкого помириться, так как вражда между ними, по его мнению, ослабляет мировое революционное движение. А ведь в те годы для созданной Хо Ши Мином в 1930 году Компартии Индокитая (КПИК) Сталин был, естественно, непререкаемым авторитетом. Это с его одобрения КПИК была принята в Коминтерн и участвовала в работе основных Конгрессов Коминтерна. В январе 1950 года СССР в числе первых признал ДРВ и оказал ей необходимую военную помощь и политико-дипломатическую поддержку, благодаря чему, в конечном счете, была одержана историческая победа в сражении при Дьенбьенфу и успешно подписаны Женевские соглашения о восстановлении мира во Вьетнаме.

Понятно, что после выхода этой пресловутой статьи Ву Чонг Фунг в агитационных материалах КПИК был назван «реакционным писателем» со всеми вытекающими последствиями. Чего, когда писал сочинение о его романе “Số đỏ”, я, к сожалению, не знал. Зато сегодня во Вьетнаме, идущем по пути обновления, Ву Чонг Фунг — признанный классик вьетнамской литературы, его произведения регулярно переиздаются, изучаются в школах и институтах.

Вместо эпилога к главе

Итак, выпускные экзамены позади, опять ханойский вокзал, опять бескрайние просторы Китая и Сибири за окном поезда, и вот я снова в ставшей уже родной Москве. И тут вдруг началось пробуждение от двухлетнего сладкого сна, ко-

торое стало поистине ужасным. Прежде всего, я отстал от своих товарищей по группе на целых два курса, и для того, чтобы догнать их и вместе с ними получить диплом МГУ, я должен был сдать все экзамены и зачеты за два пропущенных курса, плюс экзамены и зачеты за текущий 5-й курс. В результате у меня иногда выпадали такие дни, когда приходилось сдавать по два, а то и по три экзамена кряду. И одновременно надо было готовить еще и дипломную работу. И, во-вторых, после двух «богатых» лет, я снова вернулся на «жалкую» студенческую стипендию, и приходилось искать подработку (иногда мы с Сергеем Афониним работали даже грузчиками).

И тут в нашу монотонную жизнь неожиданно ворвался яркий, незабываемый день, когда по радио было неожиданно объявлено: «В космосе советский человек Юрий Гагарин!». День был учебный, все были в институте, а Институт восточных языков, как известно, находился на Моховой улице (тогда Карла Маркса), прямо напротив Красной площади. Кто-то из энтузиастов нашел полотнище, краску и соорудил транспарант со словами «Все — в космос!». И с этим полотнищем наш институт одним из первых рванул на Красную площадь. А там уже были кинооператоры, и я впоследствии видел кадры кинохроники о первом дне новой эры человечества, в которые попали и студенты нашего института, и наш смелый, призывный транспарант.

Прошло несколько месяцев, и произошло еще одно «историческое» событие — меня приглашают синхронным переводчиком на XXII съезд КПСС (октябрь 1961 года). До этого делегации из Вьетнама на партийных, комсомольских, профсоюзных мероприятиях в нашей стране слушали переводы на французский язык. Но на сей раз орготдел ЦК решил — хватит «мучать» вьетнамских друзей языком колонизаторов. Так как совершенно не было ясности, кто из наших специалистов по Вьетнаму готов к синхронному переводу, была создана большая группа из 6 человек. По мере работы съезда она постепенно сокращалась, и, в конце концов, осталась «четверка», вроде бы соответствовавшая основным требованиям синхронного перевода: преподаватель МГИМО Идалия Алешина, сотрудник Отдела Юго-Восточной Азии МИД СССР Рашит Хамидулин, аспирант МГИМО Григорий Локшин и студент 6-го курса ИВЯ при МГУ Евгений Кобелев.

Съезд проходил в только что сданном в эксплуатацию Дворце съездов. Кабинки для переводчиков были расположены на втором этаже, в помещении были окна, которые выходили в зал, где проходил съезд. В перерывах после каждых 15 минут перевода мы смотрели в зал и лицезрели знаменитых людей, причем нам представлял их Хамидулин, который, как оказалось, очень многих знал в лицо. Целых две недели мы работали буквально «на износ». Изошрялись, как могли, пытаясь перевести на вьетнамский (тональный!) язык многочисленные словесные перлы Н.С. Хрущева — «мы вам покажем кузькину мать», «мы в это время тоже не ноздрями мух били», «наш метод — доение коров елочкой» и десятки других.

Заметки на полях. В своем докладе Хрущев снова много внимания уделил культуре личности Сталина. Все это у нас было переведено заранее — где-то за две недели до начала съезда основную часть специалистов вьетнамского языка (были даже из Ленинграда) поселили на даче ЦК КПСС в Вольномском, и мы все там трудились. Запомнилась такая фраза из его доклада: «Марксизм-ленинизм ... решительно выступает против возвеличения, а тем более против обожест-

вления тех или иных личностей. Возвеличение одной личности неизбежно отодвигает на задний план народ и партию, принижает их роль и значение»¹. Хрущев несколько раз, оторвавшись от текста, отдельно «прошелся» по К.Е. Ворошилову, и мы видели сверху, как тот то и дело срывал с себя наушники и швырял их на стол. Самое грустное, что в последующем сам Хрущев стал субъектом уже своего культа личности,

Но, разумеется, самым ответственным испытанием для нас стало предстоящее приветственное выступление главы вьетнамской делегации Президента Хо Ши Мина. После долгих размышлений наш куратор из орготдела ЦК решил доверить мне — еще студенту — переводить для делегатов на весь зал речь вьетнамского вождя. По-видимому, решающую роль при этом выборе сыграло то, что я единственный из переводчиков был выпускником Ханойского университета.

Ближе к завершению работы съезда представитель орготдела попросил Хо Ши Мина дать оценку первому нашему опыту синхронного перевода на один из наиболее сложных восточных языков. Никогда не забуду, как Хо Ши Мин, дав краткую характеристику каждому из наших переводчиков, лично обо мне сказал следующее: «Парень, у которого баритон, и у которого ханойское произношение, переводит хорошо». К этому остается добавить, что сам Хо Ши Мин очень неплохо знал русский язык (в 1920 и 1930-х годах он в общей сложности около шести лет работал и учился в Москве), поэтому последний абзац своего приветственного обращения к делегатам XXII съезда КПСС он произнес по-русски.

Итак, закончились, причем на мажорной ноте, мои «ханойские и московские университеты», и началась подготовка к самостоятельной трудовой жизни. У всех нас троих, первых российских студентов во Вьетнаме, она сложилась по-разному, но на достаточно почетном уровне. Так, Валерий Панфилов стал доцентом, а потом профессором восточного факультета Ленинградского университета. Владислав Дворников много лет работал в военных атташатах наших посольств в Ханое и Пномпене. А я — сначала корреспондентом ТАСС в Ханое в первые годы агрессии США, а затем — два десятилетия ответственным сотрудником Международного отдела ЦК КПСС — куратором отношений нашей страны с Южным Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей.

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17-31 октября 1961 г. Стенографический отчет. Т. 1. М. 1962. С. 103.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ТРУДОВЫЕ БУДНИ

Свой трудовой путь я начал будучи еще студентом ИВЯ, в 1961 году — переводчиком вьетнамского языка в Центральной комсомольской школе в Вешняках, куда ежегодно из Вьетнама приезжали на учебу группы вьетнамских комсомольских работников по 15—20 человек. Через год я «переташил» туда и Сергея Афонина, и мы на пару с ним переводили лекции по политэкономии, философии, истории КПСС и основам комсомольской работы.

Это было прекрасное время с точки зрения познания глубин современного вьетнамского языка. К каждой лекции приходилось подолгу готовиться с использованием вьетнамских учебников и русско-вьетнамских словарей. Зато после этого такие сложные для перевода на вьетнамский язык слова, как крейсер «Аврора», коллективизация, индустриализация, экзистенциализм, инфляция и т. п., стали для нас, говоря народным языком, «семечками».

Немного истории. Треугольник «КПСС—КПК—КПВ»

Но не все в нашей работе шло гладко. Конец 1950 — начало 1960-х годов были отмечены началом и последующим обострением разногласий между двумя главными союзниками ДРВ — СССР и КНР. Первые симптомы этих разногласий появились после XX съезда КПСС (1956), развенчавшего культ личности И.В. Сталина и провозгласившего во внешней политике СССР курс на «мирное сосуществование». Как известно, руководство КПК, и особенно Мао Цзэдун, крайне негативно восприняли эти решения, с чего, по сути, и началась идеологическая борьба между КПК и КПСС.

Иную позицию в отношении решений XX съезда и постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» заняли Хо Ши Мин и руководство КПВ¹. Еще в июле 1956 года советский посол в ДРВ М.В. Зимянин докладывал в Москву об отношении во Вьетнаме к решениям XX съезда. В этой депеше он приводил слова Хо Ши Мина о том, что руководящее ядро партии рассматривает это постановление как справедливое и хорошее решение.

Впоследствии в опубликованной в газете «Правда» статье Хо Ши Мин писал: «Ясно, что победивший социализм не мог более терпеть ни культа личности, ни его пагубных последствий. Решительные меры, принятые ЦК КПСС для преодоления культа личности и его последствий, являются в истории беспрецедентным приме-

¹ До 1976 года КПВ называлась Партия трудящихся Вьетнама (ПТВ). Но для удобства повествования я буду называть ее Коммунистической партией Вьетнама (КПВ), чем она, по сути, и являлась.

ром политической смелости... Незыблемый авторитет Коммунистической партии Советского Союза растет и укрепляется еще больше. Занимая ленинскую позицию в вопросах критики и самокритики, ЦК КПСС показал, что он гораздо меньше заботится о том, «что скажут» реакционеры, чем о необходимости исправления ошибок и о воспитании партии рабочего класса и народных масс»¹.

Вместе с тем теоретическая полемика между КПК и КПСС, которая вскоре приобрела характер открытого идейно-политического противоборства между двумя партиями, поставила руководство КПВ перед весьма трудно разрешимой дилеммой. Получившие огласку советско-китайские идеологические разногласия, переросшие затем в ухудшение межгосударственных отношений и конфронтацию между двумя великими социалистическими державами — главными союзниками Демократической Республики Вьетнам, естественно, не могли не оказывать негативного воздействия и на характер отношений между СССР и ДРВ. Дело в том, что и советская, и китайская стороны, что естественно, стремились перетянуть компартию Вьетнама на свою сторону.

Советско-китайская полемика не могла обойти стороной и членов КПВ. Среди них также начали нарастать разногласия, хотя Хо Ши Мин постоянно предостерегал партию от явлений фракционности, и КПВ в своей длительной истории счастливо избежала их. В тот исторический период важной формой коллективного анализа актуальных проблем мирового развития служили периодические совещания коммунистических и рабочих партий. Они стимулировали творческую деятельность всех общественно-политических институтов социалистических стран. Выводы, сделанные на таких совещаниях, служили ориентиром в определении сущности сложных и противоречивых проблем мирового развития.

Особое место в этом процессе заняло международное Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в ноябре 1960 года. Уже в период подготовки к Совещанию КПВ поддержала проекты документов, представленные КПСС. В своем выступлении на Совещании Хо Ши Мин настойчиво призывал: «Для того, чтобы победить общего врага, мы должны быть тесно сплоченными. Сплоченность — это наша непобедимая сила. В центре этой сплоченности находится Советский Союз»². Руководство КПВ, учитывая серьезность ситуации, вновь предложило «братским партиям немедленно прекратить взаимные нападки по радио и на страницах печати» и «избегать действий, способных усилить раздор».

Между тем накал советско-китайской полемики продолжал нарастать. И каждая из сторон требовала от вьетнамского руководства четкого ответа на вопрос: на чьей стороне оно находится. В связи с растущими день ото дня разногласиями внутри КПВ вопрос о ее внешнеполитической линии был включен в повестку дня 9-го пленума ЦК (декабрь 1963 года). Пленум осудил «современный ревизионизм, оппортунизм и догматизм». При этом под «ревизионизмом» имелись в виду, судя по всему, взгляды Н.С. Хрущева по вопросам мирного сосуществования. В результате советско-вьетнамские отношения постепенно стали ухудшаться. Вьетнамское руководство даже приняло решение отозвать из СССР студентов ДРВ, изучавших общественные дисциплины, считая, видимо, что там им «промывают мозги». Решения

¹ Хо Ши Мин. Избранное. Воспоминания о Хо Ши Мине. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 147.

² Интернациональное сотрудничество КПСС и КПВ: история и современность. М.: Политиздат, 1987. С. 294.

9-го пленума вызвали у руководства КПСС множество вопросов. Между Москвой и Ханое активизировалась дискуссия по вопросам, стоявшим в то время в центре внимания международного коммунистического движения, а в советско-вьетнамских отношениях возникло некоторое взаимное недопонимание.

Серьезные трения в «треугольнике КПСС — КПВ — КПК» осложняли решение задач национально-освободительной борьбы вьетнамского народа, требовали от руководства КПВ высокой тактической гибкости и сбалансированности в отношениях с двумя ее главными союзниками при сохранении принципиальности и твердости в том, что касалось реализации главной стратегической задачи — освобождения Юга и объединения страны. Руководство КПВ, проявляя тактическую гибкость, не давало втягивать себя в публичную полемику. В условиях долгой и трудной борьбы против агрессии такого могущественного врага, как американский империализм, жизненно необходимо было, говоря известными словами Хо Ши Мина, проводить политику «чем больше друзей, тем меньше врагов».

Вместе с тем, руководство КПСС считало, что Ханой постепенно переходит на позиции Пекина. И тому, вроде бы, было довольно много свидетельств в самом Вьетнаме. В апреле 1964 года в Ханое прошло Особое совещание ЦК КПВ, где в ходе дебатов, по данным китайских средств массовой информации, чаша весов якобы склонилась в сторону поддержки линии Пекина. Вскоре после этого в Москву прибыла делегация КПВ во главе с недавно избранным Первым секретарем ЦК Ле Зуаном.

Автор этих воспоминаний был переводчиком на встрече вьетнамской делегации с делегацией КПСС, которую возглавлял второй человек в партии М.А. Суслов. Вспоминаю, как Суслов монотонно перечислял все «прегрешения» вьетнамского руководства и призывал пересмотреть «ошибочный курс», а Ле Зуан в ответной речи вроде бы довольно аргументированно опровергал эти обвинения. Неизвестно, как бы развивались дальше взаимоотношения в треугольнике КПСС—КПВ—КПК, если бы не последовавшие затем драматические события в СССР и во Вьетнаме.

В октябре 1964 года произошло отстранение от власти Хрущева, и новое руководство КПСС стало пересматривать отношение к ситуации в Южном Вьетнаме. В Ханое же в условиях, когда военное вмешательство США приобретало все более массированный характер, пришли к логическому выводу, что Вьетнам вряд ли устоит в войне против самой мощной империалистической державы без современного советского оружия и без политической поддержки Советского Союза.

В конечном счете, руководителям СССР и ДРВ удалось договориться о единстве действий, отодвинув в сторону вопросы идеологического порядка. В тех исторических условиях такой вывод стал важным достижением. Самое главное, между двумя партиями не возникло отчуждения, напротив, в результате дискуссии стороны стали лучше понимать друг друга. Сползание к обострению отношений было приостановлено. А вскоре объективное развитие событий вдохнуло мощную позитивную струю в отношения между КПВ и КПСС.

Рассказываю так подробно об этих разногласиях потому, что против своей воли оказался непосредственно втянут в нараставший конфликт. Однажды на лекции по комсомольской работе один советский преподаватель, начитавшись бюллетеней ТАСС «ОЗП» (Отдел закрытой печати), вывалил на головы молодых вьетнамских работников всю негативную информацию, которой он располагал. Смысл его пассажа сводился к тому, что КПВ раскололась на две части: одна из

них поддерживает КПСС, другая — КПК. Причем из его слов следовало, что «просоветские силы» находятся в явном большинстве.

Вьетнамская аудитория выслушала все это в гробовом молчании. Однако на следующий день руководитель группы, по-видимому, согласовав свою линию поведения во вьетнамском посольстве, выступил с пространной «программной речью». Все, что мы вчера слышали, говорил он с нескрываемым волнением, — не соответствует действительности. Наша партия со дня ее основания всегда выступала против фракционности, за идейное и политическое единство партийных рядов. Это положение было главным в идеологии Хо Ши Мина, который создал партию и неизменно жестко выступал за единство партийных рядов. На следующий день я отвез руководителя группы в больницу с сильным нервным потрясением, а через несколько дней вьетнамская сторона сообщила, что она больше не будет посылать своих работников на учебу в Центральную комсомольскую школу. И мы с Сергеем неожиданно остались без работы.

Все лето 1964 года мы были заняты поисками работы. Сергею предложили место в международном отделе ЦК ВЛКСМ. Мне же поступило сразу два предложения, разных по характеру, но не менее заманчивых. Диктором на вьетнамском языке в Отделе вещания на Вьетнам Гостелерадио СССР, причем с такими привлекательными условиями, от которых было просто трудно отказаться: с предоставлением служебной квартиры и московской прописки, которой я до тех пор не имел. А второе предложение — поехать корреспондентом ТАСС во Вьетнам с туманной перспективой купить в будущем кооперативную квартиру.

Как ни странно, я недолго думал над этими предложениями: откровенно говоря, мне уже надоело переводить или озвучивать чужие тексты, душа жаждала самостоятельной творческой работы, и я с радостью принял второе предложение.

Журналистской тропой

Летом 1964 года в старинном здании на Тверском бульваре я готовился ко второй поездке во Вьетнам, теперь уже на работу в качестве постоянного корреспондента ТАСС. В редакции стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, где я успел проработать всего три месяца, меня настраивали следующим образом: не рассчитывай на то, что тебя будут часто публиковать; твоя главная задача — отслеживать наиболее важные публикации во вьетнамской печати, касающиеся советско-китайского конфликта. Объяснялось это просто: в те годы уже разгоралось пламя будущего глобального конфликта между КПСС и КПК, и тогдашнему руководству КПСС казалось, что в этом конфликте Ханой склонен больше поддерживать Пекин. Кроме того, Н.С. Хрущев как главный инициатор и поборник принципа мирного сосуществования двух систем считал, что начатая при поддержке Ханой и стремительно набиравшая масштабы партизанская война на Юге Вьетнама мешает претворению этой его идеи в жизнь. К тому же, если на Юге Вьетнама ситуация с каждым днем накалялась, то на Севере, с точки зрения журналистской событийности, все было внешне спокойно.

Однако за считанные дни до моего отлета в Ханой с женой Людмилой ситуация резко изменилась. 5 августа 1964 года, воспользовавшись предложением «прово-

кационных действий» со стороны торпедных катеров ДРВ против кораблей 7-го флота США, находившихся в водах Тонкинского залива, американские самолеты нанесли ракетно-бомбовый удар по прибрежным районам Северного Вьетнама. Вслед за тем 10 августа Конгресс США принял так называемую «Тонкинскую резолюцию», согласно которой президенту США предоставлялось право неограниченного использования вооруженных сил для ударов по ДРВ в качестве «мер возмездия».

В середине сентября мы прибыли самолетом в Ханой, причем так совпало, что одновременно с новым советским послом И.С. Шербаковым (известный советский дипломат на азиатском направлении: в 1963, 1964 гг. — советник-посланник в КНР, в 1964—1977 гг. — посол СССР в ДРВ, в 1978—1986 гг. — посол СССР в КНР).

Здание корпункта на улице Cao Bá Quát, 12 мы застали в плачевном состоянии. Предыдущий корреспондент неожиданно по болезни вернулся в Москву, и в ТАСС полгода искали и готовили ему замену, поэтому все это время в корпункте никто не жил. Кроме того, машина корреспондента «Волга» (Газ-21), как оказалось, была не на ходу. Пришлось начать с того, что с помощью завхоза посольства я оформил списание ее в утиль. Потом дворник Хай сообщил мне, что ее вполне можно продать, и он даже может найти покупателя. В общем, машина была продана за вполне приличные деньги. А дальше встал вопрос, что с ними делать? В те годы мы воспитывались в атмосфере абсолютной честности, и я при составлении годового финансового отчета включил эту сумму как доход корпункта. Когда летом я приехал в Москву в отпуск и пришел в ТАСС, сбежалась вся бухгалтерия, чтобы посмотреть на человека, которой доставил им столько хлопот, так как в их многолетней практике еще не было случая, чтобы корпункт приносил доход. Но, как говорится, инициатива наказуема: на следующий год бухгалтерия уменьшила мне финансирование как раз на сумму принесенного дохода. И это совпало по времени с начавшейся воздушной войной, когда цены в Ханое на все, особенно на бензин, резко взмыли вверх.

* * *

Первые полгода, пока я вживался в доселе не известные мне «секреты» журналистской работы, обстановка в стране была спокойной. Однако в начале февраля 1965 года ситуация резко обострилась. 7 и 8 февраля американская авиация подвергла хорошо спланированной бомбардировке два южных города ДРВ — Донгхой, Хоса и близлежащие деревни. Лично для меня как непосредственного очевидца тех событий до сих пор остается загадкой, почему администрация США выбрала для начала необъявленной воздушной войны против ДРВ именно эти дни, когда в Ханое находилась советская партийно-правительственная делегация в составе председателя Совета Министров А.Н. Косыгина и заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.В. Андропова. Может быть, в Вашингтоне рассчитывали запугать не только Ханой, но и Москву? Но это было бы слишком банальным решением.

Как бы то ни было, но результат, естественно, получился совершенно обратный. Как рассказывали советские участники переговоров в Ханое, до этого вьетнамская сторона представила А.Н. Косыгину огромный список конкретных просьб о поставках различных видов вооружений, к которым он якобы отнесся

без особого энтузиазма. Однако после 7 и 8 февраля, крайне возмущенный действиями американской стороны, которая намеренно игнорировала присутствие в Ханое главы правительства великой державы, А.Н. Косыгин решительно высказался за оказание максимально возможной помощи ДРВ. Эта позиция была четко выражена уже на следующий день в заявлении Советского правительства, а 10 февраля повторена в Совместном заявлении правительств ДРВ и СССР.

По итогам визита делегации и подписанных двусторонних соглашений Народная армия Вьетнама в рекордно быстрые сроки была оснащена современным советским вооружением: противовоздушными ракетами, зенитной артиллерией, истребительной авиацией и другими видами боевой техники. Всему этому я был лично свидетелем, а о многом узнавал от сотрудников посольства и военного атташата.

Первая поездка на юг ДРВ (февраль 1965)

Хотя я работал в Ханое уже более полугода, в южных районах ДРВ я еще ни разу не был. Учитывая особенности военного времени, вьетнамская сторона, что вполне объяснимо, не поощряла свободное перемещение иностранных журналистов по территории страны. На тот момент в Ханое от нашей страны были аккредитованы корреспонденты ТАСС, Агентства печати «Новости», Гостелерадио и газеты «Правда». Решив действовать сообща, мы обратились к Ю.В. Андропову с просьбой посодействовать, чтобы вьетнамские власти разрешили нам выехать на юг в районы, подвергшиеся бомбардировкам.

И вот 11 февраля ближе к полудню кортеж из трех «газиков», замаскированных пальмовыми и банановыми листьями, тронулся в путь из Ханоя на юг. Нас 9 человек: корреспонденты газет, радио, информационных агентств из Советского Союза, ГДР, Чехословакии, Франции. Цель нашей поездки — провинция Куангбинь и район Виньлин, граничащие с северной зоной Республики Вьетнам (так сайгонские власти именовали свое государство).

...Необычайно красив путь от Ханоя на юг — к незримой, но реально ощущаемой 17-й параллели, разделившей Вьетнам на две части. Узкой змейкой вьетская асфальтированная дорога посреди необозримого моря залитых водой рисовых полей. Проплывают по обеим сторонам традиционно вытянувшиеся вдоль дороги на несколько километров вьетнамские деревушки — бамбуковые хижины, крытые соломой, белостенные дома под красной черепицей, едва проглядывающие из-за разлапистых крон банановых деревьев. Над головой — удивительно синее небо, какое редко можно увидеть в находящемся в низине Ханое. На западе в туманной дымке встают горы — отроги хребта Чыонгшон, покрытые дремучими зарослями джунглей. На горных вершинах, словно взбирающийся по круче отряд туристов, растянулись цепочкой «sâu lim» — знаменитые железные деревья.

За окном машины мелькают приземистые, чисто побеленные столбики с указателями: до Сайгона — 1100 км, до Хюэ — 500 км. Еще совсем недавно, каких-нибудь одиннадцать лет назад, дорога № 1, по которой мчатся наши «газики», соединяла Ханой с Сайгоном, была символом единства страны. Теперь же

она, как и весь Вьетнам, рассечена надвое демаркационной линией, проходящей по 17-й параллели.

Как уже говорилось выше, 7 и 8 февраля американские самолеты совместно с южновьетнамскими ВВС неожиданно подвергли бомбардировке два южных города ДРВ Донгхой, Хоса и близлежащие деревни. Снова, как и 5 августа, вооруженные провокации? Так думали многие, в том числе и сопровождавшие нас вьетнамские друзья. Во всяком случае, товарищ Ланг, работник отдела печати МИД, на летучке перед выездом говорил нам, что империалисты США совершили новые вооруженные провокации против ДРВ и что задача иностранных журналистов — ознакомиться на месте со следами преступлений и сообщить о них своим читателям. Мало кто предполагал тогда, несмотря на напряженную атмосферу, которая ощущалась во всем, что эти и последующие налеты американской авиации на южные города ДРВ были началом почти восьмилетней воздушной войны, которая принесла вьетнамцам столько разрушений, смертей и страданий, а американским агрессорам, развязавшим ее, позор и бесславие вместо победных фанфар.

После города Виня, когда было пройдено уже больше полпути, наши машины еще раз тщательно замаскировали пальмовыми и банановыми листьями. Дальше начиналась зона возможных боевых действий американской авиации. На дороге все чаще стали попадаться солдаты. Традиционные для вьетнамской армии пробковые шлемы совсем еще юных новобранцев были уже закамуфлированы зелеными листьями. Так делали еще их отцы и старшие братья в годы войны Спротивления против французских колонизаторов.

У переправы через реку Рон к нам подбежал какой-то офицер и сообщил, что только что из Дананга вылетели в неизвестном направлении до 30 американских самолетов. В Хатине, где мы остановились в гостинице переночевать, нас подняли по тревоге еще затемно, чтобы мы успели проскочить опасный отрезок пути до Донгхой. В этих местах уже жили по законам военного времени.

Наконец, наш кортеж, преодолев около 500 километров, въезжает в подвергшийся бомбежке Донгхой — центр провинции Куангбинь. Это — уютный, курортного типа городок, зажатый между длинной морской полосой и громадами надвигающихся с запада гор, поросших буйной тропической зеленью. Городок встречает нас удивительной тишиной — даже не верится, что три дня назад здесь рвались бомбы. Администратор гостиницы сообщает нам на всякий случай, что слева от столовой находится подземный бетонированный бункер, а справа, вдоль берега реки Нягле, — индивидуальные окопы. Эти его слова воспринимаются нами как-то несерьезно — такая тишина и благодать стоят вокруг.

Уже полдень, и хозяева приглашают нас к столу. Предстоит обед по-вьетнамски: на первое — «нэм Сайгон», блинчики из рисовой муки с мясом; на второе — «фо» — терпкий суп с рисовой лапшой. На столе обязательно присутствует *phở* *thịt* — соленый рыбный соус. Это традиционная приправа, без которой не обходится ни один вьетнамец.

И вдруг, когда обед уже подходил к концу, завывла сирена воздушной тревоги. — А л'абри! (В убежище!) — закричал Ланг. Неужели снова налет? Мешая впопыхах друг другу, хватаем фотоаппараты, записные книжки и скатываемся в окопчики на берегу реки. Город пустеет на глазах. С юго-востока под монотонный гул двигателей появляется первая четверка американских самолетов. Они идут медленно, в боевом строю и так низко, что можно различить их номера и

опознавательные знаки. Трудно себе представить, что эти самолеты будут сейчас бомбить. Американские бомбардировщики плывут над городом, а вокруг уже всюду гремит канонада. За стеной гостиницы, где-то совсем неподалеку от нас, неистово строчит зенитный пулемет. Вспыхивает ярким пламенем небольшой домик на противоположном берегу реки. Один из самолетов входит в пике и прошивает пулями два судна, стоящие у причала. Перед нашими глазами со свистящим гулом проносится в воздухе реактивный снаряд и врежется в соломенную хижину, расположенную приблизительно в 200 метрах от нас. Откуда-то доносится завывание падающих бомб, гремят взрывы. Река заволакивается клубами белого дыма.

Неожиданно в северо-восточной части города мелькает серебристая сигара американского бомбардировщика, окутанного густыми клубами дыма. Взрыв упавшего самолета едва слышен среди грохота канонады. Вдали видны отдельные самолеты, уходящие в сторону моря. И вдруг сквозь деревья, окружающие нашу гостиницу, видим приближающийся к земле купол парашюта. Значит, все-таки сбили. Смотрю на часы — налет продолжался всего полчаса. К нам подбегает офицер ПВО и гордо сообщает, что сбиты пять американских самолетов. Два из них упали в окрестных джунглях, один — в море, в районе деревушки Нгытхюи, еще два других — к северо-западу от города. Летчик самолета, упавшего в море, катапультировался и взят в плен.

Разговорившись с офицером, неожиданно узнаю, что в налете на Донгхой 8 февраля совместно с американцами участвовала эскадрилья бомбардировщиков сайгонской армии, и вел ее не кто иной, как «сам» Нгуен Као Ки — премьер-министр «Республики Вьетнам». Это ему принадлежит циничная фраза: «Южному Вьетнаму нужны сильные личности — такие, как Гитлер. Лично у меня только один герой — Гитлер». Теперь Нгуен Као Ки добавил новые лавры к своей «славе». Вряд ли найдется в мире еще один премьер-министр, который бы лично бомбил города и села «противника», точнее — своей собственной родины, потому что родился Нгуен Као Ки в Северном Вьетнаме, в городе Шонтэй, а его братья и старший отец до сих пор живут в Ханое.

Вечером, еще не оправившись от волнений трудного дня (я лично последний воздушный налет пережил в далеком детстве), идем на первую в нашей журналистской практике пресс-конференцию в боевых условиях. В здании административного комитета города собралось более 150 человек: представители зенитных частей, народного ополчения, отрядов самообороны, корреспонденты центральных вьетнамских газет, местные журналисты, к ним присоединились и мы — иностранные корреспонденты. Под бурные аплодисменты присутствующих начальник гарнизона Донгхоя майор Чан Шы сообщает, что за три дня вооруженные силы провинции Куангбинь сбили 12 американских самолетов. В ходе сегодняшнего налета в городе разрушены школа-семилетка, городская больница, несколько десятков жилых домов. Большие жертвы среди гражданского населения.

На столе, посреди зала, где проходит пресс-конференция, выставлены боевые трофеи: плексигласовая крышка кабины американского самолета, шлемофон летчика, какие-то замысловатые приборы, патроны от 12-миллиметрового пулемета, искореженные куски реактивных снарядов.

— Два часа назад, — продолжает майор Чан Шы, — «Голос Америки» сообщил, что в сегодняшнем налете на ДРВ участвовало 50 американских самолетов и что все они благополучно вернулись па базу. То, что это заведомая ложь, вы

сможете сейчас убедиться своими глазами. Введите пленного! — отдает он приказание офицеру, стоящему у двери.

В зале наступает гнетущая тишина. Открывается дверь. Два вьетнамских солдата вводят американского летчика. Высокого роста, голубоглазый, с мясистым носом, русыми волосами, в лягушачьего цвета летном комбинезоне летчик бесстрастно смотрит в зал. Его потухший, усталый взор ничего не выражает. Он пытается смотреть прямо перед собой, но, когда его взгляд случайно наталкивается на какого-нибудь вьетнамца, глаза начинают бегать. Летчику 32 года. Зовут его Роберт Шумейкер. Лейтенант-коммандер военно-морских сил США, служебное удостоверение № 548955. Его схватили ополченцы общины Лининь, куда он приземлился после катапультирования. При пленении оказал яростное сопротивление, поэтому руки его сейчас связаны за спиной веревкой.

Когда кто-то из журналистов спрашивает его, знает ли он, что в ходе сегодняшнего налета погибли старики, женщины, дети, Шумейкер как-то по-петушиному вскидывает голову и скороговоркой бросает реплику, смысл которой в том, что это был ответный удар на операции «вьетконга» в Южном Вьетнаме («вьетконгом», что в дословном переводе означает «вьетнамский коммунист», американцы называли южновьетнамских партизан). В ответ на эти слова из середины зала звучит, как натянутая струна, звенящий голос какого-то паренька: «Долой американских империалистов!». В воздух взлетают десятки сжатых кулаков — этот пламенный жест в прошлые времена объединял под девизом «Рот фронт!» всех истинных борцов против фашизма и войны, — и в зале гремит гневное: *Đã đảo! Đã đảo! Đã đảo!* (Долой!).

...Прошло несколько бурных дней с тех памятных событий. Воздушные налеты на южные районы ДРВ не прекращались. Стало ясно, что это уже не эпизодические провокации, это начало тотальной воздушной войны, войны на истребление. Как и всякая агрессия, эта война была начата без объявления, вероломно. Над страной, лишь совсем, казалось, недавно обретшей долгожданный мир, вновь пронесся призывный клич: «Все на защиту Родины!». Было объявлено о создании Верховного совета обороны во главе с Президентом Хо Ши Мином. По улицам Ханоя днем и ночью маршировали ополченцы, проходили колонны солдат, спешили на юг тягачи с расчехленными зенитными орудиями. Газеты сообщали, что уже около миллиона человек подали заявления о вступлении добровольцами в Народную армию Вьетнама. Вся страна становилась под ружье, чтобы в смертельной схватке с вооруженным до зубов агрессором отстоять независимость и суверенитет своей родины, свое священное право на мирную и счастливую жизнь.

С началом регулярных налетов американской авиации на северовьетнамские города посол И.С. Щербаков принял решение отправить в эвакуацию в Союз всех советских женщин и детей. Я проводил Людмилу, которая была беременна и, снедаемый беспокойством, оставшись один в двухэтажном доме корпункта ТАСС, постоянно жил ожиданием, все ли пройдет нормально и кто у нас родится. И вдруг 4 июня мне сообщили из Отдела печати МИД ДРВ, чтобы я собирался в дальнюю дорогу — организуется поездка советских журналистов в город Винь на юге, который подвергается массированным налетам. А утром 5 июня раздался звонок из Москвы, из нашего отдела Юго-Восточной Азии, и мне сообщили долгожданную весть, что у меня родился сын. Радость моя была неописуе-

ма. Назвали мы его Александром, в честь его деда, отца жены. И это великое для меня событие даже не удалось отметить, как полагается, так как у ворот дома уже стоял и ждал меня закамуфлированный «газик».

Вторая поездка на юг ДРВ (июнь 1966)

Вспоминаю, как мы долго ехали к городу Виню. В небольшой деревушке неподалеку от города Тханьхоа, где мы вынуждены были остановиться, так как американские самолеты в который уже раз бомбили мосты и переправы на участке дороги Ниньбинь — Тханьхоа, я пишу «зарисовки» в блокноте при тусклом свете коптилки. Рядом со мной ночной рынок. Мудрые лица старух-торговок, непривычно суровые — детей. На разложенных на земле циновках — бананы, кокосы, личжи. Покупатели, присвечивая себе карманными фонариками, торгуются почему-то вполголоса и как-то виновато.

Покрытый маскировочной сеткой с развевающимися на ветру листьями-крыльями, наш газик с одной слабо светящейся фарой, к тому же прикрытой сверху черной бумагой, продвигался на юг рывками. Далеко позади остался притихий, словно перед бурей, Ханой. Навстречу нам в затянутом завесой моросящего дождя небе неся гул американских самолетов, державших курс на север. Прошло лишь несколько месяцев с тех пор, когда я был в этих краях в последний раз, а как все здесь переменилось. На десятки километров вокруг — ни одного огонька. Только на севере полыхает зарево разрывов — там идет ожесточенный бой. По обеим сторонам дороги тянутся бесконечной вереницей развалины вьетнамских деревень. На дорогах и переправах полновластный хозяин карманный фонарик. Все время проверяют документы. С тех пор как началась воздушная война, дороги Вьетнама живут только ночью. Бомбардировка коммуникаций — одна из важнейших частей американского стратегического плана в отношении ДРВ. Изредка из темноты выплывают по обочинам дороги обгорелые скелеты пассажирских автобусов и грузовиков, изрешеченных пулями крупнокалиберных пулеметов.

Вокруг, насколько хватает глаз, колышется море маленьких постоянно перемещающихся огоньков. В непроглядной темени безлунной тропической ночи они кажутся особенно яркими. Это или бегающие лучи карманных фонариков в руках дорожных регулировщиков, или самодельные коптилки, с которыми крестьяне бегут вдоль дороги семенящей походкой в такт покачивающимся на их плечах коромыслам, или же летающие в воздухе светлячки, которые в темноте кажутся огоньками сигарет. Люди уже свыклись с новым образом жизни, с постоянной опасностью. На переправах то и дело слышатся ставшие уже будничными разговоры:

- Что сегодня бомбили?
- Два моста около Виня.
- Сколько сбито?
- Четыре штуки.

Самые ожесточенные налеты на районы, которые мы проезжаем, были приняты американской авиацией 3 и 4 апреля 1965 года. Два дня подряд с большими перерывами шло сражение. Небо над Тханьхоа подернулось пеленой

порохового дыма. Река Ма, огибающая город, вспухла от разрывов бесчисленных бомб. Волны выносили на берег оглушенную рыбу. В тот день на мосты Долен и Хамжонг в окрестностях Тханьхоа, по информации местных властей, было сброшено американцами 627 бомб разного калибра и выпущено 149 ракет. Еще долго после этих жарких дней крестьяне окрестных деревень собирали на рисовых полях и на склонах близлежащих гор обломки американских «скайхоуков» и «скайрейдеров» (реактивных снарядов).

Наш газик, с натужным ревом карабкаясь между валунами перепаханной бомбами дороги, неожиданно резко тормозит, едва не ударившись о борт впереди стоящего грузовика. Присвечиваю карманным фонариком на дорожный столб. До Тханьхоа осталось шесть километров. Скоро знаменитый мост Хамжонг. Непонятно, какая заминка произошла впереди. Иду вдоль дороги. У переправы стоит целая вереница грузовиков. Сзади за нами подходят еще машины, которые кажутся в темноте одноглазыми циклопами — у всех, как и у нашего газика, светится лишь одна фара. Слышатся неистовые сигналы, крики водителей, ругань. Говорят, будто пропал водитель стоящего впереди грузовика, загораживающего въезд на паром. Скопилось уже по меньшей мере пять десятков машин. А ведь в любую минуту могут повиснуть в небе осветительные ракеты и появиться американские самолеты. И, в общем-то, знакомая по книгам и фильмам картина. Так всегда бывает в начале войны на фронтовых дорогах и переправах, пока не будет отработана бесперебойно действующая в любых обстоятельствах система.

Наконец из зарослей рощицы, приткнувшейся к дороге, появляется пропавший водитель. Его поругивают, но как-то беззлобно. Оказывается, этот молодой парнишка забрел в ожидании парома в рощу и заснул там. Его можно понять. Ведь водить машину в этих краях приходится только ночами, иногда по несколько суток без сна и отдыха. Колонна наша трогается. Поднимается такой гул, как будто по дороге движется по меньшей мере танковый корпус. Огромные трехтонки с ревом взбираются по усыпанной булыжниками и камнями дороге. Возгласы неподдельного изумления вырываются у меня и моих спутников, когда перед нашими глазами, наконец, открывается озаренный сполохами электросварки красавец Хамжонг. По мосту, мерно перестукивая колесами, движется пассажирский поезд. Колонна грузовиков, в которой затерялся наш газик, преодолевает самые трудные сотни метров перепаханной бомбами дороги, и вот мы едем по мосту. Метрах в десяти от него белеет отброшенный мощной взрывной волной один из бетонных береговых устоев. Свисают в воду обезображенные лоскутья металлических связей пролетного строения. Машина того и гляди свалится в бурлящую в теснине реку. На изуродованной бомбами скалистой сопке у выезда с моста не осталось буквально живого места.

— Поразительно! — снова в один голос восклицаем мы, когда позади остаются последние метры изрешеченной осколками проезжей части моста. И наше удивление понятно. За прошедшие несколько месяцев американские самолеты обрушили на этот мост тысячи тонн взрывчатки. Его бомбили в ясные дни с больших и малых высот, в ненастье — при помощи радара, ночью — при ослепительном сиянии фонарей. На него падали фугасные и зажигательные бомбы, управляемые реактивные снаряды — «булпапы» и «шрайки». Дороги и тропинки, ведущие к мосту, перепаханы, словно по ним прошелся гигантский плуг. На сотни метров в радиусе от моста не осталось ни одного уцелевшего дерева. Развали-

ны окрестных деревень напоминают раскопки древних поселений. А мост стоит как ни в чем не бывало.

Хамжонг (Hàm Rồng) в переводе — Челюсть дракона, так мост называли местные жители. Более удачного названия нельзя было придумать. За 20 километров до впадения в Тонкинский залив полноводная река Ма резко сужается, теснимая с обеих сторон скалистыми сопками. В этом-то узком месте, соединяя скалистые берега, переброшен Хамжонг, арочные пролеты которого дополняют его сходство с мифическим животным Востока. Хамжонг — один из наиболее крупных шоссежно-железнодорожных мостов на стратегической дороге № 1, связывающей Ханой с южными провинциями ДРВ. Не случайно, когда началась воздушная война, Хамжонг стал одной из первых целей американской авиации. Западная пресса писала, что в течение нескольких недель американские летчики специально тренировались в Южном Вьетнаме на местности со схожим ландшафтом. Наконец, 3 апреля 1965 года начались уже практические налеты. Один, второй, третий... Счет им потерян. Но в основном все налеты шли впустую, хотя в некоторых из них участвовало по несколько десятков самолетов. По меньшей мере, треть американских летчиков, попавших в первые месяцы войны в лагерь для военнопленных в ДРВ, испытала на себе стойкость и мужество защитников моста. Среди сбитых над Хамжонгом — прославленный в свое время в США мастер летного дела подполковник Дельтон. Приказ лично возглавить эскадрилью и уничтожить злополучный мост он получил от самого Макнамары — тогдашнего министра обороны США во время его кратковременного визита на авианосцы 7-го флота.

Считайте, что его уже не существует, — такой ответ дал министру самоуверенный подполковник и поднял в воздух 18 истребителей-бомбардировщиков. Это был последний вылет американского аса. Вечером того же дня Макнамаре доложили: мост цел, три самолета не вернулись, среди них — самолет подполковника Дельтона. Взятый в плен ополченцами провинции Тханьхоа, ошарашенный подполковник в сердцах бросил: «Кажется, я погорячился с обещанием».

У въезда и выезда с моста Хамжонг, на прилегающих к нему скалистых сопках по обоим берегам реки — повсюду виднеются земляные полукружья зенитных позиций, торчащие кверху стволы зенитных орудий и пулеметов. Средний возраст зенитчиков — 20—25 лет. Некоторые из них в мирные годы своими руками строили этот мост. Гордость защитников Хамжонга, их костяк — кадровые артиллеристы, участники исторического сражения при Дьенбьенфу, где в мае 1954 года Вьетнамская народная армия нанесла сокрушительный удар по французскому экспедиционному корпусу. «Будем защищать Хамжонг до последней капли крови!» — этот лозунг-клятву можно было увидеть и услышать на любой зенитной позиции.

С тремя из защитников моста я познакомился уже на следующее утро. Шел довольно сильный дождь, поэтому местные власти были спокойны за нашу безопасность.

— Вы слышали о наших «горных рыцарях»? — первое, о чем спросил у меня один из представителей армейского командования провинции, когда мы глубокой ночью добрались до места ночлега. — Не слышали? Советую вам обязательно побывать у них. Их трое. Молодые, двадцатилетние ребята Хуан, Нги и Льен. Когда начались налеты на Хамжонг, командование наше поручило им «оседлать» с зенитным пулеметом вершину горы, откуда удобно расстреливать пикирующие

на мост самолеты. Три бойца окопались там, смастерили шалаш и начали круглосуточную боевую вахту. Так с тех пор местные жители и прозвали их *lục sĩ trên núi* — горными рыцарями.

Оказалось, не так-то просто добраться до их шалаша, особенно в ненастную погоду. Гора крутая, скалистая, покрытая слоем скользкой глины. Узкие, глубокие ходы сообщения, ведущие к верхушке горы, заливаются мутной водой, несущейся в дождь бурными потоками вниз. Несмотря на эти препятствия, местные жители не забывают «горцев». Когда мы, задыхающиеся от крутого подъема, измазавшиеся в жирной, маслянистой глине, по которой хлестали косые струи дождя, поднялись, наконец, на вершину, первое, что бросилось в глаза, — огромный букет хризантем, лежащий у входа в шалаш. Оказалось, что до нас в гостях у зенитчиков побывали ополченки из соседнего села.

Хуан, Нги и Льен с плохо скрываемой гордостью рассказывают о своих боевых буднях. Командование явно польстило их еще мальчишескому самоллюбию. Занимать господствующую над местностью высоту — это все-таки что-нибудь да значит. А вид с их позиций — глаз не оторвать. Длинной змейкой, пропадающей в туманной дали, вьется река Ма. Удивительно ровными, словно на стилизованной картине, кажутся зеленые квадраты рисовых полей. На фоне зелени ослепительной белизной сверкают напоминающие украинские мазанки, крытые соломой домики в пригородах Тханьхоа. Из рассказа юных друзей, который они вели то застенчиво и неторопливо, то вдруг взволнованно перебивая друг друга, выяснилось, что самым трудным, а потому незабываемым, был у них первый бой. Это произошло ранним утром. Одна за другой из облаков вынырнули четверки Ф-105. Американские летчики прибегли к испытанной тактике: несколько самолетов на большой скорости делали круги над позициями зенитчиков, отвлекая их внимание, а в это время другая группа ударила по мосту. Один из самолетов, выходя из пике, подставил «брюхо» под прицел зенитного пулемета «горных рыцарей». Нги, который в тот день был стреляющим, приник всем телом к пулемету и дал, казалось, бесконечную очередь. Черный дым рванулся из самолета. Провожаемый криками безумной радости — первый в жизни сбитый вражеский самолет! — он, медленно теряя высоту, полетел вдоль реки и рухнул в воду в нескольких километрах от моста.

Разумеется, многие тонны взрывчатки, сброшенной американскими летчиками на неуязвимый мост, все-таки делали свое дело. На какой-то период мост был временно выведен из строя. Однако искусные вьетнамские ремонтники, трудившиеся по ночам, вновь поставили его «на ноги». На обратном пути в Ханой нам довелось еще раз пересечь реку Ма по легендарному мосту. Он опять стал самым оживленным местом на всей трассе. С наступлением темноты до рассвета по изувеченному, израненному мосту спешили на север и на юг колонны машин, бежали железнодорожные составы.

Тханьхоа занимает особое место среди провинций Северного Вьетнама. Издревле считается, что в этой провинции живут самые горячие, самые гордые, самые свободолюбивые вьетнамцы. В древние времена крестьяне этих мест первыми откликнулись на призыв полководцев, первыми шли под их знамена, чтобы освободить свою землю от гнета чужестранцев или собственных императоров и феодалов. Жители Тханьхоа гордятся тем, что национальный герой Вьетнама Ле Лой, который в XV веке возглавил восстание против господства Минской дина-

стии и окончательно освободил Вьетнам от почти тысячелетнего подчинения власти китайских феодалов, является выходцем из их мест. Прошли века, но в жилах жителей Тханьхоа течет все та же горячая кровь.

Мы из Тханьхоа! — такими словами объясняют местные жители и очередной сбитый американский самолет, и лишний центнер риса, собранный на полях, и удачную поэму о южновьетнамских братьях, написанную местным молодым поэтом, и красивую песню, звучащую с импровизированной сцены в расположении какого-нибудь зенитного дивизиона.

В войне против нашей провинции, — рассказывают местные жители, американские летчики используют не только бомбы, ракеты и пули. На территорию нашей провинции сыплются миллионы броско оформленных листовок. Прекрасным слогом, на литературном вьетнамском языке, сдобренном южными диалектизмами, нам предлагается ни более, ни менее как капитулировать. Прием, в общем-то, избитый: к нему неоднократно прибегали французские колонизаторы. Особенно часто нашим жителям приходится подбирать листовки с речами американского президента по вьетнамскому вопросу. Ведь он произнес их уже бесчисленное количество, и даже богу неизвестно, сколько подобных речей будет еще произнесено. Справедливости ради нужно сказать, что труд издателей листовок, предназначенных для Вьетнама, не пропадает даром. Бумага отличная, листовок много, поэтому мы собираем их на макулатуру. Вот можете посмотреть на один из образчиков.

Ле Хыу Кхай протягивает нам одну из листовок, сделанную из глянцевиной бумаги таким образом, что ее можно легко скрутить в трубочку. На ней портрет улыбающегося Джонсона, одна из очередных его речей по вьетнамскому вопросу, где на разные лады перепевается мысль, что США, совершая воздушные налеты на ДРВ, тем самым, дескать, защищают вьетнамский народ.

— К сожалению, за эти месяцы мы понесли большие потери, — продолжает Ле Хыу Кхай. — Особенно много жертв среди мирного населения. Разрушено большое число домов. Это вы увидите сами. Много на дорогах разбитых машин. Были повреждены два наших моста — Долен и Хамжонг, но сейчас они уже отремонтированы. Война есть война, жертвы и потери неизбежны. Главное — это боевой дух и уверенность нашего народа в победе. Ради этой победы мы готовы воевать, как говорил наш Дядюшка Хо, пятнадцать, двадцать, пятьдесят лет и дольше, хотя, конечно, самое страстное наше стремление — победить как можно скорее.

В этот момент сидящий напротив в соседней хижине у полевого телефона — неказистого черного ящика с ручкой на правом боку вьетнамский боец вдруг резко вскочил, выбежал во двор и стал колотить в «било» — чугунный рельс, подвешенный к ветке железного дерева. Воздушная тревога! Далеко в небе появляются четверки американских самолетов.

— Опять направляются к Хамжонгу, — то ли по звуку, то ли уже по привычке определяет Ле Хыу Кхай. Устало вздохнув, он встает и неожиданно улыбается широкой, яркой улыбкой, осветившей все его лицо.

В четырнадцати километрах от Тханьхоа, там, где на равнину неожиданно, словно выросшие из-под земли, надвигаются причудливые горы, стоят обугленные скелеты корпусов рисоочистительного завода. На сотни метров вокруг чернеет земля от пепла. Заводской двор зеленеет молодой порослью риса: взрывной

волной разбросало зерна, и они дали всходы. Рядом с заводом развалины жилых домов рабочего поселка.

Полдень. Самая горячая пора у американских летчиков. То тут, то там в отдалении слышатся звуки канонады. Видимо, застряли мы здесь надолго. Солнце стоит в зените. Жара усугубляется еще и тем, что нет привычных «фенов», нет холодной воды. Без сил валимся, усталые и подавленные жарой, на деревянные топчаны. Клонит ко сну, но кроме тревожной полудремы ничего не выходит. Неожиданно раздается робкий стук в дверь. В комнату, шлепая босыми ногами по земляному полу, вбегает ватага деревенских ребятишек. В руках у каждого кокосовый орех. Поставив на стол перед нами кокосы и, положив рядом несколько самодельных, острых, как бритва, тесаков, дети смущенно убегают. Судорожными, неумелыми движениями пытаемся разломать тесачами крепкую скорлупу кокосовых орехов. Наконец, в одном, более податливом, удается продолбить дырку, и мы начинаем по очереди пить, расплескивая на грудь, мутное кокосовое молоко. Все же оно приятно на вкус, так как прохладнее попробованной нами перед этим воды.

Ребятишки постепенно смелеют, заглядывают в окна нашей хижины, мелодично перебрасываясь между собой словами. Когда меня спрашивают, в чем сложность вьетнамского языка, я, не вдаваясь в подробности, привожу, обычно, следующий простой пример. Возьмем слово «ма». Во вьетнамском языке это слово, в зависимости от тона, имеет шесть основных значений: призрак, лошадь, щека, распада риса, могила, союз «но». Разумеется, каждое из этих слов произносится в разной тональности, но для непосвященного уха все они звучат на один лад. Поэтому иностранцы всегда удивляются, слыша вьетнамскую речь, как можно разобраться в этой гамме тонов. Вьетнамские дети обычно не совсем еще грамотно соблюдают тона, поэтому их разговор походит на воркование голубей. Тона, которые резко отличаются друг от друга по высоте звука, звуковой окраске, в разговорах детей звучат лишь на двух нотах: вверх — вниз, вверх — вниз. Ребятишки, толкая друг друга, продолжают ворковать, чаще всего слышатся слова «*bác Liên Xô*» — «советский дядя». Дети, как выяснилось, впервые видят советских людей в своей деревне. И для них это незабываемое впечатление.

Во дворе немолодая уже рыбацка развешивает на кольях для просушки сети, только что выкрашенные синей и коричневой краской, добываемой из клубней какого-то растения, и напевает тихим голосом песню про мост Хьенлыонг через реку Бенхай, которая сейчас разделяет Вьетнам на две части. Щемящей, неизбывной тоской звучат слова этой мелодичной вьетнамской песни:

Ven bên bờ Hiền Lương chiều nay ra đứng trông về. Mắt đượm tình quê...

Выхожу вечерней порой

На берег реки у моста Хьенлыонг.

Гляжу вдаль, и глаза туманятся

Тоской по родному дому.

Плывет по реке стайка джонок,

Их паруса-бабочки надуты ветром.

А с того берега из росного тумана

Глухо доносится рыбацкая песня:

«Эх, лодка-лодочка, помнишь ли ты свой причал?

Твой причал всегда сердцем с тобой,

Он ждет тебя не дождетя.

Тема разделенной страны, разлученных семей и разбитых судеб пронизывает всю нынешнюю вьетнамскую литературу и фольклор. Прошло столько лет с тех пор, как Вьетнам был временно разделен на две части. Но тысячи женщин Юга, разлученные со своими мужьями, терпеливо и верно ждут их и поныне. Когда спрашиваешь у вьетnamца, что в первую очередь характерно для вьетнамской женщины, он, не задумываясь, отвечает: кротость и верность. Мне рассказывали о некоторых вьетнамских женщинах, которые ожидали своих мужей по 25 лет.

С тех пор как началась война, мы еще ни разу не купались в море, хотя во Вьетнаме море — повсюду, куда ни поедешь. Да и какое море! Почти вся прибрежная полоса Тонкинского залива и Южно-Китайского моря (или Восточного моря, как его называют во Вьетнаме), — это естественные пляжи, шириной в 100—200 метров, с мелким, зернистым песочком, сверкающим белизной. До войны лучшим курортом в Северном Вьетнаме считался Шамшон, расположенный как раз в провинции Тханьхоа. Здесь любили отдыхать и советские специалисты, работавшие в ДРВ. Местные власти, заботясь о нашей безопасности, с большой неохотой уступили нашим настойчивым просьбам заехать в Шамшон. Дело в том, что прибрежные районы к югу от 20-й параллели, помимо налетов авиации, еще и часто обстреливались военными кораблями 7-го флота США.

К Шамшону, когда сворачиваешь с дороги № 1, ведет прямая, как стрела, аллея, обсаженная по краям стройными пальмами и ветвистыми платанами. На полях по колено в воде работают крестьяне, а на меже стоят составленные стволами друг к другу их винтовки. На вершине конуса, образуемого винтовками, кокетливо висит широкополая соломенная шляпа, какие обычно носят вьетнамские женщины, перехватывая их снизу широкой лентой.

— Видите, слева, развалины? — неожиданно кричит Ле Хыу Кхай. — Раньше здесь был санаторий для пенсионеров на 400 мест.

Воронка диаметром в 15 метров зияет на месте бывшего спального корпуса. Вместо деревянных строений — обширное пепелище. Высятся обугленные стены здания амбулатории. Из десяти санаторных корпусов уцелело только три. По развалинам спального корпуса бродит, роясь в обломках, тщедушный старик. Вот он наклоняется, поднимает какую-то коробочку, вытаскивает из нее шелковые нитки и незатейливые женские украшения.

— Эх, тетушка Ма, тетушка Ма, — горестно качает старик головой и, обращаясь к нам, говорит: «Мы ведь с ней из Южного Вьетнама, из провинции Биньдинь. Вместе перешли в 1954 году на Север. Моложе меня она была, а вот умереть суждено ей было раньше».

Хюинь Ван Ты — так зовут 64-летнего старика — был очевидцем трагических событий, происшедших здесь на днях.

— Почти час американские самолеты один за другим пикировали на санаторий, — рассказывает старик. — Трудно сказать, сколько бомб сбросили эти варвары сюда. После бомбежки мы лишились девяти своих товарищей. Жертвы могли быть и большими, если бы несколько дней назад дирекция санатория не начала эвакуацию пенсионеров. Снимайте, снимайте все до мельчайших деталей, — восклицает Хюинь Ван Ты, увидев в наших руках фотоаппараты. — Пусть знает мир, против кого воюют американские вояки. Да покарает их правосудие божье, этих варваров!

Море, как всегда, открылось неожиданно. Широкая полоса пляжа, тянувшаяся вдоль берега, насколько хватает глаз, была безлюдна. Раньше здесь отдыхало ежегодно до пятидесяти тысяч человек. Высокие волны, вспениваясь молочного цвета бурунами, с характерным шелестом накатываются на берег. По пляжу бегают целая стайка миниатюрных крабов. Заслышав наши шаги, они юркают в проделанные в песке многочисленные норки.

К берегу приближается рыбацкая лодка. Широкая, плоскодонная, из бамбуковых тесин, лодка хоть и без паруса, но ходко идет к берегу, примостившись на гребне могучей волны. Кажется, как будто она парит в воздухе, чуть касаясь поверхности воды. Вспоминается гриновская «Бегущая по волнам». Волна выносит лодку далеко на берег. Рыбаки с прокаленными солнцем лицами выбрасывают на песок сети, вытаскивают винтовки, бережно составляя их в пирамиду, затем принимаются за свой более чем скромный улов. На мой вопросительный взгляд широкоплечий рыбак в коричневой домотканой куртке, осыпанной рыбной чешуей, видимо, бригадир, в сердцах машет рукой:

— Да, не густо, что и говорить. Налетела сегодня на нас одна сволочь. Моторный. Видимо, из Дананга. Покружился, покружился, а потом дал очередь из пулемета. Хорошо, никого не убило. Поцарапало немножко нашего меньшого, — он показывает на совсем еще юного рыбака с перевязанной рукой. Рыбаки взваливают на плечи сети, рыбу, винтовки и бредут к приютившейся вдалеке у скалы неказистой хижине. Последним идет «меньшой», как назвал его бригадир, осторожно придерживая раненую руку.

* * *

...До Виня — главного города провинции Нгеан мы добрались только на третьи сутки. Город был полуразрушен. Целый день мы пролежали у индивидуальных окопов около гостиницы и наблюдали, как американские самолеты, сменяя друг друга над центром города, обстреливали реактивными снарядами объекты в городе. Только затемно нас привезли в близлежащую деревню покормить и показать, как живут эвакуированные горожане.

На следующий день произошло трагикомическое событие, подобного которому было немало в ходе поездок в районы бомбардировок. Шофер сообщил мне, что у нас кончился бензин, но чтобы заправиться, необходимо найти бензоколонку. А это оказалось не так-то просто. По словам шофера, об их местонахождении в любом городе знали только два человека: секретарь горкома партии и начальник штаба гарнизона. Только к вечеру мы разыскали одну из бензоколонок, заправились и глубокой ночью тронулись в обратный путь, в направлении Ханоя.

За то время, что мы были в Тханьхоа и Вине, мост Долен в один из налетов опять был разрушен, и нам пришлось ехать в объезд. Ниже по течению реки, в густых зарослях ивового лозняка схоронился старенький неуклюжий паром. Он еле-еле ползет через реку, мелко дрожа от напряжения. Когда он добирается, наконец, до середины, в голову приходит шальная мысль: а вдруг сейчас налетят самолеты?

— Выходит он из лесу, — доносится до меня детский голос с кормы парома. Смотрю, а у него обеих рук по локоть нет. А на лбу какая-то отметина, — подросток лет четырнадцати яростно жестикулирует. — *Ôi giò ôi* (Боже мой!). Да это же прокаженный!

И тут я вспомнил, что несколько дней назад в этих местах американцы разбомбили лепрозорий. Становится как-то не по себе, и я инстинктивно отхожу в сторону. Берег наконец-то приближается. Паромщики, весело переругиваясь, затягивают какую-то песню, вроде нашей «Эй, ухнем!». Ловко причалив к берегу, они набрасывают цепи на вбитые на берегу колья. Из машинного отделения выходит рулевой, машет им рукой, кричит:

— Давайте скорее, а то налетят «джонсоны», они вам всыплют.

Я впервые услышал, что вьетнамцы окрестили американские самолеты «джонсонами». Народная мудрость, как всегда, попала в самую точку. Недаром же и в США, и во всем мире американскую агрессию во Вьетнаме чаще называли войной президента США Линдона Джонсона.

В ходе второй поездки на юг мы стали очевидцами одного из первых сражений советских зенитно-ракетных комплексов, уже начавших действовать в провинции Тханьхоа, с американской авиацией. Как нам показалось с земли, была выпущена только одна ракета, но она сбила сразу два самолета. Как только бой закончился, из банановых зарослей у близлежащей деревни выскочила с радостными возгласами большая группа ее жителей, которые громко кричали: “Tên lửa ta đót! (Вот они, наши ракеты!)”

Вторая поездка на юг ДРВ заняла у нас целую неделю. И вся эта неделя запомнилась, как череда бессонных или полубессонных ночей. Ведь в основном приходилось передвигаться ночью, а днем отлеживаться в небольших деревнях или в придорожных зарослях банановых деревьев. Постоянной мыслью было — отоспаться, поэтому я постоянно думал о том, как приехав в Ханой, рухну в кровать и буду спать двадцать часов подряд. И вот я в своем доме, мечта вроде бы сбылась, но я с ужасом вдруг обнаруживаю, что не могу заснуть. Организм отказывался подчиняться. Только впоследствии от посольского врача я узнал, что это был первый ранний признак приступа гипертонии, вызванной сверхнапряжением сил.

Заметки на полях. В январе 1966 года в ДРВ была направлена, правда, на этот раз в закрытом порядке, вторая советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС А.Н. Шелепиным. Тогда его за глаза называли «железным Шуриком», потому что он быстро и уверенно поднимался по карьерной лестнице, и, будучи еще сравнительно молодым деятелем, уже занял второе место в партийной иерархии. Я в эти дни находился в госпитале советско-вьетнамской дружбы с больным ухом, которое было перевязано бинтом, но такое событие корреспондент ТАСС не имел права пропустить, и я досрочно покинул больничную палату. Увидев меня с перевязанным ухом, «железный Шурик» среагировал как бы одобрительно: вот, мол, и журналистам достается от войны.

В коллективе наших журналистов был корреспондент гостелерадио, который с четырьмя детьми жил в маленькой квартире. Кто-то подал идею, учитывая возможности А.Н. Шелепина, написать ему коллективное письмо с просьбой помочь этой семье улучшить жилищные условия. Мало кто из нас верил, что «железный Шурик» станет заниматься таким делом. Но не прошло и полугода, как этот корреспондент получил 4-комнатную квартиру.

Стремительный карьерный рост, в конечном итоге, обернулся против железного Шурика. Известный советский китаист, заместитель министра ино-

странных дел Михаил Степанович Капица в своих мемуарах писал, что «Брежнев побаивался Шелепина» и когда уезжал за рубеж, старался «не оставлять его в Москве во время своего отсутствия». В СССР уже испытывалась практика устранения руководителей во время их отсутствия в столице. Так поступил Хрущев с маршалом Г.К. Жуковым в 1957 году, так поступили несколько лет спустя, в 1964 году, с самим Хрущевым»¹. В июле 1967 года «железный Шурик» неожиданно был понижен на маловлиятельный пост главы ВЦСПС, а в апреле 1975 года выведен и из состава Политбюро.

Обращение Хо Ши Мина к народу 17 июля 1966 года. 12 лет назад в этот день были подписаны Женевские соглашения по Вьетнаму, в результате которых Франция прекратила колониальную войну и ушла из Индокитая, а Вьетнам был временно разделен по 17 параллели на две части. С тех пор Хо Ши Мин в этот день ежегодно выступал по радио с традиционным обращением к народу. Накануне в истории эскалации необъявленной воздушной войны США против ДРВ произошло неординарное событие. Армада из 50 американских истребителей-бомбардировщиков впервые совершила массированный налет на пригороды Ханоя. В воздухе над городом еще ощущался дымный запах пожарищ. По мосту Лонгбьен через Красную реку безостановочно катились повозки и тележки со скарбом — жители покидали город и его окрестности, опасаясь новых налетов.

Настроение у многих моих вьетнамских друзей, с кем я успел пообщаться в эти дни, было, мягко говоря, не самое приподнятое. Людям, как никогда, хотелось услышать вдохновляющий голос «Дядюшки Хо», как любовно называли вьетнамцы своего президента. Весь сражающийся Вьетнам, писала потом вьетнамская печать, рано утром застыл у громкоговорителей на улицах городов и сел на Севере, у транзисторных приемников на горных партизанских базах и в домах подпольщиков в городах на Юге.

И вот раздался ровный, с характерным нгеанским акцентом (Нгеан — провинция в центре Вьетнама, где родился Хо Ши Мин), голос Президента: «Война, быть может, продлится еще пять, десять, двадцать лет или даже дольше. Ханой, Хайфон и другие города могут быть разрушены. Однако вьетнамский народ не запугать. Нет ничего дороже независимости и свободы! Придет день победы, и наш народ восстановит свою родину, сделает ее еще более величественной и прекрасной»².

Впервые сказанные Хо Ши Мином в этом обращении слова «Нет ничего дороже независимости и свободы!» тотчас же стали крылатыми, стали девизом народного сопротивления. Казалось бы, именно в крайне тяжелом 1966 году, не было никаких оснований для оптимизма, которым было пронизано это обращение. На Юге Вьетнама численность американских оккупационных войск достигла уже почти полмиллиона солдат. В небе Севера хозяйничала бомбардировочная авиация США. Еще только в стадии зарождения находилась мощная система противовоздушной обороны ДРВ, которую через несколько лет сами американские военные оценят как одну из самых эффективных со времен Второй мировой

¹ Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М.: Книга и бизнес, 1996. С. 273.

² Hồ Chí Minh. Vì độc lập, vì chủ nghĩa xã hội [Хо Ши Мин. Во имя независимости, во имя социализма]. Hà Nội, 1970. С. 282.

войны. Но слова из «Обращения» Хо Ши Мина действительно стали пророческими. Сегодня в этом убеждаешься каждый раз, когда приезжаешь в единый, мирный, бурно развивающийся Вьетнам.

Древняя черепаха. В летние месяцы над Ханоем бушуют тропические ливни. Затянутое грозовыми тучами небо извергает на город бурлящие потоки воды. В Ханое много озер, но после сильных проливных дождей их становится еще больше. Улицы напоминают Венецию, с той только разницей, что люди передвигаются по воде не на лодках, а на велосипедах и мотоциклах. После таких извержений воды приходила желанная волна прохлады, которой в летние месяцы в Ханое не бывает даже ночью. А с тех пор, как начались бомбежки, тропические ливни приносили не только прохладу, но и душевное равновесие. Хлещет проливной дождь, значит можно спокойно работать, отдыхать, развлекаться — налетов не будет.

По вечерам самое многолюдное место в Ханое — берега озера Возвращенного меча. Плакучие ивы, окаймляющие озеро, склоняют свои ветви над каменными скамейками, где молча сидят влюбленные, над длинными рядами бомбоубежищ, над цветочными киосками, где в любое время светлого дня, а иногда даже и ночью, можно было купить многоцветные орхидеи и розовые колокольчики «короля цветов» — лотоса.

Несколько необычное название этому озеру дала легенда о волшебном мече, который древняя обитательница озера — черепаха будто бы вручила вьетнамскому национальному герою XV века Ле Лою, а он с помощью этого меча разгромил войска китайской династии Мин, владевшей тогда Дайвьетом (древнее название Вьетнама). После одержанной победы, когда Ле Лой вернулся на берег озера, волшебный меч вдруг выпал из ножен, его подхватила внезапно всплывшая черепаха и ушла с ним на дно.

Можете теперь представить себе мое удивление, когда в один из дней после отбоя очередной тревоги мне позвонил вьетнамский друг и взволнованным голосом сказал, чтобы я бросил все дела и немедленно ехал к озеру — древняя черепаха снова всплыла на поверхность. Когда я примчался туда, на берегу озера, напротив центрального почтамта, уже собралась толпа зрителей. Размеры черепахи, почти наполовину высунувшейся из воды, были внушительны — в длину метра полтора. Где-то около часа черепаха грелась на солнышке, а потом с шумом погрузилась обратно в воды озера.

На следующий день газеты опубликовали комментарии местных звездочетов-астрологов, смысл которых сводился к следующему: древняя черепаха вновь показала народу, чтобы напомнить, что она сохраняет волшебную силу, и что с этой силой Вьетнам и на сей раз победит могущественного врага.

Я передал в редакцию небольшую заметку о случае с черепахой и вскоре забыл об этом происшествии. Однако через несколько дней коллеги из ТАССа сообщили, что заметку опубликовали десятки областных и районных газет, и что читатели звонят в эти газеты и спрашивают, не будет ли продолжения этой удивительной истории. Сегодня, когда мы знаем, как закончилась во Вьетнаме война, можно вместо продолжения заметки лишь высказать предположение, что древняя черепаха, скорее всего, имела солидный возраст, и что звездочеты-астрологи достаточно точно предсказали исход очередной войны сопротивления вьетнамского народа.

Горе общины Тхюизан

Чтобы снизить накал международного осуждения воздушной войны против ДРВ, американская сторона после каждого налета дотошно информировала мировую печать, что ударам подверглись такие-то военные объекты на ее территории. В свою очередь вьетнамская сторона очень часто опровергала эту информацию и сообщала о том, что американские самолеты разрушили мирные объекты — больницу, школу, общежитие, жилые дома. Вспоминаю, как часто мне звонили из редакции и давали задание выехать в ту или иную провинцию и своими глазами посмотреть, а желательно и запечатлеть объективом фотоаппарата действительные результаты очередной бомбежки. Так было и 21 октября 1966 года, когда американская авиация совершила неожиданный налет на сельскую общину Тхюизан в провинции Тхайбинь.

...Едва рассвело, а я уже трясся в стареньком, повидавшем виды газике в направлении на юг от Ханоя. По обеим сторонам дороги, насколько хватал глаз, колыхалось желто-зеленое море риса. Поля, поля, поля... Я нахожусь в центре рисовой житницы Северного Вьетнама. По-вьетнамски *thái* значит «тихий», *bình* — «мирный». Перебираю в уме названия других провинций — почти в каждом из них присутствуют одно из этих слов или их синонимы. Даже в выборе названий отразилось исконное стремление вьетнамцев к миру и спокойствию. И для этого у них были причины: из века в век чужеземцы вторгались на их родную землю, вынуждая перековывать орала на мечи.

Община Тхюизан лежит вдали от больших дорог. Приходится пробираться к ней по узким тропинкам, паутиной пересекающим квадраты рисовых полей. Крестьянин в желто-коричневой домотканой одежде, в конусовидной соломенной шляпе, надвинутой на глаза, медленно шагает по воде, бросая в нее зерна риса. Рядом с ним, всего в пяти шагах, стоит нахохлившаяся белоснежная цапля — традиционная жительница вьетнамской деревни. Не дымят поблизости заводские трубы, не видно земляных полукружий зенитно-ракетных позиций. Даже узкая грейдерная дорога местного значения и та в трех километрах отсюда. Что же искали здесь американские пилоты, какие военные объекты?

Я стою у развалин школы — самого крупного здания в общине. Возле груды битого кирпича возвышается небольшой свежевыкрашенный обелиск. На нем тушью выведены имена тридцати погибших мальчиков и девочек. Им было по 14—15 лет. Вместе со мной у обелиска стоят, склонив головы, несколько жителей общины — все, как один, с траурными повязками на рукавах. Практически нет в общине семьи, которую в тот трагический день не постигло горе.

— Солнце уже стояло почти над самой головой, крестьяне только что вернулись с поля, ждали детишек к обеду, — глухим голосом рассказывает председатель административного комитета общины Нгуен Ван Дьен. — И вдруг послышались звуки ударов по висящему чугунному рельсу — сигнал воздушной тревоги. И тут же шесть американских самолетов с ревом пронеслись на небольшой высоте над хутором Аньтхен. Две бомбы упали на его окраине, третья взорвалась между домами стариков Хята и Нге. Раньше, при французах, они были поденщиками, кочевали от одного хозяина к другому. После победы революции вступили в кооператив, поставили себе дома с черепичными крышами. К ним пришел достаток. И вот в один день все рухнуло...

Смотрю на односельчан Хатя и Нге, молча слушающих рассказ своего председателя. На их лицах не видно и следа исконно свойственной вьетнамцам жизнерадостности. Скорбь и какой-то безмолвный вопрос читаешь в глазах этих людей с почерневшей от солнца кожей, с сухими натруженными руками. Несколько лет назад многие из них, наверное, даже не слыхали, что есть на свете такая страна Америка. Теперь она напоминает им о своем существовании грохотом бомб.

— Наша семилетка была единственным современным зданием в общине, — продолжает председатель. — Ее мы построили только в прошлом году. На праздник открытия школы пришли крестьяне с самых дальних хуторов. Большая это была для нас радость. Когда американские самолеты повернули к школе, все школьники со своей молодой учительницей Суан уже находились в убежище. От самолетов отделились шесть бомб, четыре из них угодили прямо в здание школы и в траншею, где прятались дети. После этого самолеты еще дважды возвращались, зловеще кружа то над одним, то над другим хутором. Лишь через час к развалинам школы прибежали с лопатами люди. Двадцать двух школьников удалось откопать и спасти. Остальные тридцать были мертвы. Погибла и Суан вместе со своим будущим ребенком, который так и не успел увидеть свет.

Несколько дней спустя оставшиеся в живых ученики приступили к занятиям. Новую школу соорудили в зарослях бананов и плакучих ив. Она была мало похожа на прежнюю: бамбуковый частокол вместо стен, соломенная крыша, траншеи в земляном полу, через которые, как мосты, переброшены скамейки. Над партами висит написанный детской рукой лозунг: «Запомним навечно 21 октября 1966 года, разгромим американских врагов на фронте просвещения!».

Вихрастые, с траурными повязками на рукавах мальчишки (все девочки погибли в тот страшный день) слушают своего нового учителя, присланного из уезда. Учитель нараспев читает стихи поэта XIX века Нгуен Динь Тьеу о героях, в чьих сердцах горело пламя ненависти к чужеземным завоевателям. Им, этим мальчишкам, побывавшим в когтях у смерти, близки и понятны стихи поэта прошлого.

В те минуты, когда мы уходили от развалин школы, со стороны моря слышались отдаленные взрывы бомб. Через несколько часов нам сообщили о новой трагедии. Американские самолеты сбросили десять бомб на соседнюю общину Тхюиха.

В гостях у летчиков. *Учитывая особенности военного времени, вьетнамская сторона, что вполне объяснимо, не поощряла свободное перемещение иностранных журналистов по территории страны. И, особенно, посещение ими военных объектов. А меня обуревала идея «факта присутствия», без чего работа журналиста теряет смысл.*

В разгар войны самым любимым местом встреч ханойских аборигенов и приезжающих из Союза журналистов и должностных лиц стала бывшая французская гостиница «Метрополь» в центре города. И вот там однажды я случайно разговорился с незнакомым мужчиной, одетым, как и все мы, в рубашку с короткими рукавами навыпуск. В ходе беседы вдруг выяснилось, что это полковник ВВС, командир эскадрильи советских МИГов, которые, оказывается, доставляли во Вьетнам морем в разобранном состоянии, а наши технические специалисты их собирали на базе Нойбай (сегодня это крупнейший международный аэро-

порт Ханоя). Затем наши летчики их испытывали в воздухе, после чего передавали вьетнамской стороне.

Я буквально вцепился в этого полковника (по известным причинам фамилию его я не называю) и стал слезно жаловаться, что я корреспондент, что в моей профессии главное — это «факт присутствия», а вьетнамский Отдел печати МИД нас никуда не пускает, и мне приходится ограничиваться только той информацией, которая появляется в сообщениях Вьетнамского информационного агентства (ВИА) и на страницах газет *Nhân dân* (Народ, орган ЦК партии) и *Quân đội nhân dân* (Народная армия, орган Министерства обороны). И тут мой собеседник мне говорит: завтра у меня день рождения, будет большой праздник с участием вьетнамских летчиков, приглашаю вас в качестве старого знакомого.

И вот мы на аэродроме Нойбай. Стол уже накрыт, перед каждым стоят 100-граммовые граненые стаканчики. (Меня всегда удивляло, почему наши военные специалисты во Вьетнаме в 40-градусную жару с удовольствием поглощали водку. Скорее всего, сказывались ностальгия по родине и отсутствие дисциплинирующего женского общества). Меня сажают рядом с первым героем Вьетнама среди летчиков. И вот начинаются тосты, причем все, включая и вьетнамских летчиков, пьют из граненых стаканчиков рисовую водку *Lúa tôi*, которая была тогда знаменита не только во Вьетнаме, но и в Советском Союзе, особенно на Дальнем Востоке, куда сайгонский завод Биньтэй ежегодно ввозил по 12 миллионов бутылок этого крепкого напитка.

Естественно, я разговорился с моим соседом, признался, что я корреспондент ТАСС и мечтаю взять у него интервью. Договорились, что завтра в 9 часов утра мы с ним встретимся. Праздник продолжался до поздней ночи, граненых стаканчиков было выпито немало. На следующее утро я проснулся совершенно больной и разбитый, но хорошо помнил, что у меня в 9 часов встреча с вьетнамским летчиком. Окунув лицо в бочке с водой (душа в деревянном домишке, где меня разместили, не было), я двинулся к воротам казармы летчиков. Сказал часовому, что у меня назначена встреча с летчиком, назвал его фамилию. На что часовой как-то флегматично мне ответил: «Все вьетнамские летчики больны».

Вот так бесславно закончилась моя попытка взять интервью у летчика, первым в молодой военной авиации СРВ удостоенного звания героя. Но приключения на этом не закончились. На обратном пути в Ханой из пролетавшего мимо американского самолета на мою машину вывалилась масса листовок весьма оригинального содержания. На одной их стороне была изображена полная копия 100-долларовой купюры, а на обратной стороне был отпечатан текст на вьетнамском языке примерно следующего содержания: северовьетнамцы, сдавайтесь, а не то мы вгоним вас в каменный век.

То, что было в Москве в 1944 году. Должен признаться, что в первые дни, когда в Ханое завывала сирена воздушной тревоги, мне было очень не по себе, проще говоря, — страшноовато, и этот страх иногда трудно было преодолевать. Давило на психику необъяснимое ощущение, будто все самолеты метят бомбы и ракеты только в тебя. В конце концов, мне все-таки удалось найти довольно простой способ справиться с приступами страха. Однажды, заслышав звук сирены, я взял в руки старенький фотоаппарат «Зенит», которым меня снабдили в ТАССе,

и стал лихорадочно фотографировать все, что происходило вокруг меня и в небе над городом. И, к моему удивлению, страх моментально улетучился.

В последующие месяцы я старался не расставаться со своим неожиданным «спасителем». Теперь во время налетов фотоаппарат играл для меня да, думаю, и для многих других моих коллег, ту же роль, что винтовка в руках ополченцев, которые регулярно вплетали свои вроде бы безобидные для реактивных самолетов винтовочные выстрелы в общую какофонию массированного зенитно-ракетного огня. Вряд ли возможно сбить боевой реактивный самолет из простой винтовки, однако то, что она была у ополченцев в руках, то, что они вели из нее огонь по вражеским самолетам, придавало им уверенность, заставляло забыть о естественном страхе.

Но однажды, это было, если верить моим дневниковым записям, 6 июля 1966 года, я выехал из корпункта без фотоаппарата и вскоре горько пожалел об этом. Наша компания решила «снять стресс» в любимой нами старой части города. С началом налетов на пригороды Ханоя многие народные ресторанчики, особенно в старой части города, закрылись. Продолжали работать лишь единицы, в их числе, к счастью, оказалась и наша любимая харчевня «Рощица удовольствий».

По пути к харчевне неожиданно замечаю необычное оживление на улицах, довольно сильно опустевших после первого этапа эвакуации. Люди толпятся на тротуарах, о чем-то возбужденно переговариваются, в руках у многих — наспех написанные черной тушью лозунги «Долой американских агрессоров!» Пользуясь знанием языка, бросаюсь к первому попавшемуся милиционеру узнать, что происходит. Кстати, знание языка в те военные годы отнюдь не всегда меня выручало, а иногда, напротив, порождало проблемы. В условиях борьбы за сохранение секретности и естественной в такой обстановке массовой шпиономании европейец, свободно говорящий по-вьетнамски, сразу же вызывал подозрение у особо бдительных граждан. Бывали случаи, когда в районах бомбардировок меня и других наших журналистов милиция или ополченцы даже задерживали для выяснения обстоятельств, иногда конфисковывали у нас фото пленки, но, в конце концов, разобравшись, с извинениями отпускали.

На этот раз милиционер, глянув на мое корреспондентское удостоверение, лишь радостно заулыбался:

— Сегодня у нас будет то же, что было у вас в Москве во время войны (в 1944 году). Пленных американских летчиков проведут по городу от Большого театра до центрального стадиона.

7 часов 30 минут вечера. Как это всегда происходит в тропиках, быстро, почти без сумерек, наступила темнота. На площади перед зданием театра появляется длинная вереница понуро бредущих людей высокого роста в полосатых арестантских пижамах. На их спинах — номера, они идут по двое, соединенные наручниками друг с другом. По обеим сторонам от них конвоиры с примкнутыми штыками. Впереди колонны движется машина с юпитерами, которые освещают первую группу пленных — человек двадцать. Вторая группа, более многочисленная, движется чуть поодаль, и на нее не падает свет юпитеров. Видимо, в ней собраны «новички», то есть пилоты недавно сбитых самолетов, которых пока не разрешено фотографировать.

Вдоль улицы Ювелиров, по которой проходит колонна пленных, плотной суровой стеной стоят ханойцы. Изредка в воздух взлетают сжатые кулаки и гремит мощное «Да дао!». Маленькие девушки-ополченки с красными повязками на ру-

кавах, взявшись за руки, отделяют толпу от колонны пленных. Большинство бывших асов идут, низко опустив головы; лишь некоторые, явно бравируя, высоко вздергивают подбородки. Среди пленных — несколько знакомых мне лиц: одних я видел на пресс-конференциях, других помню по опубликованным во вьетнамских газетах фотокопиям их летных удостоверений.

Очутившись против своей воли в необычной ситуации, о которой никто из них, видимо, даже не помышлял, когда стартовал на Северный Вьетнам с авианосцев 7-го флота США или с аэродромов в Таиланде, они, естественно, ведут себя по-разному. Но есть одно общее, что объединяет их всех — звериная тоска в глазах и немой вопрос: за что им выпала такая незавидная судьба? На отдельных встречах с журналистами, в том числе и со мной, которые организовывали вьетнамские власти, многие из летчиков прямо заявляли, что считают эту войну «странной» и «противозаконной». Под воздействием официальной пропаганды они полагали, что воюют ради каких-то высоких идеалов и что война против отсталой азиатской страны станет для них легкой прогулкой. И вот теперь они расплачиваются позором за участие в этой преступной войне.

В гостях у ракетчиков. Однажды меня пригласил к себе секретарь парткома советской колонии и неожиданно удивил:

— Я слышал, ты хочешь побывать в учебном центре советских зенитно-ракетных комплексов? По плану работы парткома намечено выступление там с лекцией о международном положении. Хочешь поехать? Это недалеко, в провинции Тхайнгуен.

Конечно, я обрадовался неожиданному предложению. На следующий день за мной заехал джип с вьетнамским сопровождающим, и мы двинулись в путь, который по моей вине оказался небыстрым. Совсем забыв об обстановке секретности, я взял с собой карту ДРВ и, разложив ее на коленях, стал фиксировать наш путь. Послышался тревожный шепот сопровождающего и шофера, и джип стал то и дело петлять. Кончилось тем, что мы заблудились и прибыли к месту назначения уже в сумерках.

Лекция заняла немного времени, наших ракетчиков мало интересовали события в Союзе: период хрущевского волюнтаризма остался далеко позади, перестали сеять кукурузу «за полярным кругом» и так далее. В основном вопросы слушателей крутились вокруг темы, как дальше пойдут дела на фронте американской воздушной войны против Северного Вьетнама и, в этой связи, сколько им еще служить вдали от родины.

Самое же интересное наступило ночью. Я, до этого никогда не ночевал в джунглях, и первая ночевка оставила неизгладимое впечатление. Место для ночлега находилось в «избушке» из фанерных листов, поэтому слышимость была такая, как будто спишь прямо посреди джунглей. Тем более что всю ночь было что слушать: тигриное рычанье, взвизги обезьян, змеиное шипенье. Все время кто-то за кем-то гонялся, кто-то кого-то ел. Это была почти бессонная, безумная ночь.

Наутро меня повели показывать ЗРК, рассказали, что на первоначальном этапе у экранов зенитно-ракетных комплексов сидели советские специалисты, а вьетнамские офицеры стояли у них за спиной. Постепенно, по мере накопления вьетнамцами знаний и опыта ведения боев с вражеской авиацией, они начали меняться местами. Я рассказал нашим ракетчикам, что где-то в середине

1965 года в провинции Тханьхоа стал свидетелем, как одной ракетой были сбиты два американских истребителя-бомбардировщика, и они подтвердили, что такое вполне могло быть на самом деле.

По возвращении в Москву, лет через пятнадцать, я познакомился с председателем Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме Николаем Николаевичем Колесником. Оказалось, он несколько месяцев служил ракетчиком во Вьетнаме и рассказал мне, что тоже помнит случаи, когда одной ракетой удавалось сбивать по два американских самолета. От него я узнал подробности трудной службы советских ракетчиков во время вьетнамской войны. И непривычная еда, и неустроенный быт, и тоска по родине. Но самое главное — это, конечно, жара. В летние месяцы снаружи кабины было 35—40 градусов, а внутри, у экранов, иногда доходило до 60 градусов!... Обратного в Ханой я вернулся быстро, без приключений и наконец-то написал в редакцию очерк о вьетнамских и советских ракетчиках.

Три «не самых жарких» дня

Май самый жаркий в Ханое месяц. В полдень даже в тени ртутный столбик редко опускается ниже отметки в 35 градусов. К этому добавляется крайне высокая влажность воздуха. Парит так, что кажется, будто живешь в парной бане. При дыхании физически ощущаешь, как вместо живительного воздуха в легкие вливается тяжелая густая влага. В 1967 году этот месяц стал для ханойцев жарким вдвойне — американская авиация приступила к систематическим плановым налетам на столицу и ее пригороды. В моих дневниках особое место заняли 19, 20 и 21 мая, когда смешались в каком-то яростном водовороте безостановочные воздушные тревоги, изнуряющая жара и огромный объем каждодневной работы, причем не только умственной, но и физической.

День первый, 21 мая. Утреннее небо затянуто хмурыми тучами, то и дело морсит мелкий дождь. Обстановка, на удивление, спокойная. Молчит надрывающийся в последние дни динамик, который я установил на балконе своего корпункта. Его прислали по моей просьбе из Москвы. Работники хозяйственного отдела ТАСС постарались на славу. Раздобыли не просто динамик, а сверхмощный громкоговоритель из тех, что у нас в годы войны вывешивались на столбах. Звуки он издает такие, что слышно за версту. А при вое сирены воздушной тревоги даже дрожат стекла. Уже обыденными стали слова вьетнамской дикторши: *Đồng bào chú ý! Hiện nay đang có báo động! Hiện nay đang có báo động!* — Соотечественники, внимание! Воздушная тревога! Воздушная тревога!».

Но зато теперь с появлением этого «крикуна» я нахожусь в курсе основных событий, происходящих в городе. Комитет противовоздушной обороны регулярно сообщает о местонахождении американских самолетов, о том, где происходят налеты, сколько самолетов сбито и т. п. Вместе со мной сообщения радио слушают жители соседних домов, которые после отбоя воздушной тревоги собираются группами под моим балконом. Каждый раз, когда сообщают число сбитых самолетов, они радостно улыбаются мне и, думая, что я не понял сколько, гордо показывают мне на пальцах.

Но сегодня громкоговоритель молчит, и я со спокойной душой еду по своим делам. Однако на сей раз хмурое небо и мой предыдущий опыт обманули меня. Все произошло в считанные секунды. Вдруг на юго-западе появились первые четверки американских самолетов, и одновременно прогремел небывалый по мощности ракетно-зенитный залп, который рассеял их боевые порядки. Затем раздался два мощных взрыва, то ли бомб, то ли реактивных снарядов, со стороны улицы Чан Фу, где расположены посольства СССР и других стран. Проходит всего несколько минут, и в уши врезается вой сирены — отбой воздушной тревоги.

Хватаю каску и фотоаппарат и бегу к месту взрыва, куда с разных концов уже спешат люди. Какой-то солдат объясняет, что американский «фантом» выпустил управляемый реактивный снаряд «шрайк» по дипломатическому кварталу. Из завала веток деревьев, образовавшегося на месте взрыва, извлекают тела трех убитых гражданских лиц. Они сидели в окопах, вырытых вдоль улицы, и не успели, а может быть, и забыли, увлеченные картиной боя, закрыться сверху бетонированными крышками, которые в Ханое повсюду лежали рядом с укрытиями.

Проходит два часа. Информация об утренних событиях готова, жду связи с Москвой. (Тогда у меня не было ни телетайпа, ни другой журналистской техники; я все передавал в Москву по телефону через стенографистку). И в это время мой «крикун» опять раздражается резким воем сирены. Над озером Чукбать, где расположена городская электростанция, неожиданно поднимается в небо огромный желтый столб дыма и пыли. Изредка из этого столба как бы выныривают самолеты, и снова рвутся бомбы. Столб дыма на глазах растет, захватывая чуть ли не полнеба.

После отбоя тревоги, так и не дождавшись связи, заезжаю за корреспондентом «Правды» Алексеем Васильевым, и мы едем в район бомбежки. Это совсем недалеко от центральной площади Бадинь, где расположены правительственные учреждения. Сама электростанция внешне вроде цела, зато улица Хангбун, ведущая к ней, лежит в развалинах. Жертв, к счастью, мало — основная часть населения была эвакуирована отсюда еще в прошлом году.

Снова, как всегда без сумерек, на город опустилась ночь. И, словно торопясь успокоить горожан, на израненных улицах вспыхнули фонари, призывно засветились окна кафе и пивных на берегах озер. По радио уже передают, что над Ханоем сбито семь вражеских самолетов. Эта цифра, повторенная десятки раз, написанная разноцветными мелками, черной тушью, а то и известкой, появляется на стенах домов, на бортах грузовых машин. Город радуется, что с честью вышел из новой опасной схватки с воздушными налетчиками. Но радость победы идет рядом с горем. К воротам госпиталей беспрерывно подъезжают санитарные машины, из которых выгружают раненых. По улицам уже снуют велорикши с траурными венками цветов.

День второй, 22 мая. Наконец-то наступило воскресенье. Ес ть время прийти в себя после вчерашних бурных событий. Но с самого рассвета из динамика то и дело звучит предостерегающий голос дикторши: *Đồng bào, chú ý! Máy bay địch cách Hà Nội ba mươi sáu cây số! — Граждане, внимание! Вражеские самолеты в тридцати километрах от города!*

Одна воздушная тревога сменяет другую. Тревоги иногда ложные, но они держат людей в постоянном нервном напряжении. По показаниям пленных лет-

чиков, американским командованием принято решение не давать ханойским жителям покоя ни днем, ни ночью, и особенно активно авиация будет действовать в промежутке между одиннадцатью и тремя часами дня. Эти часы, называемые в тропиках сиестой, обычно отводятся для послеобеденного сна, особенно летом, когда жара достигает своего апогея. Неслучайно у многих моих вьетнамских друзей, как и у меня, одним из главных впечатлений от этих майских дней осталось ощущение хронического недосыпания. Радио не смолкает — в воздушное пространство столицы то и дело вторгаются беспилотные разведчики. Создается впечатление, что американское командование готовится нанести новый удар по Ханю до 23 мая, когда вступит в силу, как об этом уже объявлено, 24-часовое прекращение огня по случаю дня рождения Будды.

Несмотря на выходной день, мои неизменные помощники домоуправ Хай и шофер Нам суетятся с лопатами, приводят в порядок недавно возведенное во дворе бомбоубежище. Построенное по их инициативе, оно лишь отдаленно напоминает убежище от бомб. Это приземистый домик из кирпича, углубленный в землю метра на полтора. От прямого попадания бомбы спастись в нем вряд ли возможно, но нервы он все-таки успокаивает. После постройки убежища прошел всего один месяц, а оно уже заросло густой травой, а на крыше, рядом с вентиляционной трубой, даже успело вырасти банановое деревце.

Непосредственно испытать ощущения от сидения в таком убежище во время налетов мне, к счастью, не довелось. Я уже давно облюбовал себе место на крыше корпункта, где в часы воздушных тревог «дежурил» с фотоаппаратом в руках под навесом, защищавшем от осколков зенитных снарядов. Почти у всех старинных ханойских коттеджей — просторные плоские крыши, откуда двух-трехэтажный город виден, как на ладони. Была у меня заветная «профессиональная» мечта — сделать фотоснимок подбитого в воздухе и объятых пламенем самолета. Фоторепортеры ВИА вообще организовали на крыше своего здания круглосуточную вахту и сумели сделать немало отличных снимков падающих на город американских самолетов, которые часто появлялись на страницах ханойских газет.

Сегодня с особым нетерпением жду окончания «giò sao điễm» — часа пик (так ханойцы называли время наиболее активных действий вражеской авиации). Позвонили из отдела печати МИД и сообщили, что во второй половине дня будет организовано давно ожидаемое посещение выставки американского оружия, используемого в воздушной войне против ДРВ. На удивление, далеко ехать не пришлось — выставка расположилась почти в центре Ханоя, в длинном деревянном бараке какого-то военного ведомства. Прямо на полу или на наспех оборудованных стеллажах лежат бомбы и реактивные снаряды разнообразных видов и форм, которые после приземления по каким-то причинам не взорвались. Здесь и полутоннотонное фугасное чудовище — воронку от такой бомбы диаметром в добрых полсотни метров я видел недавно в ханойском пригороде Зялам. И бомбы замедленного действия самых разных калибров. И ракеты класса «воздух—земля» — «шрайки» и «булпапы». И обуглившиеся канистры из-под напалма, единственный на этой выставке, можно сказать, «некондиционный» экспонат.

Особое место на стеллажах отведено полутоннотонным контейнерам, напоминающим по форме кукурузный початок, со сферическими шариковыми бомбами. Особое потому, что шариковые бомбы — совершенно новый вид оружия массового поражения, которого еще не знала история войн. По словам представителя «Комиссии по расследованию преступлений США во Вьетнаме» Данг Ая,

военные заводы США начали выпускать их в феврале 1965 года специально для вьетнамской войны. Контейнер, содержащий от 500 до 640 бомбочек величиной с апельсин, раскрывается на большой высоте и рассеивает по периметру длиной в тысячу и шириной в двести метров «апельсины», начиненные каждый тремя сотнями мелких стальных шариков.

По свидетельству вьетнамских врачей, с которыми я беседовал в госпитале Хайфона, лица, раненные шариковыми бомбами, если и выживают, то, как правило, остаются на всю жизнь калеками. Дело в том, что, поражая человека, шарики оставляют в тканях и костях его тела зигзагообразный след, и их извлечение сопряжено с большими трудностями для хирургов.

На прощание Данг Ай подарил каждому из журналистов по шариковой бомбочке. — Хотите, покажу, как оригинально устроен ее взрыватель? — предлагает он. — Выскальзывая из контейнера, бомбочка вращается вокруг своей оси, и за счет вращения ее взрыватель приходит в боевое положение. Сейчас я покачу ее по земле и в ней загорится зеленый глазок. Видите? Теперь он сработает даже от легкого удара о землю. Не бойтесь, будет всего лишь едва слышный щелчок.

Данг Ай несколько эффектно подбрасывает «апельсин» вверх. Внезапно гремит оглушительный взрыв. Все инстинктивно приседают.

Господа, это не я, — кричит не на шутку растерявшийся Данг Ай. Все смотрят вверх. На безоблачном небе видна тонкая полоска белого дыма, которую обычно оставляет за собой самолет, идущий на большой высоте. К ней, этой полоске, какими-то немыслимыми зигзагами, видимо, повторяя маневры самолета-разведчика, мчится от земли ракета. Еще мгновение — и замысловатый след ракеты врежется прямо в голову дымчатой полоски.

На прощание я выпросил у распорядителя выставки одну сферическую шариковую бомбочку, а в придачу к ней еще и бомбочку «первого поколения» — в форме ананаса со стабилизирующим оперением. Обе бомбы вместе с найденным мной где-то в поле недалеко от города Виня довольно массивным куском «шрай-ка» я впоследствии увез на родину, и они до сих пор лежат у меня дома в шкафу как вещественное напоминание о годах, проведенных на вьетнамской войне.

День третий, 23 мая. Едва проснувшись, высовываюсь по привычке в окно посмотреть, чем занимаются мои старые знакомые зенитчики, обосновавшиеся на крыше соседнего дома. Они уже в металлических касках и что-то крутят в своем пулемете. По всему видно, день снова предстоит жаркий. По поведению этих ребят, которым на вид нельзя было дать больше восемнадцати, можно было довольно точно предугадать, что предстоит в ближайшие часы. Не ошибся я и на этот раз.

На балконе вдруг мощно загрохотал «крикун», и через считанные секунды послышался нарастающий гул реактивных моторов. Прыгая через ступеньки, взмахивая на крышу. Самолеты на огромной скорости проносятся низко над центром города, при этом ложатся на крыло, пытаюсь, видимо, сократить площадь поражения для зенитного огня. Вдруг над Западным озером, метрах в пятистах от президентского дворца, вместе с обломками развалившегося в воздухе самолета появляются точки парашютов с куполами красного цвета. Вначале один, потом второй, третий, — парашюты, как в замедленной съемке, спокойно, плавно приземляются за крышами домов. Если бы не чудовищная канонада и не

столбы дыма и гари над городом, могло показаться, что я стал свидетелем состязания парашютистов.

Один истребитель-бомбардировщик «Ф-105Д», не успев, по всей видимости, освободиться от бомбового груза, вдруг густо задымил и начал планировать прямо над площадью Бадинь. Чуть не задев крышу жилого дипломатического дома, он рухнул в переулке между центральным стадионом и зданием советского посольства. Падение самолета сопровождалось взрывом такой силы, что даже в окнах корпункта, обращенных в ту сторону, вылетели стекла.

Как только смолкла канонада, к месту падения самолета бросились люди. Вьетнамцы по натуре своей любопытны, а это был первый вражеский самолет, который упал в самом центре Ханоя. Я с трудом пробился через толпу, сдерживаемую ополченками. Самолет рухнул прямо на грузовик, с которого совсем недавно были сняты бочки с мазутом. Бочки зловеще покоятся рядом с грузовиком, всего в нескольких метрах от охваченного пламенем самолета. Опасность таит и чрево самолета, где может находиться неиспользованный боезапас. Наконец, по горящему самолету ударяет белая струя огнетушительной смеси. Прибывшие пожарные и девушки в черных кофтах ополченок чуть ли не голыми руками растаскивают раскаленные бочки и пылающие обломки самолета. Снимаю кадр за кадром, под ногами разливается горячая смола, кажется, что-то кричат, но смысл слов до сознания не доходит. Но тут, к счастью, кончается пленка, и в мои уши врывается истошный крик пожарного: «Разбегайся! Сейчас рванет!»

Вернувшись домой, я битых полчаса привычным «зверским» голосом, который разносится по всей узкой и короткой улочке Као Ба Куат, выкрикиваю по телефону стенографистке информацию о событиях минувшего утра. Порядком измаявшись и почти потеряв голос (сразу после воздушных налетов слышимость, как правило, резко ухудшалась), я, наконец, закончил передачу и лишь тогда вдруг ощутил невыносимую жару. Неужели все-таки добились электростанцию? Только живя в тропиках, можно до конца понять, какую огромную роль играет в нашей жизни электричество. Не работали ни кондиционеры, у кого они были, ни четырехлопастный «фен», который крутился обычно у меня под потолком, разгоняя застоявшийся влажный воздух. «Побежал» холодильник. Нечем было даже умыться, так как вода подавалась в дом с помощью миниатюрной помпы, также работавшей на электричестве. Пот лил с меня в три ручья, а я тупо сидел и думал, как же переносят такую жару мои соседи-зенитчики на солнцепеке, у раскаленных пулеметов.

После обеда захватываю по пути корреспондента «Правды» Алексея Васильева (он тогда еще не умел водить машину), и мы едем с ним в район электростанции. Вдоль Аллеи молодежи, широкой дамбы, разделяющей два озера — Западное и Чукбать, видим новые зенитно-пулеметные установки. Зенитчики сидят прямо на земле, разостлав клеенчатые подстилки, и поглощают свой нехитрый обед: завернутый в банановые листья клейкий рис, какие-то консервы, поджаренные бананы. В это время по обеим сторонам машины видим бегущих людей — опять тревога. Посторонние звуки тонут в гуле мотора, из-за чего происходящее вокруг напоминает сцену из немого фильма. Проходит, кажется, целая вечность, пока удастся развернуть машину на узкой, шириной метра в 3, дороге. Справа от нас зенитчики, побросав недоеденную снедь, уже заняли свои боевые места.

Включаю максимальную скорость, и мы мчимся мимо здания Национального собрания. Вдогонку что-то кричит часовой, видимо, требуя остановиться, но я поворачиваю к дипломатическому кварталу. В голове проносится шальная мысль: кто-то говорил, что если во время воздушной тревоги машина, не имеющая спецпропуска, не останавливается по команде, то часовой имеет право открыть по ней огонь на поражение. Слава богу, мой «Москвич-203» с ужасным воем тормозов ввинчивается в долгожданный переулок, и мы вбегаем на крышу дома нашего военного атташата. В небе картина та же, что и утром. Самолеты «АД-6» снова держат курс к району электростанции, идут с юга, видимо, с авианосца, который недавно бросил якорь в Тонкинском заливе. Снова в районе электростанции поднимается гигантский столб дыма. Самолеты почти не пикируют на объект, как раньше, а, не долетая до него километра три-четыре, обстреливают реактивными снарядами.

Сразу же после наступления темноты на улицы города высыпали люди с транспарантами: Слава армии и населению Ханоя, сбившим сегодня девять вражеских самолетов! Если это так, то всего за два дня американцы потеряли над Ханоем 16 боевых машин. Многого ли они добились? Вроде бы одна цель налетов достигнута — электростанция выведена из строя. Но, как потом оказалось, всего только на одни сутки. Уже на следующее утро в домах снова появилось электричество. 16 самолетов, столько же первоклассных летчиков, на подготовку которых истрачена уйма времени и денег. Не слишком ли высокой ценой обходился Вашингтону сомнительные «удары возмездия»?

Эти три «не самых жарких» дня оказались победными не только для ПВО Ханоя. Мне наконец-то удалось поймать на фото пленку момент, когда после прямого попадания то ли ракеты, то ли зенитного снаряда игловидный истребитель-бомбардировщик «Ф-105» на глазах разорвало на куски. Медленно планируя в воздухе, он приземлился неподалеку от международного клуба, где Отдел печати МИД обычно проводил пресс-конференции для иностранных журналистов. Конечно, с точки зрения специалиста, фотоснимок, когда я его отпечатал, оказался среднего качества. Тем не менее, корреспонденты ТАСС в Париже уверяли меня при встрече в Москве, что видели его опубликованным в каком-то из номеров журнала «Пари-Матч».

Фронтовые встречи

Одно из самых теплых воспоминаний о тех огненных годах — это встречи и дружба с нашими писателями, поэтами, художниками, которые по зову сердца приезжали в сражающийся Вьетнам, чтобы словом и кистью выразить свою солидарность с его народом. Как я уже писал, когда начались налеты на Ханой, было принято решение о срочной эвакуации на родину жен и детей советских граждан, поэтому в двухэтажном коттедже корпункта ТАСС я остался один. И постепенно так сложилось, что практически все, кто приезжал из Москвы в краткие творческие командировки, обязательно бывали гостями в моем доме.

Одним из первых помню ЮЛИАНА СЕМЕНОВА, тогда еще только начинающего писателя. По специальности он тоже был востоковедом, и, видимо, поэтому чувствовал себя во вьетнамских реалиях, как рыба в воде. Именно в моем

рабочем кабинете он начал стучать на своей машинке-колибри, с которой нигде не расставался, рассказ на индокитайскую тему под интригующим названием «Он убил меня под Луангпрабангом», который вскоре появился на страницах журнала «Огонек». Более всего меня поразило, что Юлиан пробыл в нашем регионе всего какие-то две недели, но сумел так точно и просто отразить быт, культуру, характеры своих персонажей, как будто он местный житель. Несомненно, уже в этом, одном из первых его произведений, проявился неоспоримый литературный талант будущего автора «Семнадцати мгновений весны».

ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ. Не знаю, были ли у будущего народного художника России персональные выставки картин до поездки во Вьетнам. Но точно знаю, что выставка его картин, портретов и зарисовок «Дни и ночи Вьетнама», организованная в 1967 году в Ханое и Москве, — а это почти 150 работ — вызвала огромный интерес и, по моему глубокому убеждению, принесла ему первые заслуженные лавры мастера живописи реалистической школы.

Как человек творческий Илья Сергеевич обожал все старинное, и я не раз возил его в ханойские буддийские пагоды, где он с восторгом любовался вьетнамскими художественными раритетами XVI, XVII веков. Помню, вечером накануне его отъезда мы на прощание устроили в моем доме «дегустацию» армянского коньяка, и Илья Сергеевич быстро, даже незаметно для меня, набросал карандашом мой портрет. До сих пор не могу простить себе, как легкомысленно отнесся я к этому дару будущего блестящего портретиста. В суете и горячке журналистских будней этот портрет, к огромному сожалению, бесследно затерялся впоследствии среди огромной горы бумаг и газет, заполнявших мой рабочий кабинет.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ. Отношение мое к поэту было, естественно, благоговейным. Для меня он был представителем легендарного старшего поколения, «аксакалом советской поэзии». Мне посчастливилось много раз общаться с ним, слушать его яркие воспоминания о жизни до Великой Отечественной войны и о его фронтовых буднях. В Ханое он с философским спокойствием относился к воздушным тревогам, но, когда вьетнамцы приглашали спуститься в убежище, послушно делал это, приговаривая: «Уцелев на такой страшной войне, было бы жалко погибнуть сейчас от случайного осколка вдали от дома».

С Долматовским связаны в моей памяти две истории. Однажды он пришел ко мне в гости, когда я слушал новости сайгонского радио. «А ты знаешь, что я единственный советский гражданин, побывавший в Сайгоне?» — вдруг спросил он. Оказалось, однажды поэт летел из Токио, и неожиданно самолет совершил посадку в сайгонском аэропорту Таншоннят. Тогда этот аэропорт был американской военной базой, и поэт почти два часа просидел в зале ожидания, окруженный автоматчиками, и созерцал за окнами бесчисленные ангары с боевыми самолетами. По возвращении в Москву он описал все это в очерке, опубликованном в журнале «Огонек».

Другая история — забавная. На одной из встреч с поэтом под Ханоем уже молодой ополченец стал декламировать на вьетнамском языке стихотворение К. Симонова «Жди меня». В годы войны с французами, которая длилась почти 8 лет, тема разлуки и ожидания стала во Вьетнаме лейтмотивом жизни миллионов семей. Поэтому когда «Жди меня» было переведено одним из лучших вьетнамских поэтов То Хыу, причем весьма прекрасным слогом, оно сразу же разлетелось по всему Вьетнаму. А для партизан, простых вьетнамцев два слова: совет-

ский поэт и Константин Симонов слились в единое целое. И вьетнамская публика решила, что перед ними автор «Жди меня».

Долматовский не раз бывал у меня в гостях и охотно делился воспоминаниями о своей молодости, о своем пути в большую литературу. Особенно мне запомнился его рассказ, как во время войны он познакомился в поезде с солдатом, который возвращался на фронт, и тот рассказал ему, что в незнакомом городке случайно познакомился с девушкой, которую никак не может забыть. Под впечатлением этой встречи у поэта тут же родились стихи: «После тревог спит городок. Я услышал мелодию вальса и сюда завернул на часок...». Это был знаменитый «Фронтной вальс» Евгения Долматовского, под который мы подростками танцевали по вечерам на «круге», как тогда называли танцплощадки.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ впоследствии тоже побывал в военном Ханое, но там мне с ним встретиться не довелось. Зато его поэзия всегда была вместе с нами. Песня на его стихи «От Москвы до Бреста» стала неофициальным гимном журналистов, постоянно аккредитованных во Вьетнаме. На каждой вечеринке «фрайди найт», которые у нас стихийно возникали после особенно горячих трудовых дней, мы, едва захмелев, дружно затягивали эту песню. Забавно, но каждый раз с особой силой мы нажимали, с явной жалостью к самим себе, на две симоновские строки, которые в официальном, «причесанном» варианте этой песни обычно не звучат: «Там, где мы бывали, нам танков не давали, репортер погибнет — не беда...».

А вот в Москве мне посчастливилось неоднократно встречаться с Константином Симоновым, участвовать в его встречах с вьетнамскими литераторами. Одним из последних произведений этого замечательного русского поэта и писателя стало написанное им в романтическом духе предисловие к книге «Хо Ши Мин. Избранные стихи и проза», которое он начал с весьма неожиданной для политического вождя характеристики: «В самом облике Хо Ши Мина было нечто неискоренимо поэтическое...»

НИКОЛАЙ СОЛНЦЕВ. Мы шутливо называли его самый большой друг вьетнамского народа за его внушительную комплекцию. Будучи заведующим отделом вещания на Вьетнам Гостелерадио СССР, он неоднократно приезжал в те годы в ДРВ и сделал впечатляющие радиорепортажи и телефильмы о боевых буднях вьетнамского народа. Я настолько сдружился с ним, что по возвращении в Москву у нас сам собой сформировался творческий тандем, и мы сообща реализовали несколько интересных проектов на индокитайскую тематику. Самыми заметными из них, по оценке критиков, стали два телефильма: один — о Хо Ши Мине, другой — о его революционных соратниках Ле Хонг Фонге и Нгуен Тхи Минь Кхай.

Часто приезжали в те годы в Ханой наши журналисты, аккредитованные в Пекине. Корреспондент «Правды» ВИКТОР ШАРАПОВ (будущий помощник Андропова, Черненко, Горбачева) запомнился как очень спокойный и невозмутимый человек, выделявшийся этим даже среди ханойских старожилов, казалось бы, уже «прошедших огонь и воду». Помню, как в городе Вине мы с раннего утра до наступления темноты пролежали у сырых глинистых окопчиков во дворе гостиницы в самом центре города, ощущая себя отличной мишенью для американских истребителей-бомбардировщиков, которые весь день, сменяя друг друга, кружили над городом, выбирая цель для пикирования. С наступлением ночи мы мучительно долго колесили в потемках по деревням и поселкам в поисках бензо-

хранилища, чтобы заправиться бензином на обратный путь. Потом всю оставшуюся ночь перебежками, словно идущие в атаку под огнем противника, мы пытались пробиться к Ханю, минув горящие вдоль дороги грузовики-бензовозы и разбомбленные мосты. Уже начинало казаться, что вряд ли удастся выбраться из этого ада. На все это Виктор шутливо реагировал привычной фразой по-китайски «Хэнхао, тунчжи!» — «Очень хорошо, товарищ!».

АЛЕКСАНДР ТЕР-ГРИГОРЯН, корреспондент «Комсомольской правды». Удивительный востоковед-романтик, влюбленный в ареал древнекитайской культуры, частью которого, с определенными оговорками, считается и Вьетнам. Помню, как в ханойском отеле «Метрополь» он написал иероглифами шутливое объяснение в любви миниатюрной ополченке — «хуацяо», которая во время воздушных тревог, смешно нахлобучив на свою головку огромную металлическую каску, провожала постояльцев гостиницы в бомбоубежище.

Мастер литературного слова, Александр учил меня секретам журналистского ремесла и жестко наставлял: «Береги честь смолоду!», если вдруг я, небрежничая при подготовке очередной корреспонденции, беспечно махал рукой, мол, в редакции, если надо, поправят. Вдвоем с ним мы исколесили сотни километров по фронтовым дорогам Вьетнама, и повсюду повторялась одна и та же незабываемая ситуация: машина, слепо светя подфарниками, прикрытыми сверху кусками черной бумаги, еле ползет в кромешной темноте, а по обеим сторонам вдоль дороги бегут с коромыслами на плечах местные крестьянки и душераздирающими голосами кричат: *Tất đèn, máu bay địch!* — Гаси фары! Вражеские самолеты! И всякий раз, добравшись до Ханоя и вспоминая перипетии поездки, мы со смехом пытались друг у друга выяснить, кому все-таки в эти моменты было страшнее: мне, потому что я понимал, что именно кричат крестьянки, или ему, потому что он не понимал и ориентировался только на градус «душераздираемости» в этих криках.

Наконец, не могу не назвать здесь моих друзей и коллег, постоянно аккредитованных в Ханое, хотя сами они подробно рассказали о себе и своей работе в собственных книгах и фильмах: корреспонденты газеты «Правда» ИВАН ЩЕДРОВ, АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ (будущий академик, директор Института Африки АН СССР и РАН), газеты «Известия» — МИХАИЛ ИЛЬИНСКИЙ, Гостелерадио — ЮРИЙ ЮХАНАНОВ, ЛЕОНИД КРИЧЕВСКИЙ, Агентства печати «Новости» — ИГОРЬ САВИЧЕВ, ТАСС и «Комсомольской правды» — СЕРГЕЙ АФОНИН (по моей рекомендации руководство ТАСС направило его в Ханой мне на замену). По-разному сложились судьбы людей, с которыми свела меня совместная работа в воюющем Вьетнаме. Иных уж нет, а те далеке... Но каждый из них своим творческим трудом, в меру сил и возможностей, внес пусть вроде бы малозаметную, но на деле весомую лепту в поддержку героического вьетнамского народа, в формирование всемирного фронта солидарности с его борьбой, а значит, если говорить пафосным языком, каждый из них тоже приближал исторический день победного завершения многолетней борьбы вьетнамских патриотов за освобождение Юга страны и воссоединение родины.

...Без малого три года моей работы «фронтовым корреспондентом» остались позади. Это было трудное, но прекрасное время. Никогда больше в своей жизни я не работал с таким невероятным напряжением сил, с такой страстной самоотдачей. Хотя никто меня не подгонял, никто не требовал работы сверх меры, тем

не менее, у меня бывали, и не один раз, случаи, когда я передавал в течение одних суток по пять-шесть корреспонденций. Уже в Москве друзья мне рассказали, что практически не проходило дня, чтобы в последних новостях всесоюзного радио не звучала фраза: «Корреспондент ТАСС Евгений Кобелев передает из Ханоя...». Она стала настолько, видимо, привычной для слушателей, что даже попала в детективную повесть Аркадия и Георгия Вайнеров «Двое среди людей» об убийстве таксиста. По сюжету повести и свидетели, и сам преступник на следствии показывают, что преступление произошло в тот момент, когда по радио диктор произносил именно эту фразу¹.

Немного истории. В 1960-е годы авиасообщение между Москвой и Ханоем пролегло через Китай. Для любителей экзотики, особенно если летишь в первый раз, это было весьма увлекательное путешествие. Но с 1965 года, когда Китай захлестнула вакханалия «великой пролетарской культурной революции», эти поездки превратились в настоящую пытку. Поэтому легко было понять мою радость, когда за несколько недель до окончания срока работы во Вьетнаме я вдруг случайно узнал, что, оказывается, можно добраться до родины морским путем — из Хайфона до Владивостока или Находки на одном из сухогрузов, которые перевозили грузы помощи ДРВ и где всегда имелись одна-две каюты для возможных пассажиров.

Ко всему прочему эти суда по пути домой делали остановки в труднодоступных в те времена для обычных советских людей иностранных портах — в Гонконге и Иокогаме. Загоревшись заманчивой перспективой, я первым делом посетил английского консула в Ханое, с которым был лично знаком, и довольно легко получил гонконгскую визу. Японскую визовую поддержку мне прислали корреспонденты газеты «Иомиури», которым я помогал разбираться во вьетнамских реалиях во время их краткосрочных поездок в ДРВ.

Вскоре удалось договориться о поездке в качестве пассажиров (я с Людмилой, которая уже успела вернуться в Ханой) с капитаном сухогруза «Туркестан», находившегося в конце июня 1967 года в порту Камфа на берегу залива Халонг. Вещи уже были собраны, до отплытия оставались одни сутки. И вдруг мне сообщают ужасную весть — во время налета американской авиации на порт Камфа реактивные снаряды угодили в корпус «Туркестана». Погиб механик Иван Рыбачук, несколько матросов были тяжело ранены. По решению капитана, раненые были переправлены в ханойский госпиталь, а само судно с телом убитого на борту спешно, раньше намеченного срока, вышло в море и взяло курс на Владивосток.

Был ли этот обстрел случайным или преднамеренным, неизвестно, но это событие вызвало, естественно, шквал возмущения в советской печати. Впоследствии этому сухогрузу было присвоено новое имя «Механик Рыбачук», и он еще не раз приходил с грузами помощи во Вьетнам. Что же касается нас двоих, то нам, к сожалению, пришлось возвращаться домой привычным маршрутом и заново пройти через безумства «культурной революции». Начались они сразу же после того, как «ИЛ-14» китайской авиакомпании, оторвавшись от полосы ханойского аэропорта Зялам, набрал высоту, и юные стюардессы под звуки песни «Восток заалел...», ставшей гимном основной движущей силы «культурной рево-

¹ А. и Г. Вайнеры. Я, следователь. М.: Сигма пресс, 1997. С. 222, 284.

люции» — хунвэйбинов, начали исполнять революционный танец и бутафорски-ми деревянными штыками колоть двух советских «ревизионистов», находившихся в самолете.

После Вьетнама самолет сделал посадку в Ухане. Пока мы сидели в ожидании самолета на Пекин, я обратил внимание на большое число выставленных «цитатников» Мао Цзэдуна на разных языках (это было главное завоевание «великой пролетарской культурной революции») и решил отобрать себе несколько экземпляров на языках, к которым имею отношение. Вскоре мы поднялись в самолет, и я тут же раскрыл один цитатник на русском языке. Смотрю, к нам бежит стюардесса и спрашивает, не нужно ли что-нибудь принести, может быть, фрукты. Оказывается, у проводников идей «культурной революции» считалось, что, если «ревизионист» начал изучать цитатник Мао, значит он «перевоспитался».

Новый поворот в жизни

Вернувшись в июле 1967 года из Вьетнама, я неожиданно узнал, что предстоит серьезный поворот в моей судьбе. Руководство ТАСС планировало направить меня после отдыха и восстановления сил корреспондентом в Брюссель, учитывая мое знание французского языка. Но вдруг мне сообщили, что меня приглашает для беседы главный редактор газеты «Правда» Михаил Васильевич Зимянин.

Я знал этого незаурядного человека еще с 1950-х годов — он был тогда одним из первых советских послов в ДРВ. На беседе он предложил мне перейти на работу в «Правду» и разъяснил, в чем будет суть моей работы. По его словам, руководство КПСС и КПВ договорились, учитывая размах освободительного движения в Южном Вьетнаме, о желательности открыть там в одном из освобожденных районов корпункт газеты «Правда». По задумке Зимянина, корпункт должен был возглавить я как человек, свободно знающий вьетнамский язык, три года освещавший события воздушной войны США против Северного Вьетнама и в достаточной мере овладевший навыками журналистской работы в условиях войны. Возможно, одним из генераторов идеи открытия корпункта «Правды» при ЦК НФОЮВ был именно Зимянин, который, как известно, в годы Великой Отечественной войны был активным организатором и участником партизанского движения в Белоруссии.

Я не успел еще прийти в себя после трех лет военного лихолетья в Северном Вьетнаме, и потом я мысленно уже представлял себя в спокойной Европе, поэтому стал решительно отказываться от сделанного мне предложения. Но тогда были другие времена. Михаил Васильевич на все мои контраргументы жестко отвечал тремя словами — есть партийная дисциплина. И в конечном счете, мне пришлось покинуть полюбившийся мне ТАСС и забыть о поездке в спокойную Европу. Своего рода утешением служило только полученное мною известие, что по итогам работы корреспондентом ТАСС во Вьетнаме я награжден орденом «Знак Почета». Вручал мне его в Кремле вместе с другими награжденными сам Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный.

В период работы в «Правде» мне особенно запомнились дни и ночные часы, когда я дежурил по пятой полосе (международных новостей). Где-то в 11 ночи я приходил в кабинет к главному редактору, докладывал ему о содержании основных материалов пятой полосы. После того, как Михаил Васильевич подписывал номер газеты в печать, он заказывал чай с сушками на двоих, и затем час, а то и два мы беседовали о любимом нами Вьетнаме. По его просьбе я рассказывал ему об особенностях военных действий на Севере и Юге Вьетнама, о наиболее драматических событиях моей журналистской работы в Ханое. Особенно его поразила рассказ о том, что в мае 1967 года один сбитый американский истребитель-бомбардировщик упал в переулке в нескольких десятках метров от советского посольства.

Мне же он рассказывал о наиболее запомнившихся ему событиях его работы послом в Ханое. Особенно интересными были его воспоминания о встречах и беседах с Президентом Хо Ши Мином. Сам Михаил Васильевич был очень простым, доступным человеком, и мы, рядовые корреспонденты, никогда не видели в нем «большого начальника». Он был просто нашим старшим товарищем, и так я его и воспринимал. Понятно поэтому, что в Хо Ши Мине он увидел «родственную душу» и, рассказывая о нем, с восхищением вспоминал, какой это был простой и скромный человек, как хорошо он говорил по-русски, как любовно относились к нему вьетнамцы, называя своего вождя по-простому Дядюшка Хо.

Хо Ши Мин высоко ценил поддержку советской стороны в сложной для руководства ДРВ ситуации. Он понимал роль советского посла в этом процессе, стремился поддерживать с ним товарищеские отношения. Он был особенно внимателен к мнению М.В. Зимянина, с которым у него сложились доверительные отношения. Доброжелательный, откровенный, энергичный, широко эрудированный, остро чувствующий «нerv ситуации», умеющий расположить к себе собеседника, М.В. Зимянин вызывал у вьетнамского президента неизменные симпатию и уважение. Хо Ши Мин часто приглашал его к себе в резиденцию, советовался, откровенно говорил о наболевшем, вспоминал о своем пребывании в Советском Союзе во времена работы в Коминтерне.

Запись беседы М.В. Зимянина с Хо Ши Мином от 14 февраля 1957 года показывает пытливый интерес вьетнамского президента к постановке самых сложных вопросов и о путях их решения. Его, в частности, интересовал вопрос о католиках, о положении католической церкви в Советском Союзе, разрешена ли католическим епископам связь с Ватиканом. Этот интерес носил не абстрактный характер. Католичество во Вьетнам принесли португальцы еще в первой половине XVI века. После Второй мировой войны во Вьетнаме насчитывалось более 1,5 млн католиков. 800 тысяч из них проживали в Северном Вьетнаме. После подписания Женевских соглашений под влиянием американской и сайгонской пропаганды около 670 тысяч католиков перешли на Юг. Там они стали опорой режима католика Нго Динь Зьема.

Президент ДРВ также ценил опыт Зимянина как одного из руководителей партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии и часто интересовался подробностями организации партизанского движения. Интересен был Хо Ши Мину и послевоенный опыт Зимянина как секретаря ЦК КП Белоруссии по кадрам. Через многие годы, отмечая в 1984 году 70-летие М. В. Зимянина, вьетнамское правительство наградило его орденом Хо Ши Мина за «особые заслуги в деле укреп-

ления советско-вьетнамской дружбы». Рассказы Михаила Васильевича о Хо Ши Мине окончательно укрепили меня в возникшем еще в Ханое намерении написать книгу «Хо Ши Мин» для знаменитой в те годы серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». Через 10 лет эта книга действительно была мной написана и в 1979 году вышла тиражом 100 тысяч экземпляров.

Когда я писал эти воспоминания, в печати появилось сообщение о том, что 30 августа 2021 года на 95 году жизни скончался выдающийся востоковед, журналист и писатель Всеволод Овчинников. Мы в одно время работали с ним в «Правде», при этом он «отвечал» за Китай и Японию, а я за Юго-Восточную Азию. Иногда мы подменяли друг друга, когда дежурили по пятой, международной полосе. Свои глубокие знания по Японии он мастерски изложил впоследствии в знаменитой «Ветке сакуры», которая стала мировым бестселлером; в 2020 году этой книге исполнилось ровно полвека. Она стоит на полке моей домашней библиотечки с автографом автора.

...В середине 1968 года Пентагон перешел к массированным, ковровым бомбардировкам освобожденных районов Южного Вьетнама, и в этих условиях Ханой и Москва приняли решение временно отказаться от идеи открытия корпункта «Правды» при ЦК НФОЮВ в джунглях Южного Вьетнама. Меня перевели на работу в Международный отдел ЦК КПСС, и я, к большому моему сожалению, расстался с «Правдой» и с Михаилом Васильевичем Зимяниным.

В конце 1980-х годов я случайно встретился с ним в коридорах третьего подъезда на Старой площади, где располагался международный отдел. Михаил Васильевич был по характеру очень оптимистичным человеком, он всегда улыбался и был приветлив при встрече со старыми знакомыми. В этот раз меня поразили его непривычно печальные глаза. После нашего короткого разговора он сказал на прощание фразу, которую тогда я не совсем понял, что-то вроде — перестройка повернула куда-то не туда. И только впоследствии я узнал, что он был в ЦК и вместе с несколькими другими ветеранами подписал «по собственному желанию» заявление о сложении полномочий члена ЦК.

Глава 3

В МЕЖДУНАРОДНОМ ОТДЕЛЕ ЦК КПСС

Международный отдел ЦК КПСС был в 1960—70-е годы поистине уникальным явлением. Каждый из его сотрудников — заведующие секторами, референты и младшие референты знал по два, а то и по три иностранных языка. Не менее одной трети сотрудников имели степень кандидата или даже доктора наук. Но по сравнению с ТАСС и «Правдой», работа в ЦК, к сожалению, показалась мне поначалу малоинтересной: постоянная рутинная подготовка руководству заготовок для выступлений и речей, справок о положении в курируемых странах и партиях. Наш сектор, который возглавлял выдающийся японовед Коваленко Иван Иванович, курировал связи КПСС с партиями и общественными организациями нескольких стран Восточной Азии: Японии, Таиланда, Лаоса, Камбоджий, Южного Вьетнама. При этом заведующий сектором старался не давать нам скучать, часто ставил перед нами задания не по «опекаемой» стране, поэтому всегда надо было находиться «в теме». Потом он ввел в практику поездки работников сектора не только в курируемые нами страны, а и в другую страну региона, где была нужда в наших знаниях и опыте.

Национальный Фронт освобождения Южного Вьетнама

Но все это было потом, а поначалу пришлось браться, засучив рукава, за конкретную работу, связанную с событиями в Южном Вьетнаме. В ответ на эскалацию воздушной войны против ДРВ Советский Союз не только расширил военнотехническую и экономическую помощь Северному Вьетнаму, но и активизировал политические отношения с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама. 25 апреля 1965 года в Москве было открыто его Постоянное представительство — своеобразная форма дипломатической, а скорее политической миссии сил освобождения Южного Вьетнама в СССР. Возглавил его член ЦК НФОЮВ почтенный (так мы его называли) Данг Куанг Минь. Миссия была аккредитована при Советском комитете солидарности с народами Азии и Африки. Вся текущая деятельность миссии, расходы на проживание южновьетнамских дипломатов, зарплата южновьетнамских представителей оплачивались Советским фондом мира за счет средств миллионов советских граждан, поступавших в Фонд с пометкой «для Вьетнама». Активное участие в налаживании деятельности представительства постепенно стал принимать Международный отдел ЦК, и в этих условиях ему понадобился специалист со знанием вьетнамского языка. И мне было поручено курировать связи КПСС с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама.

Заметки на полях. К концу 1960-х годов ситуация на Юге Вьетнама заметно изменилась в пользу патриотических сил. С учетом этого руководство КПВ приняло решение развернуть генеральное наступление по всему Югу. В ночь на 30 января 1968 года, в первый день Тэта, Нового года по лунному календарю, Народные вооруженные силы освобождения, при активной поддержке населения атаковали почти все базы США и 64 города, включая Сайгон и Хюэ. Добившись полнейшей внезапности, они захватили ключевые объекты в Сайгоне, в том числе проникли даже на территорию американского посольства и штаба главного командования США. Восставшие освободили древнюю императорскую столицу Хюэ, которая оставалась в их руках целых двадцать пять дней.

В результате военного наступления сил освобождения стратегическая ситуация в Южном Вьетнаме начала меняться в пользу НФОЮВ. Французский журнал «Экспресс», анализируя ситуацию, сложившуюся во Вьетнаме весной 1968 года, в те дни писал: «Благодаря современным средствам связи вся Америка видела на миллионах телеэкранов знамена противника, развевающиеся в городах, которые военное руководство США официально объявило неприступными. И она была ошеломлена. Она убедилась одновременно в лживости своего правительства и в тупости его военачальников. Именно тогда вьетнамская битва вошла в сердца и в воображение каждого американца»¹.

В Советском Союзе высоко оценили успехи южновьетнамских патриотов на полях сражений. 10 февраля 1968 года Л.И. Брежнев принял главу постоянного представительства НФОЮВ в СССР Данг Куанг Миня и поздравил патриотов Южного Вьетнама с новыми победами, отметив, что они имеют не только военное, но и большое политическое значение.

Все более весомые победы одерживались и на Севере Вьетнама. В ответ на эскалацию воздушной войны в ДРВ при содействии СССР постепенно была создана разветвленная и эффективная система противовоздушной обороны. Под прикрытием зенитно-ракетной техники оказались в первую очередь Ханой и главный морской порт Хайфон. 24 июля 1965 года в бой с американскими истребителями-бомбардировщиками впервые вступили советские зенитно-ракетные комплексы «Двина». Первые три американских самолета сбили советские расчеты. В этих боях вьетнамские ракетчики выступали в роли стажеров. Вьетнамские воины быстро осваивали современную боевую технику, поступающую из СССР. Все более ощутимыми становились потери американской авиации. В течение 1965 года — первого года воздушной войны в небе ДРВ было сбито, по данным генштаба ДРВ, около 800 американских самолетов. Так, совместными усилиями воинов Вьетнама и СССР было покончено с господством американской авиации в воздушном пространстве ДРВ.

В годы отражения Вьетнамом агрессии США неизмеримо выросло и окрепло сотрудничество вооруженных сил двух стран — СССР и ДРВ. Была налажена четкая координация действий военных органов, органов безопасности, разведки и контрразведки, отработано сотрудничество в обмене информацией и опытом, военно-техническими достижениями.

Совместными усилиями был налажен отбор и изучение трофейных образцов американской военной техники, а также изучение тактики боевых действий воо-

¹ Цит. по: Федоренко Н.Т. Дипломатические записки. М., 1972. С. 106.

руженных сил США. По договоренности между министрами обороны двух стран и с согласия высшего руководства ДРВ во Вьетнаме работала группа советских военно-научных специалистов. За период с мая 1965 по 1 января 1967 года ими было отобрано и направлено в СССР свыше 700 образцов военной техники и вооружения США, в том числе части сбитых самолетов, реактивных снарядов, радиоэлектронного, фоторазведывательного и другого вооружения. Вспоминаю, что из каждой поездки в районы бомбардировок, мы по просьбе этих специалистов нередко тоже привозили в Ханой какие-то образцы. Информация об изучении техники и тактики действий американской авиации, а также рекомендации о методах борьбы с ней передавались вьетнамской стороне. По ряду образцов советским руководством было принято решение о внедрении и освоении их промышленностью СССР.

Благодаря помощи Советского Союза во Вьетнамской народной армии, кроме пехоты, появилось много новых видов и родов войск — истребительная авиация, зенитно-ракетные войска, военно-морской флот, войска связи, инженерные и химические войска, бронетанковые войска, артиллерия. При содействии Советского Союза совершенствовались и модернизировались силы безопасности ДРВ, формировались специальные войска, разведка, охранные войска, полиция. Созданную в ДРВ высокоэффективную, оснащенную современным вооружением и техническими средствами общенациональную систему противовоздушной обороны американские генералы оценили впоследствии как одну из самых мощных систем ПВО, когда-либо имевших место в истории войн. Вьетнамская народная армия превратилась в одну из наиболее боеспособных армий мира, имеющую на вооружении современные виды оружия.

Не менее эффективно действовало советское оружие и в руках воинов Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама. Мировое общественное мнение было единодушно в том, что масштабная советская помощь, прежде всего современным вооружением, дала возможность вьетнамским патриотическим силам довести до полной победы вторую войну Сопротивления, добиться освобождения Юга страны и воссоединения родины. Война во Вьетнаме, писала сразу же после падения Сайгона в апреле 1975 года английская газета «Дейли телеграф», была выиграна войсками, которые были, в основном, вооружены русскими.

Немного истории. Неудачи американских вооруженных сил в боевых действиях, как на севере, так и на юге Вьетнама, постоянно растущее давление на США со стороны мирового общественного мнения, падение престижа американского правительства вынудили США пойти на серьезные уступки. 31 марта 1968 года президент США Л. Джонсон выступил по национальному телевидению. Он объявил об одностороннем частичном прекращении бомбардировок Вьетнама к северу от двадцатой параллели и о готовности вступить в переговоры с правительством ДРВ, а также сообщил, что на предстоящих президентских выборах не будет выдвигать свою кандидатуру.

31 октября 1968 года президент США Л. Джонсон снова выступил по американскому телевидению. В своем заявлении перед нацией он сообщил, что «отдал распоряжение прекратить воздушные бомбардировки Северного Вьетнама с моря и суши с 8 часов утра 1 ноября по вашингтонскому времени. «Я принял это решение, добавил президент, исходя из развития событий на парижских перего-

ворах. И я принял его, исходя из убеждения, что этот шаг может привести к прогрессу на пути к мирному урегулированию вьетнамской войны»¹.

За несколько часов до своего выступления он позвонил послу СССР А.Ф. Добрынину по специальному телефону, который был установлен между Белым Домом и советским посольством, и в срочном порядке пригласил его к себе в личные апартаменты в Белом Доме. Такого рода практики ранее никогда не было. Беседа шла с глазу на глаз, без переводчиков и без записывающих содержание беседы дипломатов. Американский президент был растерян. Он явно рассчитывал на дипломатическое искусство советского посла, который должен был убедить Кремль в искренности намерения американского руководства начать мирные переговоры с Ханоем.

Л. Джонсон просил передать правительству СССР, что он надеется на «положительное влияние» СССР в решении вьетнамского вопроса. Свое обращение он объяснил большой ролью Советского Союза в международных делах, а также тем, что СССР является сопредседателем Женевских соглашений. Он выразил также надежду, что Хо Ши Мин положительным образом откликнется на его инициативу по деэскалации войны. Правительство США, сказал президент, исходит из того, что Советский Союз играет особую роль и несет особую ответственность во Вьетнаме. Без советской военной помощи, подчеркнул он, наш противник долго не продержался бы. Только советская военная помощь делает это возможным.

2 ноября 1968 года с заявлением выступило правительство ДРВ. Оно расценило заявление Л. Джонсона от 31 октября как «большую победу вьетнамского народа в обеих частях страны, а также всех прогрессивных сил в мире, в том числе «прогрессивного народа Соединенных Штатов». С согласия ЦК НФОЮВ оно заявило о своей готовности принять участие в совещании представителей Демократической Республики Вьетнам, НФОЮВ, представителей Соединенных Штатов Америки и представителей сайгонской администрации. При этом в Заявлении оговаривалось, что присутствие на таком совещании представителей сайгонской администрации не означает признания ее со стороны Демократической Республики Вьетнам.

13 мая 1968 года в Париже начались первые встречи представителей США и ДРВ. Главным «переговорщиком» с американской стороны стал известный американский историк и политолог, бывший профессор Гарвардского университета Генри Киссинджер. В январе 1968 года он занял должность советника по национальной безопасности в администрации президента Р. Никсона. Делегацию ДРВ на четырехсторонних переговорах возглавил секретарь ЦК КПВ, министр иностранных дел ДРВ Суан Тхюи. Позднее к нему присоединился, формально в качестве советника главы делегации, член Политбюро ЦК КПВ Ле Дык Тхо. Делегацию НФОЮВ, а с июня 1969 года Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам возглавила член ЦК НФОЮВ, министр иностранных дел ВРП РЮВ Нгуен Тхи Бинь.

17 сентября 1970 года Нгуен Тхи Бинь выступила с новой мирной инициативой ВРП РЮВ. Она заявила, что если США обязуются вывести до 30 июня 1971 года все свои войска из Южного Вьетнама, то Народные вооруженные силы освобождения не будут нападать на них во время операций по их отводу. Она так-

¹ Известия. 02.11.1968.

же предложила договориться о мерах по гарантии безопасности вывода всех американских войск и войск их союзников и заявила, что ВРП РЮВ готово обсудить вопрос об освобождении всех военнопленных. При этом она заявила о том, что путь к восстановлению мира лежит через сформирование в Сайгоне правительства из членов ВРП РЮВ, членов сайгонской администрации, выступающих за мир, независимость, нейтралитет и демократию, и представителей других политических и религиозных сил, находящихся как во Вьетаме, так и за его пределами.

Заметки на полях. 2 сентября 1969 года ушел из жизни первый Президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин. Это было огромное потрясение для всей нации. Зная о приближавшейся кончине, он оставил вьетнамскому народу Политическое завещание. В нем он выразил непоколебимую уверенность в том, что, «какими бы ни были трудности и лишения, наш народ непременно добьется полной победы. Американским империалистам придется убраться из нашей страны. Наша родина непременно будет воссоединена. Соотечественники Юга и Севера будут жить под одной крышей»¹. Завещание вьетнамского президента было полностью опубликовано в советской печати.

9 сентября 1969 года на траурный митинг в Ханое со всех уголков страны собрались сотни тысяч вьетнамцев. Они поклялись довести до конца начатое им дело освобождения Юга и объединения страны. Сама смерть Президента стала фактором огромной объединяющей и мобилизующей силы. Американцы в те дни даже не бомбили Вьетнам. Не посмели. Слишком велик был во всём мире авторитет Хо Ши Мина.

Парижские переговоры. Начиная с 9 августа 1969 года, параллельно с официальными переговорами, специальный советник делегации ДРВ, член Политбюро ЦК КПВ Ле Дык Тхо и госсекретарь США Генри Киссинджер вели закрытые переговоры. Вьетнамский представитель был известен в дипломатическом мире как упорный полемист, способный противостоять всем формам давления. На многочасовых переговорах он мог «пересидеть» кого угодно. Даже в условиях самой драматической по накалу дискуссии он умел сохранять хладнокровие и выдержку, всем своим видом излучая уверенность в правоте и победе дела, которому служит. Своим упорством и твердостью духа, как признавался сам Киссинджер, Ле Дык Тхо доводил членов американской делегации буквально «до изнеможения»².

Еще со времени первой войны Сопротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов он был известен как один из наиболее авторитетных руководителей и организаторов освободительного движения на Юге Вьетнама. Его прекрасно знали лидеры НФОЮВ. Эти особенности биографии и человеческие качества Ле Дык Тхо во время острейшей дипломатической баталии с американскими партнерами имели огромное, а порою и решающее значение.

Мне посчастливилось быть близко знакомым с обоими вьетнамскими «переговорщиками»: с Ле Дык Тхо я неоднократно встречался в Ханое и Москве, а с

¹ Хо Ши Мин. Избранное. Воспоминания о Хо Ши Мине. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 221—222.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 620.

Суан Тхюи — на авеню Клебер в Париже, где проходили переговоры. Оба они казались на вид мягкими, интеллигентными людьми, но на деле были настоящими гроссмейстерами жесткой дипломатии. Уже в самом начале четырехсторонних переговоров (в январе 1969 года за стол переговоров сели также представители ВРП РЮВ и Республики Вьетнам) было вполне очевидно, что этих двух вьетнамских участников переговоров вряд ли будет возможно одолеть в сложных дипломатических баталиях.

Впоследствии заслуги Ле Дык Тхо в справедливом урегулировании вьетнамской проблемы были отмечены Нобелевской премией мира, однако он отказался ее принять, сославшись на то, что положение во Вьетнаме не позволяет ему этого сделать. В доверительных же беседах с советскими представителями он следующим образом разъяснил свою позицию. Принятие мною, одновременно с Г. Киссинджером, этой премии, говорил он, означало бы, что вьетнамское руководство ставит на одну доску агрессора и жертву агрессии.

Возвращаясь к теме переговоров, хотел бы подчеркнуть, что у вьетнамской делегации в Париже было еще одно, не менее веское преимущество, — за ними стояла огромная политико-дипломатическая мощь Советского Союза. Советская дипломатия работала в тесном контакте с дипломатией ДРВ. Руководители ДРВ, вьетнамские официальные представители на переговорах летали в Париж через Москву и регулярно встречались с представителями советского руководства для обмена информацией об обстановке во Вьетнаме, по проблемам, которые находились в центре внимания на парижских переговорах, по тактике ведения переговоров. Как ответственный за отношения с НФОЮВ, я лично участвовал в организации встреч Нгуен Тхи Бинь с секретарями ЦК КПСС. Большую работу по содействию вьетнамскому урегулированию вели советские дипломатические миссии в Вашингтоне, Париже, Ханое и других ведущих столицах мира. Они своевременно информировали Москву о текущих изменениях ситуации во вьетнамском вопросе и о позициях заинтересованных сторон. В дальнейшем руководители делегации ДРВ получали необходимую информацию из первых рук и, вооруженные ею, уверенно вступали в очередной раунд переговоров с противником.

Советское руководство использовало также любой подходящий повод, чтобы оказывать давление на руководство США, постепенно подталкивая Вашингтон к принятию единственно разумного решения — подписанию соглашения о прекращении войны. Так, в ходе визита президента США Р. Никсона в СССР на загородной даче Л.И. Брежнева в Огарево состоялся разговор с ним «по душам». Беседа с участием Н.В. Подгорного и А.Н. Косыгина длилась три часа, с 20.00 до 23.00, и была полностью посвящена Вьетнаму (согласно записи этой беседы, с которой я имел возможность ознакомиться). С первых же минут переговоров Никсону в жесткой форме было указано, что решение вьетнамской проблемы возможно только за столом переговоров и что реальный выход из тупика, в который сами себя загнали американцы, возможен только на справедливых условиях, предлагаемых ДРВ.

Р. Никсон был явно растерян напором советских руководителей. Оправдываясь, что войну начинал не он, а его предшественники и, что лично он сделал, якобы, все, чтобы ее закончить. При этом он не стеснялся подтасовывать факты, заверяя, к примеру, собеседников, что ему ничего не известно о проходивших в это время бомбардировках северовьетнамского порта Хайфон, где швартовались советские суда с мирными грузами. Мы хотим закончить войну, клялся Никсон.

Мы предлагаем сделать это путем переговоров. Но для этого необходима добрая воля с обеих сторон. Урегулирование должно быть достигнуто на приемлемой для обеих сторон основе, а не на основе предъявления нам ультиматумов и навязывания Южному Вьетнаму правительства, удобного Северному Вьетнаму. Если северные вьетнамцы не согласятся с этим, мне придется добиваться решения вопроса иным путём.

Вместе с тем, чувствовалось, что, оказавшись в военно-политическом тупике, президент США рассчитывает на содействие со стороны советского руководства. На это указывала, в частности, брошенная им фраза: «Мы, конечно, приветствовали бы любые соображения о том, как нам было бы лучше действовать дальше».

Отповедь с советской стороны американскому президенту была дана полномасштабная. Брежнев, что называется, «был в ударе». Выслушав Никсона, он квалифицировал войну, которую США вели во Вьетнаме, как «позорную», «агрессивную». При этом он припомнил: «Эскалацию войны во Вьетнаме и бомбардировки территории ДРВ вы начали в то время, когда в Ханое находился наш председатель Совета министров...»; «Остается фактом, что Женевские соглашения 1954 года, содержавшие все предпосылки для установления мира в Индокитае, грубо нарушены вами ... Вас никто не приглашал во Вьетнам. Вы вошли туда с огромной армией... Во имя чего вы вторглись во Вьетнам и ведете самую продолжительную войну в истории США, причем против малой страны, находящейся очень далеко от США, против страны, которая вам ничего плохого не делала. Никто в мире не может одобрить таких ваших действий... Все выдвигаемые вами предложения пронизывает одна идея — Вьетнам должен принять только ваши, американские условия...

Вьетнамцы не требуют от вас ни американских территорий, ни каких-либо особых привилегий. Они хотят одного, быть независимыми. Они согласны на то, чтобы в Южном Вьетнаме было создано коалиционное правительство из представителей трех основных политических группировок. Вы вместе с Сайгоном отклонили это предложение. Как всё это расценивать? Кто поручится, что фактически избранный вами способ окончания войны — перебить всё население окажется верным? Гитлер ведь хотел расширить жизненное пространство, а кончил без всякого пространства».

Накал страстей, как это видно из записи беседы, был серьезный. Дело дошло до того, что Л.И. Брежнев, обращаясь к президенту, воскликнул: «Господин Никсон, у Вас руки в крови». Он подчеркнул, что ДРВ — союзник Советского Союза, и мы будем выполнять свой союзнический долг до конца.

Подводя со своей стороны итоги состоявшейся дискуссии, Ричард Никсон, сказал, что «обсуждение было весьма полезным». И заверил, что американская администрация будет «продолжать искать решение вопроса, способ прекратить войну путем переговоров»¹.

После проведенных поочередно встреч и переговоров с руководством СССР и КНР США предприняли последнюю попытку силой оружия вынудить руководство ДРВ и РЮВ принять американские условия. 18 декабря 1972 года массовой «ковровой бомбардировке» и обстрелу подверглись столица ДРВ Ханой и

¹ Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969—1976 гг. Т. 1. М., 2007. С. 434, 445.

главный порт Хайфон. В ходе операции «Лайнбеккер-2» Пентагон использовал новейшие для того времени бомбардировщики Б-52. Были применены самые современные боевые средства — бомбы лазерного и магнитного наведения. Среди мирного населения Северного Вьетнама имелись многочисленные жертвы. Стране был нанесен серьезный материальный ущерб.

Но американские военные в очередной раз просчитались. К этому времени над двумя главными городами ДРВ была создана с помощью советских специалистов мощная система противовоздушной обороны. Командовал этой системой к моменту декабрьских налетов прославленный специалист ПВО Хюпенен Анатолий Иванович, впоследствии доктор военных наук, генерал-полковник Российской армии.

Я познакомился с Анатолием Ивановичем в Москве, когда он уже был на пенсии, но вел активную общественную работу в качестве члена президиума российско-вьетнамского общества дружбы. Мы с ним подружились и часто вели беседы, особенно во время встреч приезжавших с официальными визитами в Россию руководителей СРВ с активом общества дружбы, на регулярных заседаниях президиума Общества, на приемах во вьетнамском посольстве.

От него я узнал интересные подробности о налетах американской авиации на Ханой и Хайфон в декабре 1972 года. По его словам, США потеряли в этих налетах, которые длились 12 дней, 81 самолет, в том числе — 34 стратегических бомбардировщика В-52. При этом он уточнял, что 54 самолета сбили ракетчики, 7 сбили летчики и 20 зенитчики.

От Анатолия Ивановича я узнал, что среди участников декабрьских боев был и будущий вьетнамский космонавт Фам Туан. Первый боевой вылет против Б-52 он совершил на МИГ-21 17 декабря. Его навели с земли на американский бомбардировщик, но американские истребители прикрытия не дали к нему подойти. В следующий вылет — 27 декабря Фам Туан вышел на В-52 ночью, без радиоприцела, а с так называемым визирным прицелом. При помощи этого визирного прицела он сумел подойти к одному из В-52, пустил ракеты, причем ракеты не радиолокационные, а тепловизионные, и сбил его. Американские летчики думали, что их сбила с земли ракета. А сбил Фам Туан — это единственный в мире летчик, который сумел сбить окруженный радиоэлектронной завесой стратегический бомбардировщик В-52.

В начале 1990-х годов я был в очередной раз в Ханое, и меня познакомили с Фам Туаном. Я рассказал ему о той высокой оценке, которую давал ему как боевому летчику генерал-полковник Хюпенен, а он в свою очередь рассказал, что вьетнамские ракетчики и летчики до сих пор помнят о вкладе Анатолия Ивановича в упрочение ПВО Вьетнама и о его роли в обеспечении декабрьской победы 1972 года в небе над Ханоем и Хайфоном.

После провала массированных бомбардировок Ханоя и Хайфона представители США 2 января 1973 года вынуждены были вернуться за стол переговоров, и уже 27 января состоялась официальная церемония подписания Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. А в конце марта этого же года последние американские солдаты покинули территорию Вьетнама.

Мадам Бинь. Представителем ВРП РЮВ на Парижских переговорах была министр иностранных дел Нгуен Тхи Бинь. В то время участники всемирного движения солидарности с Вьетнамом, в средствах массовой информации и в кру-

гах общественности Запада ее уважительно и любовно называли «мадам Бинь», так как она была известна во всем мире тем, что в лучшем свете представляла вьетнамских женщин своей интеллигентностью, элегантной внешностью и изысканным стилем.

После подписания Парижского соглашения мадам Бинь, как обычно, возвращалась на родину через Москву. Я встретил ее торжественно, с цветами в аэропорту Шереметьево и отвез в самую спокойную и тихую гостиницу ЦК на Арбате (Плотников переулок). Вечером мы открыли бутылку привезенного ею французского шампанского и выпили за великую победу в Париже, которая, по сути дела, открывала путь к полному освобождению Южного Вьетнама и воссоединению страны. Оказалось, что мадам Бинь, так же как и я, любит и знает много французских песен, и мы с ней на радостях спели дуэтом одну из песен Шарля Азнавура.

Через несколько дней я проводил ее в Ханой, но впоследствии мы еще не раз встречались то в Москве, то в Ханое. После победного завершения войны во Вьетнаме она была назначена министром образования Социалистической Республики Вьетнам, а в 1992—1997 и 1997—2002 годах дважды избиралась вице-президентом единой страны.

Последняя наша встреча произошла в сентябре 2014 года, когда я вместе с Локшиным был приглашен руководством Государственной политической академии Хо Ши Мина на Международную конференцию «Сотрудничество в целях развития между Вьетнамом — АСЕАН и Российской Федерацией».

В дни нашего приезда в Ханой она уже была на пенсии и занимала почетный пост председателя вьетнамского Фонда мира. Я и Григорий Михайлович встретились с ней в офисе Фонда и провели несколько часов во взаимных воспоминаниях об оставшихся далеко позади славных событиях. В конце встречи она подарила мне только что вышедшую книгу своих воспоминаний — *Gia đình, bạn bè và đất nước. Nội kỷ* (Семья, друзья и родина. Воспоминания).

Заметки на полях. Общеизвестно, что одним из решающих факторов победы Вьетнама явилось возраставшее год от года мощное давление международного фронта солидарности, все решительнее осуждавшего агрессию США и требовавшего ее немедленного прекращения. Советские общественные организации, используя свой авторитет, обширные международные связи и материальные возможности, внесли весомый вклад в дело сплочения антивоенных, пацифистских сил различных стран мира вокруг лозунга «Руки прочь от Вьетнама!» Не могу не отметить здесь выдающуюся роль в мобилизации общественных сил Григория Михайловича Локшина — вначале в качестве ответственного секретаря Советского комитета поддержки Вьетнама, а затем секретаря Советского комитета защиты мира.

Лично мне довелось участвовать, в составе делегаций советских сторонников мира во многих международных конференциях в поддержку Вьетнама — в Париже, Риме, Стокгольме, Хельсинки, Ханое, Москве. И могу засвидетельствовать, что три слова — *Мы с тобой, Вьетнам!* — приобретали буквально магическую силу, объединяя вокруг себя людей самых разных идеологических и политических взглядов. Международная кампания солидарности с народом Вьетнама приобрела к началу 1970-х годов такой невиданный размах, что в конечном итоге явилась одним из решающих «нематериальных» факторов, заставивших

правящие круги США принять трудное, но единственно разумное решение — согласиться на прекращение бессмысленной войны и на подписание Парижского соглашения о восстановлении мира во Вьетнаме.

Особенно памятными для меня стали международная конференция в поддержку Вьетнама, созванная по инициативе Всемирного Совета мира в столице Италии Риме в 1970 году, и международный фестиваль молодежи в поддержку Вьетнама в Хельсинки. В Международном отделе ЦК и Советском комитете защиты мира конференции в Риме придавалось очень важное значение, так как, по имевшейся предварительной информации, в ней собирались принять участие довольно много представителей самых разных политических сил Западной Европы и США — от «гошистов» (левых) Италии и Франции до крайне правых пацифистов из северных стран Европы.

Поэтому для участия в этой конференции была сформирована весьма представительная советская делегация во главе с председателем Общества советско-вьетнамской дружбы космонавтом Германом Титовым. Кроме того, было принято решение за неделю до начала конференции направить в Рим «группу технической подготовки» из двух человек — секретаря Советского комитета защиты мира Г.М. Локшина и автора этих строк.

Дело в том, что прошло всего два года после подавления вооруженными силами стран Варшавского Договора «пражской весны» в Чехословакии. Поэтому определенная часть пацифистов Западной Европы и США использовала любые международные мероприятия, в том числе и конференции в поддержку Вьетнама, для того чтобы выразить советским представителям, кто бы они ни были, свое возмущение этой акцией. Особенно зримо это проявилось в 1969 году на конференции в Стокгольме, где нас, членов советской делегации, буквально «зажимали в углу», чтобы высказать свой протест. С учетом этого перед нашей «группой технической подготовки» была поставлена задача провести в преддверии Римской конференции соответствующую подготовительную работу, чтобы избежать подобных неприятных эксцессов.

Не могу сказать, какую роль сыграла наша «подготовительная работа», но точно помню, что решающим в создании на конференции нужной атмосферы стало выступление Германа Степановича Титова. Он вышел на трибуну с двумя звездами на штатском пиджаке — Героя Советского Союза и Героя Вьетнама. Тогда я, к сожалению, не вел дневниковых записей, поэтому не могу в точности процитировать его речь. Но основной смысл ее помню очень хорошо. Ну, что же вы, друзья, сказал Герман Степанович, обращаясь к немногочисленным, но весьма активным «бузотерам». Мы собрались здесь, чтобы помочь героическому вьетнамскому народу в его борьбе против американской агрессии, поэтому давайте оставим в стороне все другие посторонние вопросы.

Затем он рассказал участникам конференции о своих незабываемых встречах с Хо Ши Мином, о своих поездках во Вьетнам, в ходе которых он стал непосредственным свидетелем варварства агрессоров и беспримерного героизма патриотов Вьетнама от мала до велика. И закончил свое эмоциональное выступление лозунгом: «Мы с тобой, героический народ Вьетнама!». Зал встретил эти его слова овацией и многоголосым скандированием: «Вьетнам, Хо Чи Мин!». «Вьетнам, Хо Чи Мин!» (так европейцы произносят имя первого президента независимого Вьетнама).

В Хельсинки же нас ждали другие, более экзотические события. На фестиваль приехало много «гошистов» из Италии и Франции. Сразу же после завершения официальной части фестиваля они вывели его участников с транспарантами на уличную демонстрацию. Проходила она для нас очень оригинально. Всех поставили в колонну по четыре, которая, скандируя «Маркс, Ленин, Гевара, Хо Чи Мин!» помчалась бегом по улицам Хельсинки. Финские бюргеры с ужасом смотрели из окон своих домов на бегущих демонстрантов, наверное, думая, что началась революция. И второе «экзотическое» событие — нашу делегацию возглавлял тогдашний председатель Комитета советских молодежных организаций и будущий руководитель ГКЧП в августе 1991 года в Москве Геннадий Янаев, чего тогда, конечно, никто не мог даже предположить.

Перед созданным в марте 1967 года Советским комитетом поддержки Вьетнама была поставлена задача не только инициировать массовые общественные акции в СССР, но и наладить активное сотрудничество и взаимодействие с зарубежными общественными организациями и движениями, найти с ними общий язык в этом вопросе, несмотря на идеологические и политические различия. И созданный комитет, как показали дальнейшие события, с этой задачей успешно справился. Одним из наиболее ярких его достижений стало проведение Стокгольмской конференции по Вьетнаму и создание в последующем на ее основе Стокгольмского движения солидарности с Вьетнамом.

В июле 1967 года в Стокгольме состоялась беспрецедентная по масштабам международная конференция в поддержку Вьетнама. В ней приняли участие 400 делегатов из 63 стран мира и 22 международных организаций. Стокгольмские конференции стали ежегодными и продолжались вплоть до полной победы вьетнамского народа в 1975 году. Они сыграли важную роль в расширении политического спектра международного движения солидарности с Вьетнамом и породили такое новое явление в международной кампании солидарности с Вьетнамом, как «Стокгольмское движение». В нем, наряду с Советским комитетом защиты мира и многими международными и национальными демократическими организациями, принимали активное участие широкие круги пацифистских, федералистских и других организаций ряда стран Западной Европы, а также США. Такого удивительного феномена никогда не бывало раньше, и он больше уже никогда, к сожалению, не повторился.

Стокгольмские конференции стали огромным событием в общественно-политической жизни того времени, ярким примером того, что на Западе называли гражданской, а в Советском Союзе — народной дипломатией. По утверждению ряда сотрудников Советского комитета защиты мира, именно Григорий Михайлович Локшин ввел этот термин в политический оборот и постоянно продвигал его в документах СКЗМ, в своих выступлениях и статьях. Курс, взятый советскими общественными организациями на формирование самого широкого и открытого союза всех миролюбивых сил, проложил для вьетнамских патриотов путь на международную политическую арену и позволил максимально эффективно использовать интеллектуальный потенциал глобального общественного движения борьбы за мир.

Немного истории. *Вьетнамское руководство четко и последовательно проводило курс на гибкое сочетание вооруженной, политической и дипломатической форм борьбы. Оно было готово к тому, чтобы успехи на поле сражений за-*

крепить на дипломатическом фронте. Еще в январе 1967 года на XIII пленуме ЦК КПВ выработал курс на усиление дипломатической борьбы, имеющей «важную, позитивную и самостоятельную роль». В резолюции пленума по данному вопросу отмечалось: «На основе побед, одержанных над противником на полях сражений, необходимо усилить наступление на него и в области дипломатической, сочетая эту работу с военным и политическим наступлением, добиваясь разоблачения преступлений и коварных маневров американских империалистов, разъясняя нашу справедливую позицию, завоевывая на нашу сторону международную солидарность и поддержку, создавая единый фронт народов мира против империалистических агрессоров США».

27 января 1967 года, сразу же после того, как пленум ЦК КПВ утвердил решение об усилении дипломатической борьбы, министр иностранных дел ДРВ Нгуен Зуй Чинь выступил с важным заявлением. Он отметил, что если США хотят переговоров, то, прежде всего, они должны без каких-либо условий прекратить бомбардировки и любые другие акты войны против ДРВ. Только после того, как США безоговорочно прекратят бомбардировки и любые другие акты войны против ДРВ, Демократическая Республика Вьетнам и США смогут вести переговоры.

3 апреля 1968 года правительство ДРВ в связи с обращением Л. Джонсона от 31 марта заявило о готовности назначить своего представителя для контактов с представителями США с целью обсудить вопрос о безоговорочном прекращении американских бомбардировок и других актов войны против Демократической Республики Вьетнам с тем, чтобы можно было начать переговоры.

Переговорная позиция ДРВ была хорошо известна. Еще в апреле 1965 года правительство Демократической Республики Вьетнам в ответ на усиление военного присутствия США в Южном Вьетнаме и эскалацию воздушной войны против ДРВ выдвинуло программу политического урегулирования вьетнамской проблемы за столом переговоров. В последующие годы во многих документах эта программа фигурировала как «позиция ДРВ из четырех пунктов». Ее суть сводилась к следующему:

1. Правительство США должно вывести свои войска, военнослужащих и вооружение из Южного Вьетнама и прекратить посягательства на территориальную целостность и суверенитет ДРВ.

2. В период ожидания мирного воссоединения Вьетнама необходимо, в соответствии с Женевскими соглашениями, чтобы обе части страны не имели военных союзов с другими государствами, иностранных военных баз и военнослужащих на своей территории.

3. Дела Южного Вьетнама должны быть решены им самим на основе программы Национального фронта освобождения.

4. Мирное объединение страны должно быть осуществлено вьетнамским народом без вмешательства извне.

6 апреля 1968 года правительство СССР, в свою очередь, также выступило с заявлением, в котором оно подтвердило полную поддержку позиции ДРВ по прекращению войны и политическому урегулированию вьетнамской проблемы.

Тем не менее, понадобилось еще более месяца, чтобы начать переговоры. Острые дебаты шли вокруг вопроса о том, где вести переговоры. Инициатива в этом вопросе принадлежала американцам, а Ханой вносил свои контрпредложения. Всего в ходе обмена мнениями было названо около двадцати городов мира,

в том числе Женева, Москва, Варшава, Пномпень. 2 мая ДРВ согласилась на то, чтобы местом переговоров был Париж. При этом руководство ДРВ учитывало ряд благоприятных для вьетнамской стороны обстоятельств, в том числе нарастающую морально-политическую поддержку широкой французской общественности борьбы вьетнамского народа против агрессии США, рост американско-французских противоречий по широкому кругу внешнеполитических вопросов, наличие во Франции мощной левой прессы, через которую можно было без искажений доводить позицию вьетнамской делегации до широкой международной общественности.

9 мая 1968 года руководитель делегации ДРВ в ранге министра правительства, секретарь ЦК КПВ, заведующий международным отделом ЦК Суан Тхюи прилетел в Париж. Переговоры начались 13 мая 1968 года в самом центре французской столицы, на авеню Клебер, в Доме международных конференций. В течение первых пяти месяцев встречи дипломатов носили двусторонний формат и велись между делегациями США и ДРВ. Американскую делегацию возглавлял «патриарх» американской дипломатии У. Гарриман. Еще в 1943, 1946 гг. он был послом США в СССР. Для освещения начала вьетнамо-американских переговоров со всего мира съехались более двух тысяч журналистов.

Первая же американско-вьетнамская встреча подтвердила пессимистические прогнозы о том, что переговоры будут долгими и трудными, что свои успехи за столом переговоров стороны будут стремиться подкреплять победами на поле боя. Тем не менее, за пять месяцев переговоров, несмотря на острые противоречия между американской и вьетнамской делегациями, сторонам удалось достичь договоренности о полном и безусловном прекращении с 1 ноября 1968 года воздушных бомбардировок и других военных действий США против ДРВ, а также о проведении заседаний с участием делегаций ДРВ, США, НФОЮВ и сайгонской администрации для поиска путей урегулирования вьетнамской проблемы.

Республика Южный Вьетнам. 8 июня 1969 года в одном из освобожденных районов Южного Вьетнама собрался Конгресс народных представителей, на котором было провозглашено создание Республики Южный Вьетнам и Временного революционного правительства (ВРП РЮВ). 13 июня 1969 года Советский Союз признал это правительство, что ознаменовало собой новый шаг в укреплении отношений дружбы и боевой солидарности между нашими странами и народами. Советским Союзом был принят целый комплекс мер содействия ВРП РЮВ по его максимально широкому международному признанию.

Постоянное представительство Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в Москве было преобразовано в посольство Республики Южный Вьетнам. 8 июля 1969 года посол в СССР Данг Куанг Минь вручил верительные грамоты. Вместе с МИД мы начали готовить здание для посольства РЮВ в центре Москвы — в Гранатном переулке. Вдвоем с почтенным Минем мы чуть ли не каждую неделю навевывались в этот переулок, чтобы удостовериться, что строительство идет по плану.

3 ноября 1969 года в Советский Союз с дружественным визитом прибыла делегация Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. Её возглавлял Председатель Президиума ЦК НФОЮВ, председатель Консультативного совета

ВРП РЮВ доктор Нгуен Хыу Тхо. С первых дней его пребывания в СССР я был «его тенью». Главу НФОЮВ и ВРП РЮВ принял Л.И. Брежнев, другие советские лидеры. Состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам военно-политической обстановки в Южном Вьетнаме и положения на Индокитайском полуострове в целом, а также по вопросам развития межгосударственных отношений, укрепления дружественных связей между СССР и Республикой Южный Вьетнам.

На переговорах в Кремле был сделан вывод, что новая американская доктрина «вьетнамизации» войны, изложенная президентом Р. Никсоном в июле 1969 года на острове Гуам, есть не что иное, как продолжение войны и американской оккупации иными, более изощренными, средствами, политики сохранения раскола Вьетнама, недопущения осуществления законных прав и чаяний вьетнамского народа. Принятие и реализация доктрины отражали также тот факт, что, несмотря на мощный рост антивоенных настроений в США, в вашингтонской администрации все еще продолжали преобладать сторонники уже обанкротившегося курса на решение вьетнамской проблемы путем использования военной силы.

Делегация НФОЮВ и ВРП РЮВ информировала советское руководство о мерах, проводимых по сплочению патриотических сил Южного Вьетнама на борьбу против агрессии, о социально-экономических преобразованиях в освобожденных районах и укреплении народной власти, а также о внешнеполитических шагах ВРП РЮВ.

Говоря о перспективах освободительной борьбы, Нгуен Хыу Тхо отметил, что южновьетнамские патриоты будут последовательно реализовывать оправдавшую себя стратегию сочетания активных действий в военной, политической и дипломатической областях вплоть до окончательной победы, освобождения страны от агрессоров и выпестованного ими марионеточного режима в Сайгоне. Он изложил ряд конкретных просьб об оказании Советским Союзом материальной помощи и политической поддержки НФОЮВ и ВРП РЮВ, в том числе и в военной области.

Советские участники переговоров — Л.И. Брежнев, Н.В. Подгорный, А.Н. Косыгин и другие советские руководители, заявили о том, что СССР будет продолжать оказывать всестороннюю помощь и поддержку народу Южного Вьетнама. Они заверили Нгуен Хыу Тхо и его коллег в полной поддержке НФОЮВ и ВРП РЮВ и высказались в том духе, что 10 пунктов программы урегулирования вьетнамской проблемы, выдвинутые НФОЮВ, являются вполне реальной и разумной основой для правильного разрешения проблемы Южного Вьетнама, отвечающего основным чаяниям и национальным правам всего вьетнамского народа.

Это был первый визит Нгуен Хыу Тхо в СССР, поэтому мы организовали для него и сопровождающих его лиц поездки в Ленинград и Волгоград, несколько дней они отдыхали в Сочи. В Волгограде южновьетнамские гости были потрясены мемориальным комплексом «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане, особенно, Большой братской могилой, куда был перенесён прах около 40 тысяч погибших воинов из братских могил, находившихся в разных районах бывшего Сталинграда. Делегация встретилась с участниками Сталинградской битвы. Перед возвращением на родину Нгуен Хыу Тхо в беседе в «домашней обстановке» в госсоборняке со мной и прикрепленным от отдела Юго-Восточной

Азии МИД СССР Ворониным Анатолием Сергеевичем сказал проникновенные слова о том, что он потрясен величием Советской державы, ее героической историей, богатством и разнообразием культуры, неподдельным духом солидарности советских людей с борьбой вьетнамского народа, и что теперь он, как никогда ранее, твердо убежден, что правое дело вьетнамского народа рано или поздно восторжествует.

Советская помощь южновьетнамским борцам поступала в основном через Ханой. Но Нгуен Хыу Тхо обратился с просьбой и к нашему Отделу. Среди наших партизан, сказал он, много больных и пожилых людей — они участвовали еще в войне Сопротивления против французских колонизаторов, и мы просим дать им возможность отдохнуть и подлечиться в Советском Союзе. С этого года я стал каждое лето принимать до 100 южновьетнамских «старичков». Причем самое тяжелое для меня в этом деле было то, что самолет из Ханоя прилетал тогда в воскресенье, в три часа ночи, и я каждый раз возвращался из аэропорта ни свет, ни заря, а через несколько часов ехал на работу. Старичков мы пролечивали в Центральной клинической больнице (ЦКБ), остальных направляли в санатории Крыма и Кавказа. Этот процесс каждый год сопровождался забавными эпизодами: наши врачи настоятельно требовали направлять их на отдых в санатории в средней полосе России, потому что юг, как они были убеждены, был им противопоказан.

Заметки на полях. *В период моей работы в международном отделе ЦК первым заместителем заведующего отделом был умнейший человек — Загладин Вадим Валентинович. О нем рассказывали, что он написал более тридцати научно-политических книг и что в результате в Академии наук СССР решили присвоить ему «по совокупности» степень доктора философских наук. Это был несколько полноватый, даже грузный человек; во время работы, чтобы дальше не поправляться, он постоянно грыз яблоки. Меня он поражал тем, что в ходе приемов у Брежнева наших индокитайских делегаций он еще до окончания встреч набрасывал текст сообщения для печати, а потом подчеркнуто уважительно давал его мне «на просмотр».*

В ту пору ежегодно происходили совещания руководителей международных отделов ЦК партий стран социалистического содружества. На одно из них, в Германской Демократической Республике, он пригласил меня с собой для выступления по вопросу о тенденциях в развитии Движения неприсоединения. Дело в том, что этим вопросом было однажды поручено заниматься нашему сектору, и Коваленко Иван Иванович возложил на меня эту обязанность. В первый же вечер пребывания в Берлине Вадим Валентинович провел меня по кругу своих любимых пивных. Особенно мне запомнилась одна из них — согласно легенде, в средние века осужденных преступников угощали там последней кружкой пива перед казнью.

У него была увлекающаяся натура, ему до всего было дело. В 1975 году после того, как по нашему телевидению прозвучала в исполнении Льва Лещенко великая песня Давида Тухманова «День победы», в газете «Правда» появилась небольшая заметка за подписью Загладина, в которой было высказано нескрываемое восхищение этим новым гимном нашей победе. Не знаю, по каким причинам эту потрясающую песню долго не пускали на телеэкран, но думаю, что восхищенная заметка о ней Загладина тоже сыграла свою роль в том, что после 1975 года она стала песней, любимой всем народом.

Наконец, настал день переезда посольства РЮВ в новое здание — роскошное как снаружи, так и внутри. Посол Данг Куанг Минь устроил по этому случаю торжественный прием, на который пригласил дипломатов, представителей общественных организаций, журналистов — всех, кто активно помогал НФОЮВ и ему лично в минувшие годы. Я тогда регулярно писал статьи в нашей прессе под псевдонимом Евгений Васильков, и почтенный Минь мне не раз говорил, что он хотел бы лично познакомиться с их автором. Но, как я писал выше, нам не разрешалось публиковать что-либо в открытой печати под своей фамилией, поэтому на слова Миня я только улыбался и загадочно молчал. На приеме он сообщил мне, что пригласил этого неизвестного Василькова на прием, а он почему-то не пришел. И тогда я был вынужден «открыть карты», и мы вдвоем посмеялись над раскрытой тайной.

После освобождения Южного Вьетнама и воссоединения страны в 1976 году посольство ДРВ в Москве было преобразовано в посольство Социалистической Республики Вьетнам, а посольство РЮВ, естественно, было ликвидировано. Почтенного Миня отправили на пенсию, но он еще был полон сил и энергии, поэтому стал активным членом сайгонского отделения Общества вьетнамско-российской дружбы. В конце 1970-х годов я приехал по приглашению вьетнамских друзей в город Хошимин (Сайгон) и встретился с бывшими работниками посольства РЮВ. От них узнал, что подгадал прямо к 70-летию почтенного Миня, и мы скромно отметили его юбилей в небольшом ресторанчике в центре города.

Слово о великом сыне Вьетнама

Вьетнамский народ всегда будет благодарен Советскому Союзу, разгромившему фашистов в Европе и Азии и внесшему решающий вклад в дело спасения человечества от фашистского рабства. Победа Советского Союза способствовала торжеству Августовской революции в нашей стране.

*Хо Ши Мин*¹

Через несколько лет после моего перехода в Международный отдел ЦК, в 1975 году, в канун 85-летия со дня рождения Президента Хо Ши Мина, журнал Академии наук СССР «Новая и новейшая история» решил познакомить советского читателя с жизнью и революционной деятельностью вождя вьетнамского народа. Подготовить эту публикацию редакция журнала предложила мне. При этом в редакции мне разъяснили, что от меня ждут не традиционной научно-политической статьи, каких уже множество написано об этом легендарном человеке, а максимально живой, беллетризованный биографический очерк, желательно с привлечением новых событий и фактов, малоизвестных или совсем еще не известных широкому советскому читателю.

Хотя задача представлялась далеко не простой, психологически я был давно уже готов к такому предложению. За годы учебы в Ханойском университете и работы корреспондентом ТАСС во Вьетнаме мне неоднократно доводилось видеть и слышать Президента Хо Ши Мина. Более того, судьба так распорядилась, что

¹ Правда. 28.10.1967.

очень многие наиболее важные вехи моей жизни оказались самым тесным образом связаны с именем этого великого человека.

В период корреспондентской работы во Вьетнаме мне, естественно, приходилось часто бывать на официальных мероприятиях с участием Хо Ши Мина. Уже один его внешний облик производил неизгладимое впечатление. «Особыми приметами» на его лице были традиционная для вьетнамских стариков седая остроконечная бородка и неповторимые, удивительные в семьдесят с лишним лет глаза — всегда живые, с искоркой, с легкой лукавинкой, взгляд добрый, располагающий. Изумляли всегдашняя легкость его походки, бодрость движений, юношеский задор в речи, в улыбке. Его неподдельное внимание к собеседнику, предупредительность, необычайная приветливость создавали с первых же минут общения с ним свободную, дружескую атмосферу. Меня, как и многих иностранцев, кто имел счастье встречаться с Хо Ши Мином, поражало совершенно естественное, органичное сочетание в нем редкостной простоты и скромности с железной волей и мужеством человека-борца.

Через два года после начала воздушной войны США против ДРВ в здании Национального собрания на площади Бадинь в Ханое состоялся общенациональный слет вьетнамских воинов, отличившихся в боях с американской авиацией, на который я был приглашен как представитель прессы. После того, как большой группе военных были вручены звезды Героев Вьетнама, Хо Ши Мин неожиданно встал из-за стола президиума и произнес импровизированную, очень человечную речь. Характерный для него «нгеанский акцент» мешал мне схватывать все слова, но, к счастью, сидевший рядом со мной офицер-зенитчик любезно мне «переводил». Хорошо помню основной смысл этой речи: Вьетнамский народ не сломить; чем выше эскалация агрессивной войны, тем больше народ рождает героев; самое яркое свидетельство этому — звезды героев на гимнастерках участников слета.

А теперь, мои сыновья и внуки, — сказал вдруг Хо Ши Мин, обращаясь к награжденным героям, — посмотрите на членов нашего правительства. У нас нет награды, но мы, не жалея сил, каждодневно работаем во имя того, чтобы мобилизовать народ на победоносное отражение американской агрессии. И в этом — неоспоримое преимущество нашей страны перед врагом, в этом — залог непрерывной победы нашего правого дела.

...Одним словом, я с жаром взялся за подготовку заказанного мне биографического очерка, и вскоре под названием «Хо Ши Мин — великий сын Вьетнама» он был напечатан отдельными частями в трех номерах журнала. После этого редактор журнала сказала мне, что эта журнальная публикация, по ее мнению, является хорошей основой для написания полноценной научно-художественной книги о жизни и деятельности Хо Ши Мина. По ее совету, я подготовил для издательства «Молодая гвардия» заявку на издание этой книги в серии «Жизнь замечательных людей», которая была охотно принята. И я, как потом оказалось, на целых три года погрузился в поиски материалов и изучение необходимой литературы.

Дело это было, скажем прямо, чрезвычайно сложное, потому что Хо Ши Мин, как известно, около 30 лет своей жизни, до того как возглавил независимый Вьетнам, провел в Англии, США, Франции, Советской России, Таиланде, Гонконге, Китае. Работа оказалась крайне трудоемкой, потребовала много сил и

энергии (ведь приходилось делать ее в нерабочее время) — пришлось искать материалы и документы в разных странах, читать на нескольких языках и добиваться максимальной точности перевода на русский язык, особенно высказываний и воспоминаний самого Хо Ши Мина. Но сегодня я вспоминаю эти три года с чувством глубокого творческого удовлетворения. К естественной радости историка-исследователя, по крохам добывавшего из обилия материала новые интересные факты или подробности уже известных событий, постоянно добавлялось почти реальное ощущение, будто я каждодневно общаюсь с близким мне человеком, с необыкновенной личностью, с Человеком с большой буквы.

В 1979 году в известной серии «Жизнь замечательных людей», созданной еще в 1930 году Максимом Горьким, вышла написанная мной 360-страничная книга «Хо Ши Мин». А в 1983 году по просьбе читателей она была переиздана, и общий ее тираж составил 200 тысяч экземпляров. В последующем она трижды — в 1985, 1990, 2010 годах — была издана на вьетнамском языке, дважды — в 1990 и 1995 годах издательством «Прогресс» на английском языке. Кроме того, она была издана также в Болгарии, Монголии, Лаосе, Казахстане.

После выхода этой книги я каждые десять лет принимал участие в международных конференциях в Ханое и других столицах, посвященных очередному юбилею со дня рождения Хо Ши Мина. На всех конференциях я выступал с докладами на вьетнамском языке, в которых акцентировал внимание на той или иной выдающейся особенности Хо Ши Мина. Конечно, шло время, и оно требовало новых акцентов в характеристике личности Дяди Хо. Вот вкратце на чем я акцентировал внимание в своих докладах на конференциях, посвященных Хо Ши Мину.

Время не властно над памятью о тех, кто посвятил всю свою жизнь делу служения родному народу, борьбе за его национальное и социальное освобождение. Чем дальше в прошлое уходят годы славной боевой жизни и революционной деятельности Хо Ши Мина, тем все рельефней и ярче становится для потомков его незабываемый образ.

Хо Ши Мин — один из тех революционных вождей, чье имя еще при жизни было известно миллионам людей, стало поистине легендарным. В 1923 году в Москве у Нгуен Ай Куока — это было первое партийное имя Хо Ши Мина взял интервью репортер журнала «Огонек» Осип Мандельштам (впоследствии — известный российский поэт). Он написал очерк «Нгуен Ай Куок. В гостях у коминтернщика», в котором высказал поистине провидческую мысль: «Врожденным тактом и деликатностью дышал весь облик Нгуен Ай Куока... Он дышит культурой, не европейской культурой, быть может, культурой будущего...»¹.

Когда Хо Ши Мин стал президентом независимого Вьетнама, то, естественно, очень многие и очень разные политические деятели давали свою оценку его личности, и каждый отмечал какую-нибудь особенно примечательную черту в его облике. «После первых же встреч с Хо Ши Мином, вспоминал «комиссар Франции» в Северном Вьетнаме в 1945—46 гг. Жан Сентени, я вынес впечатление, что этот аскет, лицо которого выдавало ум, энергию, мудрость и проницательность, был человеком незаурядным и что ему суждено в скором времени выдвинуться на авансцену азиатской политики... Достойно сожаления, что Фран-

¹ Огонек. 1923. № 39.

ция недооценила этого человека, не сумела понять его значение и те силы, которые он представлял»¹.

Индира Ганди (Индия) называла его великим и нестигаемым, хотя и мягким руководителем, Родней Арисменди (Уругвай) — символом коммунистической мудрости в Азии, Сальвадор Альенде (Чили) в 1971 году на вопрос журналиста «Какие три достоинства политических деятелей Вы хотели бы иметь», ответил: Цельность, человечность и величественную скромность Хо Ши Мина².

При подготовке рукописи книги меня особенно заинтересовали события, связанные с первым приездом Хо Ши Мина в Советскую Россию. Дело в том, что в историко-мемуарных произведениях некоторых вьетнамских и зарубежных авторов, писавших в прошлом о Хо Ши Мине, высказывалась версия, что впервые он приехал в Советскую Россию в день кончины В.И. Ленина, то есть 21 января 1924 года.

Возможно, одним из наиболее веских оснований для появления этой версии стала телеграмма тогдашнего французского посла в Москве следующего содержания: «Докладываю: с января 1924 года в Москве появился коммунистический бунтовщик Нгуен Ай Куок»³.

Вместе с тем, когда я работал над книгой, я получил доступ к «вьетнамской тетради» архива Коминтерна и ознакомился, возможно, одним из первых исследователей, с полным досье Хо Ши Мина, в котором нашли отражение основные этапы его работы в Коминтерне. Это сегодня содержание указанного досье всю цитируют в зарубежной, особенно, в американской научной и околonaучной печати. А тогда оно, что вполне понятно, было «за семью печатями».

Досье начинается со следующего документа — так называемого «проходного свидетельства», выданного представительством Советской России в Германии «фотографу Чан Вангу, уроженцу Индокитая», который на советском пароходе «Карл Либкнехт» прибыл из Гамбурга в Петроград. На этом документе фото молодого Хо Ши Мина со штампом советской пограничной охраны, на котором ясно видна дата его прибытия, 30 июня 1923 года.

Но дальше — сплошной туман. Известно, что Нгуен Ай Куок был направлен в Москву руководством французской компартии (ФКП) как «представитель Индокитая» для участия в Конгрессе Коминтерна, который должен был состояться в 1923 году и который потом, в связи с болезнью В.И. Ленина, был отложен. Но, по имеющимся многочисленным свидетельствам, до Москвы Нгуен Ай Куок добрался только к началу сентября. Получается, что около двух месяцев он пробыл в Петрограде. Учитывая тогдашние требования соблюдения конспирации и огромные сложности обмена информацией, можно предположить, что либо руководство ФКП вовремя не сообщило в Москву о приезде представителя Индокитая, либо Москва не поставила об этом в известность власти Петрограда. Появление в порту Петрограда никому не известного «фотографа Чан Ванга, уроженца Индокитая», вполне вероятно, не могло не вызвать к нему интереса со стороны местных чекистов.

¹ J. Sainteny Histoire d'une paix manquée (Indochine, 1945—1947). Paris, 1953. P. 164, 166.

² Цит. по: *Hội thảo quốc tế "Chủ tịch Hồ Chí Minh, anh hùng giải phóng dân tộc, nhà văn hóa lớn"* [Международная конференция «Президент Хо Ши Мин, герой национального освобождения, крупный деятель культуры»]. Hà Nội, 1990. С. 175.

³ *Hồng Hà. Thời thanh của Bác Hồ* [Дядя Хо в молодости]. Hà Nội, 1976. С. 167.

Одним словом, два месяца 1923 года, проведенных будущим Хо Ши Мином в Петрограде, остаются одним из немногих белых пятен в его насыщенной событиями политической биографии. Где он в Петрограде в это время проживал, чем занимался? Наверняка должны были сохраниться какие-то письменные свидетельства об этом. В архиве Коминтерна никаких документов на этот счет мне найти не удалось. Пользуясь участием в Международной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Хо Ши Мина, которую организовал Институт Хо Ши Мина Санкт-Петербургского университета в мае 2015 года, я в своем докладе призвал молодых ученых института попытаться отыскать эти свидетельства, если они, конечно, имеются.

При изучении советских газет 1923, 1924 годов мне удалось найти довольно много дополнительных подтверждений того, что именно в 1923 году Хо Ши Мин впервые прибыл в Советскую Россию. Так, 12 октября 1923 года газета «Правда» под рубрикой «На всемирной крестьянской конференции» сообщила: «На втором заседании выступил от французской колонии Индокитая товарищ Нгуен Ай Куок. Оратор отметил, что крестьянство Индокитая угнетено вдвойне — как крестьяне вообще и как крестьяне колониальной страны». «Правда» также сообщила, что на заключительном заседании конференции были избраны руководящие органы Крестьянского Интернационала. От азиатских стран в него были избраны два представителя: Нгуен Ай Куок и Сэн Катаяма (Япония).

Таким образом, не осталось никаких сомнений, что Хо Ши Мин впервые прибыл в Советскую Россию не в январе 1924 года, а на 7 месяцев раньше. Вот хронологически основные события его первого пребывания в Москве:

В октябре 1923 года становится сотрудником Восточного отдела Исполкома Коминтерна;

12 октября выступает с речью на Всемирной крестьянской конференции;

В декабре в московском журнале «Огонек» появляется очерк О. Мандельштама «Нгуен Ай Куок. В гостях у коминтернщика» с фотографией молодого Хо Ши Мина;

В январе 1924 года участвует в траурной процессии прощания с В.И. Лениным в Колонном зале Дома Союзов;

27 января «Правда» публикует его статью «Ленин и колониальные народы»;

В феврале поступает на курсы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ);

30 апреля «Правда» публикует первомайское обращение Международного крестьянского союза, среди подписавших его — представитель Индокитая Нгуен Ай Куок;

В конце мая участвует в церемонии передачи знамени Парижской коммуны коммунистам Москвы на Красной площади;

В июне участвует в V Конгрессе Коминтерна, где трижды выступает с речами: в прениях по докладу о деятельности Исполкома Коминтерна, в комиссии по национально-колониальному вопросу и в комиссии по аграрному вопросу;

В эти же дни участвует в III Конгрессе Профинтерна, в I конференции Международной организации помощи борцам революции (МОПБР), в IV Конгрессе Коммунистического интернационала молодежи, в Международном конгрессе женщин;

29 июля в московской «Рабочей газете» появляется его портрет, написанный художником-графиком А.М. Родченко.

Наконец, в архивах Госфильмофонда России сохранились поразительные кадры кинохроники: в один из июльских дней 1924 года участники народных гуляний на Воробьевых горах в Москве подбрасывают на руках вверх молодого азиата. Камера приближается к его лицу и оказывается, что это не кто иной, как представитель Индокитая, который через два десятка лет провозгласит независимость Вьетнама.

Хо Ши Мин жил и боролся в эпоху, отделенную от нас десятилетиями, но он очень современен. В его деятельности, в идеях, которые он выдвигал, много созвучного тому, что мы называем сегодня политическим мышлением XXI века. И здесь, прежде всего, следует сказать о его искусстве добиваться диалектического сочетания национальных и классовых интересов, народно-патриотических и социалистических идеалов. Идеологический фанатизм был ему абсолютно чужд. Национальное примирение и согласие, по возможности ненасильственные методы, компромисс на основе учета интересов не только большинства, но и меньшинства — именно такая политическая позиция была сродни его характеру.

Хо Ши Мин был для вьетнамцев подлинным символом национальной солидарности. Оставаясь всегда на позициях трудового народа, он вместе с тем умел привлечь на сторону антиколониальной революции представителей национальной буржуазии, помещиков, интеллигенции, что позволяло на наиболее трудных ее этапах противопоставлять внешним врагам широкий союз вьетнамской нации. Многие представители буржуазно-феодалных кругов Вьетнама в своих воспоминаниях отмечали, что они примкнули к антиколониальной революции под воздействием личности Хо Ши Мина, в котором увидели надежду на будущее национальное освобождение и возрождение Вьетнама.

Хо Ши Мин был инициатором и активным поборником стратегии единого широкого национального фронта на каждом конкретном этапе вьетнамской революции. Эта стратегия стала мощным оружием в руках вьетнамских патриотов в начале в борьбе за освобождение страны от японских милитаристов и французских колонизаторов (Фронт Вьетминь), затем в борьбе населения Юга Вьетнама против агрессии США (Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама) и ныне в мирном строительстве единой родины — Отечественный фронт Вьетнама.

И в мировую историю Хо Ши Мин вошел не только как руководитель партии вьетнамских коммунистов, деятель международного коммунистического и рабочего движения, но и как один из выдающихся лидеров всемирного национально-освободительного движения. Его огромный вклад в национально-освободительную борьбу народов мира получал высокую оценку на различных международных форумах со стороны лидеров молодых освободившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. Хо Ши Мин горячо приветствовал рождение в 1961 году Движения неприсоединения; его связывали узы сердечной дружбы с выдающимися «отцами-основателями» этого движения — Джавахарлалом Неру и Ахмадом Сукарно.

Практически все биографы Хо Ши Мина, как вьетнамские, так и зарубежные, особое внимание уделяют анализу двух наиболее примечательных особенностей личности Хо Ши Мина. Первая — это неиссякаемый исторический оптимизм и абсолютная вера в победу правого дела — свободы и независимости Вьетнама, за что он боролся всю свою жизнь. Чувство оптимизма он старался ежечасно вселять в сердца своих соратников, членов партии, бойцов армии, всех

трудящихся Вьетнама. Он учил их никогда не бояться врагов, верить в себя и в поддержку друзей. Именно с тех пор страх перед внешним врагом, как бы грозен и опасен он ни был, неведом народу Вьетнама.

И вторая его примечательная черта — это, говоря словами Сальвадора Альенде, «человечность и величественная скромность». Он был вождем своего народа, нестигаемым и мудрым руководителем и, одновременно с этим, в сознании миллионов вьетнамцев всегда оставался простым и близким человеком. Поэтому они и звали его по-семейному *Bác Hồ* — Дядюшка Хо, в чем выражались и глубокое почтение, и душевная близость. Он обладал огромным, поистине безграничным авторитетом среди своего народа. Но это был именно авторитет, а не культ личности с его неизбежными извращениями и преступлениями. Благодаря, прежде всего, его личным человеческим качествам, Вьетнам счастливо избежал повторения на своей земле этого уродливого социально-политического феномена, который, к сожалению, поразил СССР, Китай и ряд других бывших социалистических стран.

От самого облика Хо Ши Мина исходило душевное тепло, которым он щедро делился с окружающими. Он относился к категории людей, которых чужие страдания и горести ранят больше, чем собственные. Многие встречавшиеся с ним иностранные представители отмечали, что он чрезвычайно остро воспринимал все, что касалось жизни вьетнамского народа, его страданий и жертв, заметно волновался, когда рассказывал о героизме вьетнамских бойцов, с горечью повторяя: «Погибают самые лучшие». Сам по натуре человек мягкий и добрый, Хо Ши Мин вместе с тем являл собой образец твердости, стойкости и решительности, когда того требовала обстановка. Чтобы победить в борьбе за свободу и независимость, учил он, народ должен продемонстрировать «последовательный революционный дух, всегда высоко нести знамя революционного героизма, не отступать перед любыми лишениями и жертвами, бороться решительно и до конца...»¹.

Именно Хо Ши Мину КПВ обязана тем, что она не была напрямую втянута в разногласия между КПСС и КПК. В конце 2014 года при Ханойском университете был торжественно открыт первый в СРВ Институт Конфуция. В этой связи вьетнамские политологи вспоминали, что Хо Ши Мин с детства знал китайскую иероглифику, глубоко изучал историю, культуру, традиции и обычаи китайского народа. Его отец Нгуен Шинь Шак получил классическое конфуцианское образование, знал наизусть «Четверокнижие» и «Пятикнижие» — канонические книги древнего конфуцианского учения. Большую часть своих знаний о конфуцианском учении он постарался передать своему сыну.

Не случайно, в 1921 году, находясь во Франции, Хо Ши Мин опубликовал статью, посвященную Конфуцию, в которой акцентировал внимание на идее социального равенства древнекитайского мыслителя. «Великий святейший Конфуций (за 551 год до Иисуса Христа), писал молодой Хо Ши Мин, стал зачинателем идеи всеобщего согласия и теории имущественного равенства людей. Если сформулировать коротко, то святейший Конфуций говорил: Основы мирной жизни на этом свете могут произрастать только из основ всеобщего согласия среди людей. Люди не боятся нужды, они боятся только несправедливости»².

¹ Hồ Chí Minh. Tuyên tập. Т. 2. Hà Nội, 1980. С. 467.

² Цит. по: “Hồi ký của Vũ Kỳ. “Bác Hồ viết di chúc”. Hà Nội, 2008. С. 58.

На протяжении всей своей жизни Хо Ши Мин испытывал пиетет к конфуцианскому учению, естественно, «препарируя» основные его постулаты в несколько вьетнамизированном виде. Дело в том, что на вьетнамской почве, считают современные вьетнамские историки, конфуцианское учение подверглось сильному воздействию местных национально-патриотических традиций и идеалов и приобрело совершенно несвойственные ему изначально прогрессивные черты. Вот почему во Вьетнаме исторически сложилось такое положение, что ученые-конфуцианцы (nhô sĩ, sĩ phu) становились нередко вождями антифеодальных крестьянских восстаний, а в конце XIX века именно они возглавили массовое движение сопротивления французской колонизации.

По уровню знания и понимания конфуцианства и Китая Хо Ши Мина во Вьетнаме часто уважительно называли Trung Quốc thông — эрудитом по вопросам Китая. Хо Ши Мин не только владел «мандарином» — пекинским диалектом китайского языка, но и свободно изъяснялся на южнокитайских диалектах. Его перу принадлежит замечательный цикл стихов на «ханване» — китайском литературном языке. «Тюремный дневник», который в 1950-е годы вышел в ДРВ отдельной книгой, был переведен на иностранные языки, в том числе на русский, и получил мировую известность. Даже в начальных строках своего «Политического завещания» Хо Ши Мин, говоря о том, что он достиг уже весьма преклонного возраста, отдал дань любимой им древнекитайской поэзии: Знаменитый поэт Ду Фу, живший в Китае в эпоху Тан, писал: «Издrevле и дoныне люди, дожившие до семидесяти, — редки»¹.

За годы, предшествовавшие победе Августовской революции во Вьетнаме, Хо Ши Мин трижды побывал и жил в Советском Союзе: в 1923—24, 1927—28 и 1934—38 годах. В общей сложности он провел в нашей стране более шести лет. Став президентом ДРВ, он неоднократно посещал нашу страну с официальными визитами и приезжал на отдых. По данным бывших сотрудников Отдела ЦК КПСС по связям с социалистическими странами, Хо Ши Мин — единственный из зарубежных деятелей, кто побывал во всех союзных республиках СССР.

Все эти годы, естественно, оставили неизгладимый след в его памяти, навсегда сделали его другом нашего народа. Неслучайно, в богатой публицистической и мемуарной литературе о Хо Ши Мине его единодушно называли как во Вьетнаме, так и в Советском Союзе человеком, который заложил фундамент братской дружбы между двумя нашими народами и всемерно способствовал ее развитию и упрочению.

Они защищали Москву

Когда в середине 1970-х годов я с головой погрузился в поиски материалов и изучение необходимой литературы для задуманной научно-художественной биографической книги о Хо Ши Мине, то совершенно неожиданно наткнулся на книгу воспоминаний ветерана болгарского рабочего движения Ивана Винарова. Из нее я узнал, что после нападения фашистской Германии на Советский Союз в самый тяжелый

¹ Хо Ши Мин. Избранное. М., 1979. С. 263.

период, когда решалась судьба Москвы, из зарубежных коммунистов, работавших в органах Коминтерна, был создан Интернациональный полк, вошедший в состав Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН).

Эта бригада особенно отличилась в кровопролитных боях под Москвой. Линия ее обороны тянулась от северо-западной части Подмосковья вплоть до Большого театра в центре Москвы. В рядах именно этой бригады совершила свой бессмертный подвиг Зоя Космодемьянская. Но самое удивительное, что, по свидетельству Ивана Винарова, назначенного комиссаром Интернационального полка, среди немецких, австрийских, испанских, болгарских антифашистов, составивших костяк полка, были также **шесть вьетнамских коммунистов**. Эта фраза настолько поразила меня, что я решил, параллельно с подготовкой книги о Хо Ши Мине, начать поиски имен этих вьетнамцев.

Что это были за вьетнамцы, как их звали, этого Иван Винаров не знал. Никаких сведений в архивах Коминтерна об этих людях я, к сожалению, не смог обнаружить. Изучение списков личного состава ОМСБОНа также не дало результата. Там не значилось ни одного вьетнамского имени. Ветераны бригады объясняли мне это так: коминтерновцы, как правило, работали под вымышленными, партийными именами. Не сохранилось и их фотографий. Немногие оставшиеся в живых их боевые товарищи не знали даже их подлинной национальности, принимая их за бойцов из советских азиатских республик.

Наконец, после долгих поисков, появилась первая зацепка. Оказалось, в июле 1926 года в Центральный совет Всесоюзной пионерской организации в Москве пришло следующее письмо из Гуанчжоу, подписанное Нгуен Ай Куоком: «Дорогие товарищи! У нас здесь имеется небольшая группа вьетнамских детей. Их возраст — от 12 до 15 лет. Это первые молодые коммунисты Вьетнама, угнетенного французскими империалистами. Они совсем еще юные, но уже вынесли много горя... Мы надеемся, что вы не откажетесь принять на учебу этих вьетнамских юношей...»¹.

На курсах политехучебы для вьетнамских революционеров, открытых Нгуен Ай Куоком в 1925 году в Гуанчжоу, занимались 8 мальчиков и девочек, выходцев из семей погибших революционеров-подпольщиков. В первый же день после их приезда он дал им в целях конспирации новые имена и общую фамилию Ли, и с той поры они все считались «племянниками» Ли Тхюи (такое имя носил Хо Ши Мин в Гуанчжоу).

Необычайная судьба выпала на долю этих ребят. Среди них особое место занимает первый вьетнамский комсомолец Ли Ты Чонг. В 1931 году, когда по всему Вьетнаму прокатилась волна стачек и митингов, Ли Ты Чонг входил в состав боевого отряда, охранявшего партийных лидеров на массовых мероприятиях. Однажды один из митингов рабочих подвергся нападению колониальной полиции. Ли Ты Чонг застрелил офицера охраны, был схвачен и приговорен к смертной казни. Юный патриот шел на гильотину с высоко поднятой головой и громко пел «Интернационал».

Не менее славную боевую жизнь прожили и другие племянники Ли Тхюи. Вскоре из Москвы пришел положительный ответ на письмо Нгуен Ай Куока, и несколько вьетнамских детей — пять или шесть выехали на учебу в Москву. Добирались они туда долго — вначале на советском пароходе из Шанхая во Владивосток. Затем — железнодорожный вокзал и 12 суток на поезде до Москвы. Кстати, таким путем добирались до Москвы десятки вьетнамских революционеров, из них особенно часто будущий Хо Ши Мин. В годовщину его рождения, 19 мая 2009 года, на здании желез-

¹ Архив Музея Хо Ши Мина, Ханой.

нодорожного вокзала Владивостока была установлена мемориальная доска следующего содержания: В 1924, 1927 и 1934 годах город Владивосток неоднократно посещал Хо Ши Мин, выдающийся деятель международного и национально-освободительного движения, герой-освободитель вьетнамского народа, признанный ЮНЕСКО известный деятель культуры, заложивший прочную основу российско-вьетнамской дружбы.

В Москве племянники Ли Тхюи учились, затем работали в молодежных организациях Коминтерна. Новую их жизнь прервало нападение фашистской Германии на Советский Союз и начало Великой Отечественной войны. Видимо, часть племянников Ли Тхюи и стала теми шестью вьетнамскими коммунистами — бойцами Интернационального полка, о которых писал Иван Винаров. Но сколько их было в действительности, как их звали? И тогда к поискам имен неизвестных вьетнамских участников обороны Москвы активно подключился Отдел вещания на Вьетнам радио «Голос Москвы», где в роли главного энтузиаста выступал мой друг Николай Солнцев, автор талантливых документальных фильмов о Вьетнаме. Несколько раз работники отдела обращались к вьетнамским слушателям с просьбой сообщить хоть какие-нибудь сведения о шести неизвестных вьетнамских героях. И вот в 1985 году, в год 40-летия Победы в Великой Отечественной войне, из музея «Советы Нге-Тиня» в городе Винь пришла первая долгожданная весть: одним из тех, кто находился в Москве в 1941 году, был Вьонг Тхук Тинь — земляк Хо Ши Мина, сын его первого школьного учителя. Скорее всего, когда пришло согласие из Москвы, Нгуен Ай Куок поручил именно ему сопровождать детей в дальней поездке.

Отдел вещания на Вьетнам подготовил специальную передачу о Вьонг Тхук Тине. У микрофона выступили его советские однополчане. Военному атташе СРВ в СССР генерал-майору Нгуен Дон Ты был вручен для передачи в Музей Вьетнамской народной армии в Ханое нагрудный знак ветерана ОМСБОН, которым был посмертно отмечен Тинь.

В 1986 году во Вьетнам выехала съемочная группа советского телевидения, работавшая над документальным фильмом о первых вьетнамских коммунистах. Авторы фильма встретились с вдовой Тиня и его сыном. В ходе работы над фильмом удалось выяснить имена еще трех вьетнамских бойцов Интернационального полка: Вьонг Тхук Тхоай (подпольное имя — Ли Тхук Тят), Нгуен Шинь Тхан (Ли Нам Тхань), Хоанг Фан Ты (Ли Ань Тао).

Вскоре после того, как в СРВ стало широко известно об участии нгетиньцев в обороне Москвы, газета «Нян зан» сообщила имя еще одного вьетнамского коминтерновца, который работал в годы войны в одном из московских военных госпиталей, Ле Фан Тян (партийное имя — Ли Фу Шан). В первый же день начала войны он попросил направить его на фронт, но в связи со слабым здоровьем был назначен на работу в госпитале. Он встретил день Победы 9 мая 1945 года в Советском Союзе, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Спустя десятилетие Ле Фан Тян вернулся на родину и скончался в 1980 году в Ханое в возрасте 80 лет.

Итак, долгие поиски, в которых приняли активное участие десятки советских и вьетнамских граждан, позволили, в конце концов, установить имена пятерых вьетнамских интернационалистов — участников обороны Москвы. 14 декабря 1986 года, в дни 45-й годовщины начала контрнаступления советских войск и разгрома гитлеровцев под Москвой, Президиум Верховного Совета СССР, по представлению Общества советско-вьетнамской дружбы, обнародовал Указ о награждении (посмертно) пяти

вьетнамских участников битвы за Москву — Вьонг Тхук Тиня, Ли Тхук Тята, Ли Нам Тхання, Ли Ань Тао и Ли Фу Шана орденами Отечественной войны I степени...

«Они защищали Москву» — под таким заглавием газета «Нян зан» через несколько лет опубликовала мою статью о юных вьетнамских героях. Заканчивая рассказ о них, можно с большой долей уверенности утверждать, что когда в 1926 году из Москвы пришел положительный ответ на письмо Нгуен Ай Куока, то поехали не все восемь детей. Их было, видимо, пять или шесть, считая и Вьонг Тхук Тиня, который сопровождал этих ребят. В рядах Отдельной мотострелковой бригады особого назначения где-то на подступах к Москве приняли свой последний бой молодые посланцы Нгетиня. «Помните ушедших в битву за Москву...», эти слова из известной русской песни военных лет с полным правом можно отнести сегодня и к молодым героям из далекого Вьетнама.

Общество советско-вьетнамской дружбы (ОСВД)

Динамичное развитие советско-вьетнамских связей, участие в них в той или иной форме миллионов людей, большой интерес в Советском Союзе к событиям во Вьетнаме, симпатии к мужественной борьбе вьетнамского народа поставили в повестку дня вопрос об образовании Общества советско-вьетнамской дружбы (ОСВД), тем более что в ДРВ общество дружбы с СССР действовало с 1950 года. ОСВД было создано в июле 1958 года, а уже к концу 1950-х годов имело 33 отделения в республиках, краях, областях и городах Советского Союза. В ОСВД вошло около 3 тысяч промышленных предприятий, учреждений, колхозов, совхозов, высших учебных заведений и школ. Общество вело огромную работу по развитию и укреплению дружбы между народами Советского Союза и Вьетнама, расширяя тем самым социальные основы политического курса советского руководства на духовное сближение наших народов, морально-политическую поддержку борьбы вьетнамского народа за отстаивание независимости и свободы. В своей работе оно опиралось на многомиллионный актив, представлявший широкие слои советской общественности.

В начале учебы в ИВЯ наша группа вьетнамского языка, лишенная возможности установления прямых контактов с вьетнамскими общественными организациями, очень обрадовалась, когда нам сообщили из деканата, что недавно создано Общество советско-вьетнамской дружбы и что всю нашу группу приглашают на вечер встречи с прибывшей из Вьетнама делегацией Общества вьетнамско-советской дружбы.

И вот мы впервые в фешенебельном Доме дружбы на улице Калинина и впервые знакомимся с официальной вьетнамской делегацией. Нас представляют членам делегации как вьетнамистов, окончивших второй курс Института восточных языков при МГУ и «прекрасно» говорящих на вьетнамском языке. Мы активно пытаемся доказать, что это действительно так и есть, однако вьетнамские друзья понимают нас плохо, а мы их еще того хуже. Тем не менее, встреча прошла для нас очень интересно и весело, и, прощаясь с делегацией, мы уже ощущали себя неотъемлемой частью созданного Общества, хотя формально и не были еще его членами.

В конце 1990 — начале 2000-х годов, в результате роспуска Союза советских обществ дружбы (ССОД), наше Общество переживало тяжелые дни, но основной его костяк сохранился, потому что чувства дружбы и солидарности россиян к вьетнамскому народу остались неизменными. И я вспоминаю, как, по призыву тогдашнего председателя Общества Глазунова Евгения Павловича, мы, члены Президиума, регулярно собирались в подсобных помещениях Дома дружбы, и, вопреки всему, обсуждали планы и решения, направленные на сохранение и даже активизацию прежних дружеских связей с Обществом вьетнамско-советской дружбы, с другими вьетнамскими общественными организациями.

В апреле 2007 года в жизни нашего Общества начался принципиально новый этап. На состоявшейся учредительной конференции было создано Общество российско-вьетнамской дружбы во главе с большим энтузиастом дружеских связей с Вьетнамом ректором Московской академии экономики и права проф. В.П. Буяновым, а автор этих строк был избран первым заместителем председателя правления Общества.

До этого более четверти века, с 1966 по 1991 годы, председателем Центрального правления Общества был Герой Советского Союза, Герой труда ДРВ, летчик-космонавт СССР Герман Степанович Титов, а в 1991 году он был избран почетным председателем Общества российско-вьетнамской дружбы и занимал этот пост до своей кончины в 2000 году.

Во Вьетнам он впервые приехал в 1962 году по личному приглашению Хо Ши Мина в качестве почетного гостя. Герман Степанович рассказывал нам, как тепло его встретили в Ханое: в аэропорту его приветствовал премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг, затем они вместе проехали в открытой машине по улицам вьетнамской столицы, заполненным толпами людей с флагами и цветами в руках.

На торжественном приеме в честь советского космонавта вечером 21 января 1962 года Президент Хо Ши Мин наградил Германа Титова званием Героя труда Вьетнама. Хо Ши Мин лично на своем катере провез Титова по заливу Халонг, где они сделали остановку на берегу красивого острова с золотистым пляжем. Во время обеда на острове в теплой, сердечной атмосфере, как написал в своих воспоминаниях Герман Титов, «Хо Ши Мин, приобняв меня за плечи, сказал: «Так как у героя-космонавта Германа Титова много дел, и он не может остаться у нас во Вьетнаме навсегда, то мы дадим этому острову имя Германа Титова». И сегодня, если отплыть довольно далеко вглубь залива, бросается в глаза на высокой скале надпись крупными белыми буквами: Đảo Ti-tốp (Остров Титова). В 2015 году на этом острове по инициативе и при совместных усилиях российского и вьетнамского обществ дружбы был торжественно открыт памятник Герману Степановичу Титову. Открытие памятника было приурочено к 80-летию со дня его рождения.

Круиз вокруг Европы. Заметки на полях

Сейчас мало кто помнит, что в 1960-е годы, когда я работал во Вьетнаме, было практически невозможно купить в свободной продаже автомашину, но за валюту это можно было сделать довольно легко. Поэтому основная масса со-

ветских граждан, работавших за рубежом, копили деньги на приобретение автомашины. Естественно, была и у нас с женой такая мысль. Но тут совершенно случайно один мой знакомый сообщил, что есть возможность купить путевки для круиза на роскошном лайнере вокруг Европы с заходом в 6 стран. И мы на семейном совете решили, что «посмотреть мир» гораздо интереснее, чем трагиться на машину.

В 1969 году мы купили две путевки на круизное судно «Шота Руставели», которое выходило из порта Риги, а возвращалось в порт Одессы с посещением Дании, Англии, Франции, Испании, Италии, Турции. История этого лайнера началась в 1968 году, когда он был построен по заказу министерства морского флота СССР на верфи Германской Демократической Республики. На борту лайнера был прекрасный интерьер: картины, gobelены и орнаменты в грузинском стиле, светлые просторные каюты с душевыми кабинами. Лайнер имел 9 палуб, два бассейна и вмещал 650 пассажиров. «Шота Руставели» считался четвертым в серии из пяти однотипных лайнеров. Головным из них был лайнер «Иван Франко», затем были спущены на воду «Александр Пушкин» и «Тарас Шевченко» и завершал серию в 1971 году «Михаил Лермонтов».

Видимо, потому что это был первый круиз такого рода, ему придали важное идейно-политическое звучание — были скомплектованы 16 групп (по одной группе от каждой союзной республики плюс Москва) из 15, 20 человек в каждой группе.

Круиз оставил неизгладимое, хотя и противоречивое, впечатление и до сих пор помнится во всех подробностях, как будто это было вчера. Удивительной, я бы даже сказал, трагикомической его особенностью стало то, что каждому участнику параллельно с путевкой были проданы по 18 американских долларов — на 6 стран и 24 суток плавания. В очередной раз советские власти умудрились унижить своих граждан на бытовом уровне: так постепенно закладывались кирпичики в основание будущего революционного (точнее, контрреволюционного) взрыва и самоуничтожения Советского Союза.

В те времена большинство из участников круиза никогда долларов в своих руках не держали и не знали, каков курс рубля по отношению к нему. Но общим было мнение, что это вполне достаточная сумма, чтобы купить и привезти домой что-нибудь стоящее, надо только выбрать самую дешевую страну. Поэтому вплоть до Италии старались доллары не разменивать. Наконец, когда теплоход пристал к Неаполю, не менее 600 человек бросились на его рынок. Но они забыли, что Неаполь в Италии — это, как у нас в прошлом Одесса, поэтому практически все из них вернулись на корабль обманутыми. Один принес транзисторный приемник, пустой внутри, другой — женские туфли на одну ногу. Нескольким сот человек купили изящные «баварские» чайные сервизы с сельскими пастушками на стенках чашек. Один из купивших сервиз тут же, желая похвастать перед соседями по каюте (жили по четверо в каютах), стал наливать горячий чай, и картинки с пастушками неожиданно потекли вниз — они оказались нарисованы обычной акварельной краской. Вот так заканчивалось «неизгладимое впечатление» от круиза.

В июне 1974 года в моей личной жизни произошло событие огромной значимости — родилась дочь, которую мы с женой назвали Татьяной. Когда родился сын Александр, то после его рождения я еще два года оставался на журналистской работе во Вьетнаме, а его растили бабушка с дедушкой, которые жили в

Симферополе. Поэтому свои нерастраченные отцовские чувства я «обрушил» на дочь. Все свободное время я уделял ей — пел ей на ночь песни, возил в коляске, гулял с ней по паркам, а когда она немного подросла, водил ее в цирк и театры, одним словом, делал все, что делают в таких случаях любящие родители.

Народно-революционная партия Лаоса

В нашем секторе, который возглавлял выдающийся специалист по Японии Иван Иванович Коваленко, было всего 4 сотрудника, поэтому обычной практикой стало подменять друг друга в случае необходимости. Я, например, довольно часто подменял своего коллегу Михеева Ю.Я., работавшего с руководством Народно-революционной партии Лаоса. Как известно, в 1951 году, с учетом того что французский Индокитай фактически распался, на съезде Компартии Индокитая было принято решение о ее разделении на три партии: Партия трудящихся Вьетнама (ПТВ), Народно-революционная партия Лаоса (НРПЛ) и Народно-революционная партия Камбоджи (НРПК).

Генеральный секретарь ЦК НРПЛ Кейсон Фомвихан практически каждый год приезжал в Москву и докладывал (в основном Суслову М.А.) о развитии революционной ситуации в Лаосе. Оказалось, он свободно говорит по-вьетнамски (он был этническим вьетнамцем), и мы с ним в первый же вечер подружились. Дальше выяснилось, что в 1940-х годах он окончил Ханойский университет и, узнав, что я тоже был студентом этого университета, он полушутя стал звать меня *bạn đồng học* — однокашник.

В те годы НРПЛ работала в партизанских условиях, ее руководители жили в пещерах провинции Самныа. Каждый раз, приезжая в Москву, лаосские друзья запасались оригинальным провиантом, необходимым в «полевых условиях», в частности, суповыми пакетиками. Однажды, за несколько часов до отлета самолета, ко мне прибежал помощник Кейсона и с ужасом в глазах сообщил, что забыли купить суповые пакеты. Мы быстро сели с ним в машину и долго рыскали по ночной Москве в поисках магазина с этой едой (тогда у нас уже начиналась нехватка в магазинах продуктов питания).

Часто по вечерам мы обсуждали с Кейсоном вопросы развития ситуации в Индокитае и в Лаосе. И когда в апреле 1975 года был освобожден Южный Вьетнам, а «красные кхмеры» стали хозяевами Камбоджи, он очень сетовал на то, что вот, мол, лаосские патриоты первыми в Индокитае были в шаге от мирного урегулирования лаосского конфликта (в 1962 году Патриотический фронт Лаоса, руководимый НРПЛ, входил в состав правительства национального примирения), а теперь вдруг оказались в хвосте. На очередной встрече с Сусловым он сообщил ему, что дал указание своим соратникам форсировать победное завершение лаосской революции. В результате общего краха политики американского империализма в Индокитае правые силы Лаоса оказались парализованы, и 2 декабря 1975 года Национальный конгресс народных представителей провозгласил Лаос Народно-демократической республикой. Кейсон Фомвихан был избран премьер-министром нового государства — ЛНДР.

Здесь не могу не сказать о том, что постоянно опекал Кейсона и переводил его доклады Суслову научный сотрудник Института востоковедения АН СССР,

один из самых крупных у нас в стране специалистов по лаосскому языку Морев Лев Николаевич. Это был высокий человек — под два метра ростом, поэтому Кейсон полушутя называл его «самым большим другом» лаосского народа.

В сентябре 1976 года Кейсон Фомвихан вновь прибыл в Москву, как говорится «на коне», с целью лично доложить советскому руководству, что лаосская революция, которой так много помогали КПСС и СССР, победоносно завершилась. Были обсуждены вопросы политического и экономического сотрудничества двух партий и стран на новом этапе. В июле 1977 года во Вьентьяне был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и ЛНДР,

Я несколько раз бывал в Лаосе, последний раз в ноябре 1986 года в составе делегации КПСС на IV съезде НРПЛ. Вспоминаю, что в дни работы съезда мы стали свидетелями «медицинского чуда». Лаосские друзья сказали нам, что, к сожалению, Кейсон Фомвихан не сможет принять участие в работе съезда ввиду болезни (потом мне «по секрету» сообщили, что его сразила неприятная форма инсульта — полная потеря речи). И вдруг ближе к концу работы съезда в президиуме неожиданно появился Кейсон и, увидев нашу делегацию, пошел в зал. Узнав меня, он вдруг не очень внятно, но вполне понятно, сказал по-вьетнамски: А, đồng học! (А, одноклассник!). Я и опекавшие нас лаосские представители были поражены. Потом наши врачи мне разъяснили, что при инсульте такое бывает: больной неожиданно вспоминает слово, которое до болезни часто употреблял и к которому привык.

Вьетнам—Камбоджа

В Камбодже пришедший в апреле 1975 года к власти режим Пол Пота—Иенг Сари с первых же дней стал проводить преступную политику геноцида в отношении собственного народа и внешнюю политику открытой ксенофобии. При этом главным врагом был объявлен соседний Вьетнам, который всегда оказывал помощь и поддержку народу Камбоджи в его национально-освободительной борьбе. Несмотря на многочисленные попытки Ханоя урегулировать путем переговоров спорные проблемы, враждебность со стороны полпотовской Камбоджи нарастала с каждым днем. В декабре 1977 года полпотовский режим объявил о разрыве дипломатических отношений с Социалистической Республикой Вьетнам. К середине 1978 года полпотовцы сосредоточили в пограничных с Вьетнамом районах 19 пехотных дивизий (из 23, которыми они располагали).

В этих условиях, используя законное право на самооборону, Вьетнамская народная армия (ВНА), действуя совместно с вооруженными силами недавно созданного Единого фронта национального спасения Кампучии (ЕФНСК), развернула широкомасштабные военные действия на камбоджийской территории. 10 января 1979 года преступный полпотовский режим пал и была провозглашена Народная Республика Кампучия (НРК).

В результате этих неожиданных, стремительно развивавшихся событий в Камбодже график моей работы значительно уплотнился. Провозглашение НРК резко изменило содержание и характер моей работы. Руководство отдела вменило мне в обязанность вплотную заниматься проблемами новой Кампучии. С полпотовским режимом Советский Союз не поддерживал отношений, поэтому кам-

боджийские вопросы находились на периферии внимания нашего сектора. Теперь же пришлось заняться ими вплотную, в частности, первым делом готовить текст приветствия ЦК КПСС в адрес ЦК Единого фронта национального спасения Кампучии, затем вместе с Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР готовить текст признания правительством СССР Народной Республики Кампучии и начинать подыскивать здание для будущего посольства НРК.

Когда я стал заниматься делами Кампучии, я неожиданно обнаружил в сейфе нашего сектора письмо за подписью Пол Пота (который в 1960—х годах был руководителем НРПК) в адрес советского посла в Пномпене, где он предлагал провести встречу. Посол послал на эту встречу рядового сотрудника, и встреча не состоялась. Как потом шутили наши специалисты по Камбодже и в ЦК, и в Отделе Юго-Восточной Азии МИД СССР, понятно, почему обидевшийся Пол Пот, придя к власти в стране, начал проводить оголтелую антивьетнамскую и антисоветскую политику.

Руководство КПСС придавало важное значение победе ЕФНСК в Кампучии: прежде всего, были восстановлены отношения дружбы и сотрудничества между народами двух стран, разорванные полпотовским режимом, а также традиционное единство трех стран Индокитая под эгидой социалистического Вьетнама. Во-вторых, появилась еще одна фактически коммунистическая партия, к тому же дружественная СССР. А этому фактору КПСС всегда, начиная со времен Коминтерна, уделяла первостепенное внимание.

Китайско-вьетнамская война (1979)

Хотя СРВ и КНР входили «в зону ответственности» Отдела ЦК по связям с социалистическими странами, наш сектор, что естественно, постоянно отслеживал процесс нарастания конфликтных противоречий между двумя этими странами. В период американской агрессии во Вьетнаме Китай, хотя и отказывался от единых действий с Советским Союзом в поддержке Вьетнама, тем не менее, в одностороннем порядке оказывал ему посильную помощь и поддерживал с ним нормальные отношения. Однако после воссоединения Вьетнама китайско-вьетнамские отношения вроде бы неожиданно, но на деле вполне обоснованно вступили в полосу жесткой конфронтации по двум крайне важным для обеих сторон геополитическим и геостратегическим направлениям: 1) непримиримое столкновение партийно-государственных интересов двух стран в Кампучии и вокруг нее; 2) борьба за установление контроля над двумя крупнейшими архипелагами в Южно-Китайском море — Параселами и Спратли.

Вслед за разрывом дипломатических отношений полпотовского режима с СРВ начали резко ухудшаться отношения СРВ и с КНР, которая оказывала полпотовскому режиму широкую военно-политическую поддержку. Параллельно с этим в начале 1978 года во вьетнамско-китайских отношениях возникла еще одна конфликтная ситуация, связанная с «хоакьеу» (хуацяо) — гражданами Вьетнама китайской национальности, которые в условиях нарастания напряженности в китайско-вьетнамских отношениях стали в массовом порядке уезжать в Китай.

СРВ неожиданно оказалась в весьма опасной военно-политической ситуации, когда сразу с двух направлений — юго-запада и севера с каждым днем на-

растала угроза безопасности страны. В этих условиях, стремясь укрепить свои военно-политические позиции, вьетнамское руководство приняло решение осуществить две важнейшие внешнеполитические акции. Прежде всего, СРВ обратилась в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) с просьбой о приеме в эту организацию (в июне 1978 года эта просьба была единодушно удовлетворена на очередной сессии СЭВ), тем самым юридически оформив свое фактическое членство в социалистическом содружестве.

Еще более значимой и довольно неожиданной для международных наблюдателей и весьма неприятной для Пекина стала вторая акция Ханоя — 3 ноября 1978 года в Москве в ходе официального визита вьетнамской партийно-правительственной делегации во главе с Ле Зуаном и Фам Ван Донгом был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ — первый совместный документ такого рода в длительной истории советско-вьетнамских отношений. Показательно, что в течение 2—3 лет до этого Москва несколько раз предлагала Ханю подписать такой договор, однако эти предложения не находили отклика.

В подписанном 3 ноября 1978 года Договоре особое внимание наблюдателей привлекла следующая статья: Высокие договаривающиеся стороны будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обеих стран. В случае, если одна из сторон явится объектом нападения или угрозы нападения, высокие договаривающиеся стороны немедленно приступят к взаимным консультациям в целях устранения такой угрозы и принятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности их стран.

Несмотря на осторожные действия Ханоя в отношении КНР, столкновения, причем военного, избежать, к сожалению, не удалось. В ответ на военную акцию СРВ в Кампучии, стремясь, согласно широко известному заявлению Дэн Сяопина, наказать (проучить) Вьетнам, 17 февраля 1979 года на всем протяжении 1460-километровой китайско-вьетнамской границы войска НОАК, после 35-минутной артподготовки, атаковали города и села северной части Вьетнама. Общая численность китайских сил вторжения составила 600 тысяч человек, или 7 армейских корпусов. Атакующим противостояли поначалу лишь одна регулярная и одна «сельскохозяйственная» дивизии ВНА, пограничные части и силы народного ополчения. Значительная часть вооруженных сил СРВ (более 120 тысяч человек) находилась в это время в Кампучии. В результате уже к исходу 19 февраля китайские войска захватили город Лаокай, 2 марта — Каобанг, 4 марта — Лангшон, откуда до Ханоя оставался всего 141 км.

При оценке создавшейся обстановки некоторые вьетнамские исследователи высказывались впоследствии в том плане, что Советский Союз, якобы, устранился от оказания помощи Вьетнаму. Полемизируя с ними, я написал статью, в которой высказал мнение, что Советский Союз действовал в полном соответствии с духом и буквой подписанного с СРВ Договора о дружбе и сотрудничестве. Так, 18 февраля Советское правительство выступило с заявлением, в котором потребовало незамедлительного вывода китайских войск с территории Социалистической Республики Вьетнам и подтвердило, что Советский Союз выполняет обязательства, взятые по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ. Находившиеся во Вьетнаме советские специалисты сразу же приступили к боевой деятельности совместно с вьетнамскими специалистами. В дополнение к ним из СССР начали подтягиваться подкрепления. 19 февраля 1979 года в Ханой

прибыла группа из 20 советников и специалистов по основным родам войск под руководством генерала армии Геннадия Обатурова. Генерал Обатуров встретился с министром обороны СРВ Ван Тиен Зунгом, начальником Генштаба ВНА Ле Чонг Таном и, главное, с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном и убедил вьетнамское руководство начать срочную переброску — наземным путем и советскими самолетами Ан-12 вьетнамского армейского корпуса из Кампучии к Лангшону. Туда же был выдвинут сформированный на основе поставок из СССР дивизион установок залпового огня БМ-21 «Град». Оперативно была налажена бесперебойная доставка из СССР военных и стратегических грузов: более 400 танков и БМП, 400 орудий и минометов, 50 установок БМ-21 «Град», более 100 зенитных установок, 400 переносных зенитных комплексов, 800 ручных противотанковых гранатометов, 20 боевых самолетов, инженерное оборудование и десятки тонн боеприпасов¹.

2 марта было опубликовано второе Заявление Советского правительства. Пекину было однозначно заявлено, что если их армия немедленно не уйдет из Вьетнама, ему придется воевать на два фронта. Советское «Заявление» подкреплялось реальной силой. В готовность № 1 были поставлены советские ракетные части и дивизии, стоявшие на советско-китайской границе. Но шутить с Китаем, играясь в полумеры и половинчатые действия, нельзя было в принципе, а в создавшейся обстановке уже начавшейся агрессии против СРВ этот путь был типичным. В Москве решили действовать, что называется, без упрощений и послаблений. Полки боевой авиации с территории Украины и Белоруссии перебрасывались на аэродромы Монголии. И речь здесь идет не о десятке самолетов, вырванных из отдельных частей постоянной готовности с наиболее подготовленными летчиками, а о полноценных авиационных полках в штатном составе. Их обслуживание и дозаправку при этом проводили части пяти военных округов. Вместе с авиационными полками военно-транспортной авиации перебрасывались и подразделения аэродромно-технического обслуживания. В отдельные моменты в воздухе одновременно находились десять авиационных полков фронтовой авиации.

Не менее масштабными были передислокации соединений и частей других родов войск. В сложных климатических и природных условиях они совершали марши на большие расстояния из Сибири в Монголию (более 2 тысяч км). При этом войска перегруппировывались по железной дороге, автотранспортом, перебрасывались по воздуху. В частности, воздушно-десантная дивизия из Тулы была перевезена в район Читы на 5,5 тысяч км военно-транспортной авиацией одним рейсом всего за двое суток. К возможной войне готовились, прорабатывались вопросы организации обороны, отражения вторжения противника, нанесения контрударов и организации контратак. Приказом Главкома ВВС началось повсеместное камуфлирование боевой авиации. После начала боевых действий на Дальнем Востоке для защиты Транссиба от возможных действий со стороны Китая были воссозданы бронепоезда. В приграничных военных округах на Дальнем Востоке СССР и на территории Монголии были проведены войсковые учения с целью оказания военно-политического давления на Китай в связи с его агрессией против Вьетнама. Всего в них принимало участие 20 общевойсковых и авиационных дивизий. Общая численность привлекаемых на учение войск составила

¹ URL: <http://rmedman.ru/voennyye-kampanii/> (дата обращения: 25.05.2019).

более 200 тысяч человек личного состава, свыше 2600 танков, около 900 самолетов¹. На кораблях Тихоокеанского флота было объявлено: «Китайские войска начали боевые действия против дружественного нам Вьетнама. Памятуя о конфликте на острове Даманском, мы не можем гарантировать, что оружие китайских милитаристов не повернется в сторону наших границ. Дальнейшее развитие событий во Вьетнаме может потребовать участия нашего флота в оказании помощи дружественному вьетнамскому народу. На кораблях с этого момента объявляется часовая готовность»².

Разумеется, советское руководство стремилось избежать прямого столкновения с Китаем. По свидетельству советника посольства СССР в СРВ (1977—1982 годы) Солодовникова А.Ф., в соответствии с вышеприведенной статьей Договора о дружбе и сотрудничестве руководство СРВ немедленно обратилось за помощью к СССР. Хотя советская сторона и не намерена была принимать непосредственное участие в военных действиях, отмечает он в своих воспоминаниях, но к границе с Маньчжурией было переброшено 29 мотострелковых дивизий Советской армии — 250 тысяч человек с авиационной поддержкой. Это было своеобразным политическим давлением³.

4 марта ЦК КПВ обратился к бойцам и всем соотечественникам с призывом «смести агрессоров» с родной земли, надежно защитить границы отчизны. В Ханое в ответ на этот призыв тысячи людей приступили к строительству бомбоубежищ, рытью траншей и укреплений. Газета «Нян зан» вышла с передовой статьей «Вся страна бьет агрессора, весь народ — солдаты!». А 5 марта в 22 часа во Вьетнаме была объявлена всеобщая мобилизация. Определяя масштабы мобилизации, Национальное собрание СРВ предусматривало охват ею большего, чем в период отражения американской агрессии, контингента населения. Призывались все мужчины от 16 до 45 лет и женщины — от 18 до 40. Все эти серьезные военные меры, вкупе с протестами международной общественности, в том числе советского народа, вскоре вынудили тогдашнее руководство КНР дать приказ о приостановке наступления на Ханой и приступить к «организованному и планомерному» отводу китайских войск с уже занятых территорий Северного Вьетнама. Таким образом, акция «наказания» Вьетнама фактически закончилась провалом.

Такими видятся в исторической ретроспективе подлинно объективные причины скоротечной китайско-вьетнамской войны 1979 года и роль и значение советской помощи Вьетнаму в успешном противостоянии вторжению китайской армии. Подытоживая сказанное, следует отметить, что авантюра Пекина, во-первых, обошлась НОАК, по разным данным, потерей 62,5 тысяч офицеров и солдат, а во-вторых, на многие годы омрачила отношения двух соседних социалистических стран.

Только через 12 лет обе стороны «созрели» для серьезных переговоров о необходимости поиска путей нормализации двусторонних отношений. Этот процесс, несмотря на обоюдное стремление обеих сторон к его форсированию, с большим трудом продирался через труднопроходимые завалы, оставленные в на-

¹ Там же.

² Там же.

³ Солодовников А.Ф. На путях мирного строительства // Это незабываемое слово «Льенсо». М., 2006. С. 302.

следство драматическими событиями конца 70-х — начала 80-х годов прошлого столетия.

Наконец, в ноябре 1991 года лед тронулся. По приглашению китайской стороны, в Пекин прибыли генеральный секретарь ЦК КПВ До Мыой и премьер-министр СРВ Во Ван Киет. В подписанном по итогам состоявшихся переговоров Совместном коммюнике о полной нормализации вьетнамско-китайских отношений, в частности, указывалось, что обе стороны договорились путем переговоров мирно разрешать территориально-пограничные проблемы, существующие между двумя странами¹.

Решение проблем, оставленных войной. Действуя в духе этой договоренности, стороны сумели в течение двух лет после нормализации отношений согласовать и в октябре 1993 года подписать первый совместный документ об основных принципах урегулирования пограничных проблем. В нем было определено поэтапное урегулирование погранично-территориальных споров, включая три комплекса разных по сложности и остроте проблем:

- 1) демаркация сухопутной границы;
- 2) разграничение в Тонкинском заливе;
- 3) создание условий мира и стабильности в зоне Южно-Китайского моря.

Первые успехи были достигнуты на двух относительно более легких участках конфликтных проблем — демаркации сухопутной границы и разграничении в Тонкинском заливе. После скоротечной войны в феврале-марте 1979 года китайские войска на ряде участков китайско-вьетнамской сухопутной границы слегка подправили ее в пользу Китая, поэтому для вьетнамской стороны первоочередной стала задача восстановления сухопутной пограничной линии с Китаем в том виде или максимально близкой к тому, какой она была до военных действий.

30 декабря 1999 года СРВ и КНР подписали стратегически важный для двусторонних отношений документ — договор о сухопутной границе между двумя странами. На базе этого договора началась практическая работа по уточнению линии сухопутной вьетнамско-китайской границы протяженностью 1460 километров, а также была создана Совместная комиссия по демаркации границы и установке пограничных столбов, которая ежегодно стала собираться поочередно во Вьетнаме и Китае.

Наконец, 31 декабря 2008 года было подписано «Совместное заявление о завершении работ по демаркации и установке пограничных столбов на всем протяжении вьетнамско-китайской границы». В Ханое это историческое событие было оценено как «живое проявление вьетнамско-китайских партнерских отношений всестороннего стратегического сотрудничества, способствующее укреплению взаимного доверия между двумя странами, как событие, которое имеет стратегическое значение для дела строительства и защиты СРВ»². Одним из важных экономических результатов соглашения о демаркации границы стал пуск в эксплуатацию, уже через два дня после его подписания, железнодорожной линии от Ханоя до китайского пограничного города Наньнинь, которая бездействовала почти два десятилетия.

¹ Nhân dân. 11.11.1991.

² Современный Вьетнам. Справочник. М.: ИД «Форум», 2015. С. 245.

Но самая сложная проблема — создание условий мира и стабильности в зоне Южно-Китайского моря не только не была урегулирована, а, напротив, стала непреодолимой проблемой в отношениях двух стран, которая то и дело приводит к серьезным конфликтам. В подписанных на высшем уровне в 1999 и 2000 гг. Совместных заявлениях стороны выразили обоюдное стремление продолжать сохранять действующий режим переговоров по существующим проблемам Южно-Китайского моря, решительно выступать за мирные переговоры, чтобы найти кардинальное, долговременное решение, которое бы устраивало обе стороны. До тех пор, пока проблемы не решены, обе стороны, действуя в духе принципа «легко вначале, трудно потом», будут активно вести обмен мнениями, искать возможности и варианты развития сотрудничества на море в таких областях, как: защита морской среды, метеорология и гидрология, борьба со стихийными бедствиями. Одновременно обе стороны будут избегать действий, которые могли бы осложнить либо расширить конфликт, избегать применения силы или угрозы ее применения. Стороны должны своевременно начинать обсуждения с целью поисков соответствующего решения могущих возникнуть спорных ситуаций в спокойном, конструктивном духе, не позволять, чтобы разногласия влияли на нормальное развитие отношений между двумя странами¹.

Однако эти договоренности на высшем уровне, которые из года в год повторяются слово в слово, как мантра, в совместных заявлениях двух сторон, к сожалению, как считают в Ханое, постоянно нарушаются китайской стороной, что почти ежегодно приводит к конфликтным ситуациям и обострению обстановки в зоне Южно-Китайского моря.

Народная Республика Кампучия (НРК)

Советский Союз одним из первых признал Народную Республику Кампучию. В апреле 1979 года в Пномпене после длительного перерыва возобновило свою деятельность посольство СССР. Довольно скоро на основе предложений посла наш сектор получил задание готовить записку в ЦК об оказании помощи разоренной Кампучии. В соответствии с решением ЦК была сформирована группа в составе 15 специалистов из разных министерств и ведомств, которая вскоре вылетела в Пномпень. Большинство специалистов были из разных регионов Советского Союза, к тому же некоторые из них вообще впервые выезжали за рубеж, поэтому в состав группы включили и меня, в качестве, как говорили в шутку сами специалисты, «политрука».

Пномпень произвел на нас впечатление города-призрака: полпотовцы выселили почти 3-миллионное население столицы в сельские районы; те же, кто оставался в городе и сотрудничал с властями, бежали перед приходом вьетнамских войск. На улицах кругом валялись никому не нужные денежные купюры времен правления Лон Нола и новенькие деньги полпотовских властей, которые они хотя и выпустили с помощью Китая, но не спешили пустить их в оборот, так как поначалу строили планы создания «идеального коммунистического общества» без денег и без торговли.

¹ Nhân dân. 28.02.1999.

Поселили нас в помпезном и роскошном здании бывшей резиденции французского губернатора Камбоджи. Постепенно начались встречи с представителями руководства ЕФНСК и НРК, в ходе которых выяснялось, что в первую очередь необходимо находящейся в разрухе стране. Познакомился я с первыми представителями руководства ЕФНСК — Рох Самаем, Хенг Самрином (ныне — президент НРК), Чеа Симом. Нынешний премьер-министр Камбоджи Хун Сен был тогда совсем еще молодым деятелем, он заведовал отделом внешнеполитических связей ЕФНСК, в Пномпене его тогда не было. С ним я близко познакомился уже в Москве, куда он вскоре прилетел в составе делегации Народно-революционной партии Кампучии для участия в съезде КПСС.

Когда вопросы о характере и объеме советской помощи НРК были в основном согласованы, встал вопрос, каким путем доставлять ее в Кампучию. У страны был один морской порт Кампонгсаом (сегодня — Сиануквиль), но при полпотовцах он был заброшен, а потом в ходе военных действий слегка разрушен. И принимается решение отвезти туда для изучения ситуации на месте часть нашей группы, в которой был и специалист по морским портам.

Нам предоставили знаменитый вертолет Сикорского. Впервые я познакомился с этой замечательной машиной в 1976 году на аэродроме Таншоннят в Южном Вьетнаме. В апреле 1975 года при освобождении Сайгона войска ВНА захватили большое число брошенных американцами исправных вертолетов. Только в 2012 году из книги Владимира Малышева «Петербургские тайны. Город и его люди» я узнал подробности о жизни Сикорского. Это был выдающийся русский авиаконструктор, которого в США называли «мистер вертолет». К началу первой мировой войны, когда Сикорский еще жил в России, он сконструировал огромный по тем временам самолет «Илья Муромец», который использовался русской армией как бомбардировщик. После революции и гражданской войны Сикорский оказался не востребованным новой властью и эмигрировал в США. Там он стал автором самолета-амфибии и, наконец, совершенно нового слова в развитии авиации — вертолетов. До сих пор президенты США летают на вертолетах с надписью Сикорский.

Рассказываю подробно об этом полете, потому что он отложился в памяти моей и, судя по всему, многих членов группы, вероятно, на всю жизнь. Кампучия — в основном равнинная страна, но все-таки есть в ней и горы. И вот подлетаем мы к горам, и вдруг вертолет начинает камнем падать вниз. В салоне паника, запахло валерьянкой. Я сидел позади вьетнамского пилота, который управлял вертолетом; в этой отчаянной ситуации он вдруг неожиданно с улыбкой повернулся ко мне. Вертолет падал прямо на дорогу, по которой тащилась повозка, влекомая волом. Не долетев до этой повозки метров пятьдесят, вертолет вдруг резко рванул вверх, и полет продолжился как ни в чем не бывало. Прошло не больше получаса, и вдруг вертолет снова рухнул вниз, и повторилась предыдущая картина, при этом вьетнамский пилот уже не улыбался, а смеялся.

Когда мы приземлились в Кампонгсаоме, я, разъяренный, бросился к пилоту и, как говорят у нас на Руси, буквально «схватил его за грудки», требуя объяснить, что это было. Из его рассказа выяснилось, что на вершинах гор, нависающих над дорогой, засели полпотовские боевики с пулеметами. И, пролетая этот участок, вьетнамские пилоты максимально снижают высоту полета и благополучно попадают в мертвую зону, а потом возвращаются на прежний курс. Что же ты не предупредил нас заранее об этом, сказал я ему, ведь так можно и инфаркт получить.

В Кампонгсаоме нас встретила группа вьетнамских военных во главе с генерал-майором. Естественно, я тут же разговорился с ним и узнал, что он учился в военной академии в Ленинграде. Он с жаром расспрашивал меня, как там Ленинград и не был ли я в этой академии, не встречал ли случайно его однокашников. Узнав, что я работник международного отдела ЦК КПСС, к тому же куратор по вопросам Вьетнама и Кампучии, он стал в подробностях рассказывать, как происходила операция по освобождению Кампучии от полпотовского режима. По его словам, быстрая победа в Кампучии была одержана благодаря четко разработанному плану: в одно и то же время на побережье Кампучии было высажено сразу семь морских десантов, которые с разных направлений двинулись в сторону Пномпеня. В ходе рассказа он открыл такую подробность, о которой ни вьетнамская, ни наша печать, естественно, не сообщали. Как известно, в ходе боев за освобождение Кампучии Пол Пот, Иенг Сари и ряд других одиозных деятелей режима сумели спастись бегством. Как такое могло произойти, когда Пномпень был уже окружен со всех сторон? Оказывается, в аэропорту Пномпеня стоял готовый для их спасения самолет китайских ВВС. Вьетнамская разведка знала об этом, и вьетнамские МИГи готовы были его сбить при попытке покинуть Кампучию. Но оказалось, что на его борту находились также около 200 высокопоставленных китайских советников. И вьетнамское руководство, стремясь избежать дальнейшего обострения отношений с Китаем, приняло гуманное решение отпустить этот самолет восвояси. Правда, это не спасло Вьетнам от акции «возмездия» со стороны Китая в феврале 1979 года.

На следующий день мы с представителем минморфлота СССР на вьетнамском катере обследовали порт Кампонгсаом и его возможности принимать сухогрузы и танкеры. Зрелище было уморительное: мы висели с обеих сторон катера, держась за поручни лесенок и едва ли не касаясь спинами воды, задавали вьетнамскому рулевому «специальные» вопросы: время и объемы приливов и отливов, характер фарватера, глубина гавани, есть ли на дне взорванные в ходе боестолкновений суда и прочее. В конце концов, представитель Минморфлота сделал вывод, что Кампонгсаом как был во времена лонноловского правления ведущим портом, так им и остался. Таким образом, был решен вопрос о путях срочной доставки продовольственной помощи голодающему населению Кампучии.

На встрече с Хун Сеном мы договорились о налаживании регулярного делегационного обмена между международными отделами ЦК КПСС и ЦК НРПК. В свою очередь Хун Сен стал регулярным гостем нашего отдела. Помимо деловых контактов, у него была и личная причина для поездок в нашу страну. Не знаю, всем ли известно, что во время военных действий в Кампучии он потерял один глаз и имел теперь искусственный. Всякий раз, приезжая в Москву, он просил сводить его к офтальмологу. Несколько раз я лично возил его в Центральную клиническую больницу, и ему либо чистили старый искусственный глаз, либо вставляли новый. Я как-то не решался рассказывать об этом публично, но потом узнал, что сам Хун Сен в своих выступлениях и интервью спокойно рассказывает о своем «одноглазии».

Поездок делегаций нашего отдела в Кампучию было несколько, но наиболее запомнилась одна, в начале 1980-х годов. Делегацию возглавлял заведующий нашим сектором Сенаторов Алексей Иванович; в состав делегации, кроме меня, входил также профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС Гаври-

лов Ю.Н. Чтобы собственными глазами ознакомиться с обстановкой в стране, я предложил возвращаться обратно в Союз через Южный Вьетнам, на машине.

И вот мы едем посреди сплошного моря рисовых полей, вдоль которых тянутся нескончаемой чередой сахарные пальмы. В целях охраны нас сопровождают два кампучийских солдата с автоматами Калашникова. Вдруг двигатель машины глохнет, и мы останавливаемся на полпути. Вокруг — ни души, хотя кампучийские друзья, отговаривая нас ехать на машине, ссылались на угрозу нападения полпотовцев. Пока водитель возится с мотором, я беру у одного из солдат автомат и заглядываю в его ствол. Он насквозь ржавый, вот тебе и охрана, а если действительно появятся полпотовцы?

Подъезжаем к вьетнамской границе, и нас встречают несколько кампучийских тетушек с мешками кампучийских риелей, которые они меняют на вьетнамские донги. То, что кампучийские деньги обесценились, это понятно — страна только что вышла из войны. Но переезжаем через границу, и нам навстречу бегут вьетнамские тетушки с такими же мешками и меняют вьетнамские донги на кампучийские риели. Оказывается, во Вьетнаме совсем недавно была проведена денежная реформа, причем под руководством советских финансистов, в результате которой инфляция достигла 700—800 %.

В городе Хошимине (бывшем Сайгоне) нас встретил представитель горкома КПВ и повез в РЕКС — лучшую гостиницу города, построенную еще при французах. Поселив нас в отдельных номерах, он, уходя, сказал мне: обедать и ужинать вы можете в ресторане гостиницы, а на счетах пишите номера своих комнат и расписывайтесь. В первый же день я перевел сумму счета за обед в доллары по официальному курсу, и получилось 400 долларов. Сказал об этом своим спутникам, они посмеялись: думали, что я шучу. За три дня, которые мы провели в Сайгоне, сумма выросла до 2000 долларов. Сенаторов как материально ответственное за расходы нашей делегации лицо начал всерьез волноваться. Но из горкома ничего нам не поступало, и мы спокойно улетели в Москву. Еще несколько дней по возвращении я «пугал» своих спутников тем, что мне обещали вскоре прислать счета, на что профессор Гаврилов философски отвечал: «Ну, так это же на троих!».

...1980 год был отмечен в моей жизни весьма важным событием — я защитил, без отрыва от работы, диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук в Институте востоковедения АН СССР. Ее руководителем стал заместитель директора института Ким Георгий Федорович, с которым нас связывали дружеские отношения. Как полушутя говорили тогда работники нашего отдела, научная степень это «поплавок», который может помочь в трудную минуту. И действительно, как показали дальнейшие события, в начале 1990-х гг. он мне здорово помог.

Заметки на полях. В 1980 году мы пригласили делегацию ЕФНСК на Олимпийские игры в Москве (19 июля — 3 августа). Почему-то руководство Фронта прислало по нашему приглашению двух женщин, среди них даже камбоджийскую принцессу, которая была членом королевской семьи, но резко критиковала Нородома Сианука, который тогда являлся членом полпотовского «правительства Демократической Кампучии в изгнании» и постоянно проживал в Пекине.

Обычно для работы с нашими гостями мы приглашали переводчиков со стороны. Но в особых случаях на «режимных» мероприятиях гостей обязательно со-

проводил сотрудник отдела. Вот таким особым случаем стала церемония закрытия Олимпийских игр. Обе кампучийки были маленькие, худенькие, и мне приходилось буквально грудью защищать их в толпе зрителей, собравшихся в Лужниках. Когда загремела торжественная музыка, в небо стал подниматься Мишка — символ Олимпиады, зазвучала в исполнении Льва Лещенко песня с проникновенными словами «До свиданья, наш ласковый Миша... Олимпийское счастье, прощай!...», и по щеке Миши потекла слеза, мои «девчонки» вместе с десятками других женщин тоже стали вытирать слезы на своих щеках. С тех пор я с ними больше не встречался, но мне рассказывали приезжавшие из Кампучии, как они эмоционально вспоминают о своей поездке в Москву, закрытии Олимпийских игр и о плачущем, как живом, Мише...

После подписания соглашения о сотрудничестве между КПСС, СССР и НРПК, НРК начался активный обмен делегациями на высоком уровне. В феврале 1980 года состоялся официальный, дружественный визит в СССР делегации ЕФНСК и НРК во главе с Хенг Самрином. В результате состоявшихся в ходе визита переговоров был подписан ряд важных совместных документов, положивших начало развитию политико-дипломатического, торгово-экономического, военно-технического, культурного и научного сотрудничества между двумя странами.

Партийно-правительственные делегации НРК принимали участие во всех юбилейных мероприятиях, проводившихся в те годы в нашей стране: 60-летие образования СССР (декабрь 1982 года), 40-летие победы в Великой Отечественной войне (май 1985 года), 70-летие Великой Октябрьской революции (ноябрь 1987 года) и др.

В октябре 1985 года в Пномпене состоялся V съезд Народно-революционной партии Кампучии, на который была приглашена и делегация КПСС. По решению ЦК нашу делегацию возглавил первый секретарь ЦК Компартии Туркменской ССР Мухамедназар Гапурович Гапуров. Я был включен в состав делегации как представитель Международного отдела ЦК КПСС.

Как часто бывало в таких далеких поездках, не обошлось без приключений. В ханойском аэропорту нас встретил представитель ЦК КПВ и сообщил, что генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан приглашает нашу делегацию в свой спецсамолет. Тут же у меня отобрали багажные квитанции и погрузили наш багаж в уже готовый к вылету на Пномпень спецсамолет. После взлета Ле Зуан пригласил Гапунова к себе в салон, а узнав, что в нашей делегации есть специалист по вьетнамскому языку, пригласил и меня тоже (лично меня он не вспомнил — прошло 11 лет, когда я переводил его переговоры с Сусловым; к тому же, как для нас вьетнамцы, так и для вьетнамцев европейцы — все на одно лицо).

Самолет летел вдоль границ с Лаосом и Кампучией над «тропой Хо Ши Мина», и Ле Зуан все два часа рассказывал о своей малой родине — провинции Куангчи в Центральном Вьетнаме, как он воевал в этих районах вплоть до 1957 года, когда его вызвали в Ханой для участия в очередном пленуме ЦК и съезде КПВ, на котором было принято историческое решение о развертывании на Юге вооруженной борьбы против вмешательства американского империализма и на котором Хо Ши Мин был избран председателем партии, а Ле Зуан — ее первым секретарем.

...Пномпень встретил нас преображенный. За 6 лет, прошедших после его освобождения, он почти вернул себе черты нормального города, каким был до воцарения режима Пол Пота: на улицах появились автомобили, призывно светились огни магазинов и ресторанчиков, по вечерам улицы были многолюдны.

V съезд НРПК явился важной вехой в жизни партии. Она открыто выходила не только на внутреннюю, но и на международную арену. Пол Пот очернил имя партии, прикрывая им свои злодеяния. Необходимо было время, чтобы ликвидировать тяжкие последствия правления полпотовского режима.

В работе съезда приняли участие делегации 13 коммунистических и рабочих партий разных стран. В беседах с делегациями и в отчетном докладе ЦК, с которым выступил на съезде Хенг Самрин, зарубежных друзей подробно ознакомили с драматической историей партии. Так, в разделе отчетного доклада о партийном строительстве подчеркивалось, что НРПК — одна из наследниц Коммунистической партии Индокитая, созданной в 1930 году Хо Ши Мином. Как политический штаб, как руководящая сила кампучийской революции, партия за прошедшие семь лет неуклонно возрождалась и укреплялась в политическом, идеологическом и организационном отношениях, расширяла свои ряды.

С учетом трагического опыта и в целях более сознательного усвоения членами партии исторических уроков, приобретенных в ходе развития кампучийской революции, съезд принял решение о подготовке к изданию «Истории Народно-революционной партии Кампучии». В дни работы съезда произошло также важное политико-идеологическое событие — вышел в свет первый номер центрального органа ЦК НРПК газеты «Прачеачун» («Народ»).

Гапуров, выступивший в числе первых, передал ЦК НРПК «братский привет» от ЦК КПСС и, как это принято на Востоке, вручил президиуму съезда подарок. С подарком у нас произошла непредвиденная история. Перед отъездом из Москвы мне вручили в подарочном отделе управления делами ЦК хорошо подготовленный для багажа небольшой ящик. И вот когда мы прилетели в Пномпень, среди багажа его не оказалось. Но, к счастью, выход был найден: Гапуров привез с собой «свой» подарок — настенный ковер ручной работы, его мы и вручили съезду. Только на обратном пути, когда мы прилетели в Хошимин, там нас ждал наш потерянный ящик. Оказалось, в ханойском аэропорту при смене самолета в спешке одна квитанция от нашего багажа потерялась. В ящике в числе подарков оказались пять банок черной икры, и мы угостили ею встречавшего нас представителя горкома КПВ.

Командировки научные и политические

В период работы в международном отделе ЦК, во многом благодаря доброй воле И.И. Коваленко, мне довольно часто приходилось принимать участие в научно-политических международных мероприятиях в разных странах. О наиболее интересных рассказах ниже.

В сентябре 1986 года в столице Зимбабве — Хараре состоялась **V Конференция неприсоединившихся стран**. По сложившейся традиции, в ЦК было принято решение направить туда группу наблюдателей — специалистов по Движению неприсоединения, в которую включили и меня, так как наш сектор, помимо стран

Восточной и Юго-Восточной Азии, отвечал и за изучение проблемы неприсоединения.

В аэропорту Хараре нас встречали советские посол и консул. По дороге в город мы разговорились с послом и я узнал, что он недавно проводил на родину жену, живет один в загородной резиденции, и даже не имеет партнера для игры в любимые им шахматы. Как только я сообщил, что имею отношение к шахматам, посол моментально среагировал: так, в гостиницу я вас не пушу, будете жить в моей резиденции.

И начались десять райских дней. Утром я купался в бассейне с горной холодной водой. К ощущению холода прибавлялся вид сторожа-африканца с лицом, серым от холода, и в русской шапке-ушанке, завязанной под горлом (в Хараре начало сентября — это начало весны, которое для местных жителей довольно прохладное). Конференция началась с небольшим запозданием: ждали Муамара Каддафи и Фиделя Кастро. В кулуарах конференции говорили, что их самолеты несколько раз меняли курс, чтобы сбить с толку возможных преследователей — американские истребители. (Так до сих пор я и не понял, — это была шутка, или на самом деле такое возможно, тем более в конце XX века.) Нашу группу, естественно, не пускали в зал заседаний конференции, поэтому днем мы, в основном, встречались с членами дружественным нам делегаций. И каждый вечер я, как на дежурство, выходил в гостиную резиденции, где стоял шахматный столик, и мы с послом иногда до полуночи сражались в шахматы. А утром надо было писать очередной отчет для руководства отдела о ходе конференции.

Иногда вечерние часы скрашивались встречами и беседами с Александром Евгеньевичем Бовиным, который приехал в Хараре освещать конференцию как политический обозреватель «Известий». Мы давно были знакомы: когда в 1968 году меня перевели на работу в Международный отдел ЦК, он был руководителем группы консультантов в отделе социалистических стран. Несколько лет он был даже спичрайтером Брежнева, то есть писал для него тексты речей. Ему приписывали авторство многих оригинальных выражений генсека, самое известное из которых «экономика должна быть экономной».

После Хараре мы с ним часто встречались в Москве, так как жили по соседству. А однажды, помнится, незадолго до событий августа 1991 года мы случайно встретились в 3 часа ночи (!) в депутатском зале аэропорта Внуково, где долго ждали служебные машины. Я летел из Баку, где местные товарищи подарили мне на память о поездке пакет с азербайджанским коньяком и вином. Это не укрылось от зорких глаз Бовина, и в результате я не довез этот подарок до дома — он «вежливо» попросил меня вскрыть бутылки одну за другой, чтобы скоротать время.

Япония, Доигучи-сан. Когда я был корреспондентом ТАСС во Вьетнаме, то по просьбам редакции или по собственной инициативе посылал статьи в газеты «Известия», «Комсомольская правда», «За рубежом» и др. Наиболее часто я публиковался на страницах «Комсомолки». Так, последняя большая публикация на целый «подвал» появилась в газете в июле 1967 года — интервью с пленным американским летчиком под неординарным заголовком «Гангстер неба на земле».

С тех пор и до сегодняшнего дня я остаюсь постоянным читателем этой газеты. Поэтому меня очень заинтересовала опубликованная в ней 31 августа 2015 года статья Екатерины Барановой «Последние пленники Второй мировой» о японских военнопленных, находившихся в советских лагерях. Она писала, в ча-

стности, что нынешние японские власти утверждают, что в СССР с ними якобы обращались «бесчеловечно». Я даже написал электронное письмо в адрес автора статьи, чтобы поделиться своими воспоминаниями по поднятой ею теме. К сожалению, то ли письмо не дошло до адресата, то ли «Комсомолка» вообще не отвечает на письма читателей, потому что их всегда слишком много, во всяком случае, ответа от Екатерины я не дождался.

Я просто хотел дополнить ее рассказ, так как был, что называется, «в теме». Дело в том, что заведующий нашим сектором И.И. Коваленко в послевоенные годы работал главным редактором газеты для японских военнопленных и рассказывал нам много интересного о том периоде своей жизни.

Конечно, плен — это крайне тяжелое испытание, как для военных, так и для гражданских лиц. Особенно, в условиях Дальнего Востока и Сибири, да еще в полуголодное послевоенное время. Я сам ребенком пережил военное лихолетье и голодные годы и знаю об этом не понаслышке. И, тем не менее, что касается японских военнопленных, то многие из них, несмотря на тяготы плена, вернулись на родину друзьями России.

Сейчас, наверное, мало кто знает и помнит, как происходило возвращение японских военнопленных из нашей страны, о чем нам рассказывал Иван Иванович. Они приезжали на поезде в Токио, на перроне вокзала строились в ряды и с песней «Катюша» маршировали по улицам японской столицы прямо по адресу ЦК Компартии Японии. В конце концов, американская администрация и лично генерал Макатур, напуганные этими маршами, отдали приказ о том, чтобы бывшие в советском плену японцы возвращались домой с вокзала только поодиночке.

Так получилось, что я лично имел возможность убедиться в добрых чувствах некоторых бывших японских военнопленных к нашей стране. В 1980 году в составе делегации Советского комитета защиты мира я принял участие в традиционной Международной антиатомной конференции в Хиросиме — городе, где 6 августа 1945 года США впервые испытали на живых людях свою атомную бомбу. Кстати, организаторы конференции свозили ее участников на церемонию памяти жертв атомного взрыва, и нашу делегацию удивило, что на ней ни слова не было сказано о том, что это США испытали атомное оружие на мирных жителях. Просто во всех речах японских официальных лиц рефреном звучала одна и та же фраза: 6 августа 1945 года на Хиросиму с неба упала атомная бомба.

В ходе конференции положение нашей делегации было, мягко говоря, не из завидных. Нас постоянно «мордовали» по двум вопросам: во-первых, за то, что СССР продолжал подземные испытания ядерного оружия (а главным требованием конференции было полное запрещение этого оружия); во-вторых, что было вполне нами ожидаемо, по вопросу о принадлежности «северных территорий», так в Японии называют наши Южные Курилы. Самое грустное было то, что к враждебным действиям в отношении нашей делегации, наряду с правыми силами, присоединилась и Компартия Японии, у которой в тот период были серьезные разногласия с КПСС.

И вот в этой очень неприятной обстановке после завершения конференции мы приезжаем 9 августа в Нагасаки (на этот город США сбросили свою вторую атомную бомбу) и на перроне вокзала видим человека с транспарантом на русском языке: «Встречаю советскую делегацию». Оказалось, это бывший советский военнопленный по имени Доигучи-сан. Он был членом Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных и Японского общества дружбы с СССР. И, кроме

того, много лет являлся членом КПЯ, откуда был исключен «за любовь к России» буквально за несколько дней до нашего приезда.

Все два дня нашего пребывания в Нагасаки Доигучи-сан был нашим постоянным провожатым, познакомил нас с главными достопримечательностями своего города. И конечно, больше всего нам запомнилось посещение городского кладбища, где похоронены около ста русских офицеров и матросов — участников гибельного для эскадры адмирала Рожественского Цусимского сражения. На этом захоронении был возведен величественный памятник с крестом наверху. В результате взрыва атомной бомбы крест свалился на землю, а вот сам памятник устоял. На нем выбита надпись «Здесь покоятся русские офицеры и мичманы, а также 72 матроса, имена же их ты, Господи, веши». Доигучи-сан рассказал нам, что два-три раза в год он косит траву вокруг этого захоронения, которая в условиях тропиков очень быстро растет.

Перед нашим отъездом Доигучи-сан привел нас в бар своей дочери для глухонемых — это тоже наследие атомного взрыва. И со слезами на глазах пел с нами свои любимые русские песни, особенно «На позиции девушка провожала бойца...». Так как он был намного старше каждого из нас, я иногда называл его «сэнсэй» (так в Японии обращаются к очень важным персонам), и он всегда смущался и говорил, что он просто Доигучи-сан.

Вот такие были бывшие японские военнопленные из России. Если с ними, как утверждают в Токио, обращались бесчеловечно, то они бы не сохраняли до конца своей жизни светлую память о России, ее людях, ее песнях, ее культуре.

Австралия. Считаю, что мне выпал поистине счастливый шанс — я дважды побывал в Австралии, в городе Брисбене, где местный университет Griffith University организовал подряд три научно-практических семинара по Индокитаю. Я был приглашен на второй (май 1988 года) и третий (октябрь 1989 года) семинары. Хотя они назывались «по Индокитаю», но перед ними была поставлена генеральная задача — выработать план политического урегулирования камбоджийской проблемы, а именно: добиться вывода из Камбоджи вьетнамских войск и политического урегулирования на основе создания коалиционного правительства, в том числе с участием Нородома Сианука и его партии. Забегая вперед, могу засвидетельствовать, что когда в 1990 году ООН приняла мирный план урегулирования в Камбодже, то в основных своих положениях он ничем не отличался от плана, выработанного и предложенного нашим семинаром.

В ходе работы семинара я познакомился со многими интересными людьми. Кратко расскажу о них. *Секретарь Нородома Сианука* (по национальности кхмер-кром, так называют кхмеров, живущих в Южном Вьетнаме). По вечерам мы ходили с ним, взявшись за руки (такой обычай в странах Юго-Восточной Азии), и обсуждали интересующие нас вопросы. После мирного урегулирования в Камбодже он был назначен послом в Японию и даже приглашал меня туда в качестве гостя посла. *Главный специалист в Австралии по Индокитаю профессор Тэй-ер*. Приехав однажды в Москву, он был у меня в гостях, и по его просьбе я свозил его в Сергиев Посад, так как он сказал, что интересуется православным христианством. *Питер Тэйш* — этнический немец, хорошо говоривший по-русски. Он тоже впоследствии был у меня дома в гостях и попросил меня купить ему сборник иллюстраций о сокровищах Кремля на английском языке. Самое интересное, что в конце 2010-х годов он снова приехал в Москву, но уже в качестве посла

Австралии в Российской Федерации. Наконец, *Бэн Киернан*, тогда заместитель главного редактора самого известного в регионе журнала — *Far Eastern Economic Review*.

Дни пребывания в Австралии, как можно догадаться, были сплошной экзотикой. Начать с того, что мы с коллегой летели с пересадкой в Лондоне и, по неопытности, подумали, что наш багаж автоматически «полетит» вместе с нами. Кончилось тем, что мы прилетели в Брисбен без багажа и двое суток жили без личных вещей на живописном острове Тангалума, где проходил семинар.

Вторая экзотика — это, конечно, австралийская фауна. Каждым ранним утром перед нашим окном вдоль опушки близлежащего леса степенно проходили стада кенгуру. В один из дней директор знаменитого брисбенского зоопарка (он знаменит своими коалами) пригласил всех участников семинара совершить экскурсию в зоопарк. До сих пор помню, как мне дали подержать в руках одного коала, я положил его на левую сторону груди, и он там проспал все два часа, пока мы осматривали животных зоопарка (коалы спят по 20 часов в сутки и прсыпаяются в основном только для того, чтобы пожевать листья эвкалипта).

Ханой, 1990. В том году исполнилось 100 лет со дня рождения Хо Ши Мина, и в соответствии с решением ЮНЕСКО была проведена международная конференция под названием «Президент Хо Ши Мин — герой национального освобождения Вьетнама, крупный деятель культуры». Она проходила 29—30 апреля в здании Национального собрания СРВ на площади Бадинь. В ней приняли участие представители 34 стран и несколько сотен вьетнамских ученых, писателей, общественных деятелей. Я также получил приглашение принять участие в этой конференции. Еще в Москве я подготовил довольно пространный доклад под названием Хо Ши Мин, патриот, революционер, человек. Много работая в молодости переводчиком, я мечтал когда-нибудь сам выступить на вьетнамском языке на каком-нибудь официальном мероприятии. И вот случай, наконец, представился. Когда, поднявшись на трибуну, я начал свое выступление со слов, что много лет назад окончил историко-филологический факультет Ханойского университета и поэтому буду делать доклад на вьетнамском языке, зал встретил мои слова бурными аплодисментами.

Председателем оргкомитета конференции выступал уже постаревший, но все еще полный молодого задора генерал армии Во Нгуен Зиап. Он сидел в центре президиума, и когда я закончил выступление, он вышел из-за стола, подошел ко мне и крепко расцеловал. Аплодисменты зала, вспышки фотоаппаратов, вездесущие репортеры с микрофонами помешали мне спросить генерала, помнит ли он наши встречи в Тамдао в 1959 году, а потом у него дома в Ханое. Глядя в его улыбающиеся глаза, я не успел или не смог прочесть в них, узнал он меня или нет — все-таки после той первой нашей встречи прошло так много лет.

Генерал Во Нгуен Зиап прожил не только славную, но и долгую жизнь. Он родился в 1911 году, а умер 4 октября 2013 года — на 102-м году жизни! У меня давнишние дружеские связи с одной из самых популярных на Юге Вьетнама газет — “*Tuổi trẻ* (Юность)”, и я, по просьбе редакции, написал для них воспоминания о своих встречах с прославленным генералом, которые были опубликованы на страницах газеты через несколько дней после его кончины.

Таиланд. В нашем отделе был сектор Юго-Восточной Азии, но без Таиланда, который входил в наш сектор. Дело в том, что Таиланд был неразрывно связан с развитием событий в Индокитае: он посылал воинские подразделения для участия в войне в Южном Вьетнаме, предоставил свою территорию для размещения американской боевой авиации, бомбившей Вьетнам и Лаос, после свержения полпотовского режима власти Таиланда приютили на своей территории оставшихся в живых одиозных представителей этого преступного режима. Поэтому мы вместе с МИД предпринимали усилия, чтобы изменить к лучшему политику Таиланда, в том числе в отношении Советского Союза.

В рамках ССОД мы создали Общество «СССР — Таиланд», я был избран заместителем его председателя. Вскоре корреспондент «Правды» Валериан Скворцов уговорил своего тайландского друга миллионера, его звали Сувича, пригласить делегацию нашего Общества, чтобы обсудить возможность создания в Таиланде идентичной организации. В 1985 году делегация нашего Общества в составе двух человек — представитель ССОД и я — вылетела в Бангкок. Принимали нас хорошо, было много интересных встреч, даже с руководителем королевской охраны. Потом нас свозили на север в провинцию Чиангмай, где нас принял губернатор провинции. Там нам показали «чудо света» так называемый «золотой треугольник»: ты стоишь на северной оконечности тайландской территории, справа от тебя виднеется территория Лаоса, а слева — территория Бирмы.

Эта поездка имела неожиданное и романтическое продолжение, связанное с историей Таиланда. К концу XIX века Франция полностью завоевала Индокитай, а Англия — Бирму, и обе колониальные державы вышли к границам Таиланда (Сиам). И тогда, стремясь сохранить независимость, сиамское руководство обратило свой взор к далекой России, где Александр III провозгласил политику мира. В 1897 году в Россию прибыл сиамский король Рама IV (Чулалонгкорн), и между Россией и Сиамом были установлены дипломатические отношения. Вскоре после этого на учебу в российский военном училище прибыл сын Чулалонгкорна принц Чакрабон. После его окончания он несколько лет служил в царской армии. Однажды на катке он познакомился с русской девушкой Катей Весницкой (Десницкой). Вспыхнула любовь, принц женился на Кате и увез ее в Бангкок. Кстати, впервые об этой романтической истории и Кате Весницкой написал в своей автобиографической «Повести о жизни» мой любимый писатель Константин Паустовский.

Из общения с Сувичой нам стала ясна одна из целей его приглашения делегации нашего Общества. Его жена каким-то образом была связана родственными узами с семьей Чакрабона, и у нее хранился его дневник, который он вел на русском языке (!). И Сувича хотел перевести его на английский язык, чтобы познакомиться с его содержанием тайландских политиков. Дневник был очень интересный, не столько даже для истории Сиам, сколько России. Чакрабон активно участвовал в светской жизни Петербурга, описывал в дневнике самые интересные события, происходившие в русской столице, давал меткие характеристики представителям высшего света. К сожалению, жизнь семьи Чакрабона сложилась не очень счастливо. Его иностранная жена была «чужачкой» в королевском дворе, и после неожиданно скорой смерти мужа она с сыном уехала вначале в Китай, а затем в Англию. Там родилась ее внучка. В 1980-х годах наше Общество установило с ней связь и пригласило в Москву. Мы свозили ее в Ленинград и организовали для нее экскурсию в здание военного училища, которое окончил ее дед.

В конце 1980-х годов моя жизнь неожиданно тесно переплелась с **Афганистаном**. Началось с того, что от Народно-Демократической партии Афганистана на съезде НРПК в Пномпене участвовал посол Афганистана в СССР. Это был очень интеллигентный, европейского склада человек, и в первый же день пребывания в Пномпене у него начались серьезные проблемы с кишечником. Он буквально погибал на глазах. Я снабдил его какими-то чудодейственными таблетками для обеззараживания воды, которые мне подарили друзья из ГДР, и он быстро пришел в себя. В знак благодарности, по возвращении в Москву, он пригласил меня к себе в посольство. А это было «историческое» здание: его передали Афганистану по личному указанию В.И. Ленина, так как Афганистан одним из первых признал молодое советское государство. Во-вторых, в XIX веке здание принадлежало, видимо, кому-то из потомков Наполеона, поэтому в нем стояли сервизы с изображениями его сестры Паолины Буонапарте.

В начале 1990-х годов в Кремлевском дворце съездов я неоднократно встречал и слушал выступления президента Афганистана Наджибуллы. Это был высокий, статный, восточный мужчина, прекрасный оратор, который говорил на мелодичном языке — то ли фарси, то ли пуштун. В эти же годы мы с дочерью однажды отдыхали в Крыму в санатории 4-го главного управления Минздрава СССР (который курировал отдых высоких зарубежных гостей), и оказались там вместе с двумя дочками Наджибуллы. Они были одногодками моей дочери, и между девочками завязалась дружба. Они долго потом переписывались, вплоть до ухода советских войск из Афганистана (1989). После этого еще в течение трех лет режим Наджибуллы оставался у власти. В 1992 году он успел переправить свою семью в Индию, а сам несколько лет скрывался на территории индийского посольства в Кабуле, а затем в кабульской миссии ООН. После взятия Кабула войсками талибов Наджибулла был ими захвачен и 27 сентября 1996 года трагически казнен — повешен головой вниз.

Матиас Руст. За мою долгую жизнь судьба не раз распоряжалась таким образом, что я неожиданно для себя оказывался «в нужное время в нужном месте». Так произошло и 28 мая 1987 года. Я ехал на служебной машине из гостиницы «Октябрьская», где встречался с кампучийской делегацией, на Старую площадь. И вдруг увидел легкомоторный самолет, который, вылетев со стороны Большой Ордынки, снизился и сел на Большой Москворецкий мост, а потом подкатил к храму Василия Блаженного. Помню, я еще возмущенно сказал водителю: «Со всем обнаглели, уже снимают фильмы посреди бела дня на Красной площади».

Вернувшись на работу, я вскоре узнал, что это были не съемки фильма, а печальные реальные события. 18-летний немецкий авиатор Матиас Руст, легко преодолев хваленую советскую ПВО, спокойно приземлился в центре Москвы. Потом газеты писали, что, выйдя из самолета, он тут же стал раздавать автографы любопытным. Его арестовали только через час после приземления.

Горбачев использовал этот инцидент для крупных кадровых изменений в Вооружённых силах СССР. Были освобождены от должности министр обороны Сергей Соколов и командующий ПВО Александр Колдунов, оба — открытые противники горбачевской политики. Всего же было привлечено к ответственности 34 офицера и генерала вооруженных сил. Я был лично знаком с генералом Соколовым, поэтому искренне переживал за него.

Руководители КПСС. Заметки на полях

За годы работы в ЦК КПСС мне довелось, что вполне естественно, совместно работать или просто общаться с членами Политбюро и секретарями ЦК. Прежде всего, я обязательно сопровождал индокитайских лидеров на их встречи с Брежневым. Об Андропове я писал выше. Теперь несколько слов о других руководителях КПСС.

Суслов Михаил Андреевич. На протяжении многих лет он был главным идеологом КПСС, особенно возросла его роль при Брежневе: в его ведении находились идеология, культура, образование, цензура. В 1979 году он оказался в числе членов Политбюро, поддержавших решение о вводе советских войск в Афганистан. Суслов имел репутацию «догматика» и «консерватора». Наши консультанты рассказывали, что в его кабинете находилась картотека с цитатами Ленина по необходимым темам. Он считал, что в речах Брежнева обязательно должна присутствовать цитата из Ленина, и когда ему приносили проект очередной речи, он открывал свою картотеку и быстро находил подходящую цитату. Кстати, на освободившуюся после его смерти должность секретаря ЦК КПСС был избран Андропов, до этого возглавлявший Комитет государственной безопасности СССР.

Занимая такой высокий пост, Суслов, тем не менее, был поразительно скромен в быту, манерах, одежде (ходил в галосах!). Когда меня назначили в 1964 году переводчиком на переговорах между делегациями КПСС и КПВ, он при встрече пожал мне руку, чего не делал раньше никто из членов Политбюро. Будучи главным идеологом, он считал своим долгом лично встречаться с лидерами партий, возглавлявших национально-освободительную борьбу. Вплоть до победы революции в Лаосе он каждый год принимал Кейсона Фомвихана и терпеливо, иногда по 2—3 часа, выслушивал его очень подробные доклады. Когда обострилась ситуация с Пол Потом, он при мне бросил фразу: наверное, мы напрасно вовремя не установили с ним связей, была бы возможность оказывать на него необходимое позитивное влияние.

Лигачев Егор Кузьмич. Второй человек в руководстве КПСС во времена Горбачева. Начало перестройки в СССР весной 1985 года совпало по времени со знаменитой антиалкогольной кампанией. Хотя в народе ее связывают с именем Горбачева, но ее застрельщиком был Лигачев — яростный противник спиртного в любом виде. Вспоминаю, как после введения «сухого указа» в большом конференц-зале ЦК собрали всех сотрудников, и выступивший перед нами Лигачев разъяснил основную цель указа — сбережение народа, который, «откровенно говоря, просто спивается», повышение физической работоспособности и нравственности советского человека, укрепление семьи и безопасности государства.

В это время из зала пришла записка, причем с подписью: «Ну, а пива-то хоть можно будет выпить?». Лигачевотреагировал моментально и резко: «Так, с завтрашнего дня вы в ЦК больше не работаете». Как в годы «большого скачка» в Китае, провозглашенного Мао Цзэдуном, все делалось в перестройку с наскока, без учета экономических и политических последствий принимаемых решений. В Москве, да думаю и в регионах, появились, как в голодные послевоенные годы за хлебом, огромные очереди за одной бутылкой водки «на брата». Естественно, все это происходило

со скандалами и руганью в адрес советского руководства. Сам Лигачев в этих очерках не стоял, поэтому видел в «сухом указе» только плюсы.

Отмечая свое 100-летие, он в интервью «Комсомольской правде» (25.11.2020) признал, что антиалкогольная кампания была ошибкой, которая в скором времени явилась одной из причин распада СССР. «Мы в Политбюро хотели побыстрее избавить народ от векового недуга, говорил он. Но мы заблуждались. Чтобы справиться с пьянством, нужны долгие годы активной, умной антиалкогольной политики».

Рыжков Николай Иванович, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР. В 1986 году скончался генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан. Он неоднократно бывал в Советском Союзе, питал глубокие чувства дружбы к нашей стране, регулярно встречался с нашими руководителями, его хорошо знали и уважали миллионы советских людей. Последний раз он был в нашей стране в феврале—марте 1986 года на XXVII съезде КПСС. В своей речи он подтвердил верность вьетнамского руководства положениям Договора о дружбе и сотрудничестве между СРВ и СССР, подписанного в ноябре 1978 года, заверил, что принципиальной линией Вьетнама и впредь будет оставаться неуклонное развитие вьетнамско-советского сотрудничества, повышение его качества и эффективности.

Он выступал на съезде, будучи уже совершенно больным, и советско-вьетнамской команде врачей во главе с академиком Е.И. Чазовым пришлось употребить все свое искусство, чтобы он смог выступить с трибуны съезда. В дальнейшем его здоровье стремительно ухудшалось, и 10 июля 1986 года в Москву пришла скорбная весть о его кончине. Отдавая дань памяти этому большому другу Советского Союза, Политбюро приняло решение направить в Ханой для участия в похоронных церемониях представительную советскую делегацию во главе с Председателем Совета министров СССР Н.И. Рыжковым.

Как уже давно вошло в практику, меня включили от Международного отдела в число сопровождающих в качестве консультанта по Вьетнаму. Полет из Москвы в Ханой в те времена был гораздо более длительным, чем сейчас, — примерно по 15 часов в один конец. Поэтому в ходе полетов туда и обратно было переговорено и услышано много нового и интересного. Самолет до Ханоя тогда делал промежуточную посадку в Ташкенте. Прилетели мы в аэропорт Ташкента около трех часов ночи. Несмотря на позднее время, нас, естественно, встречал лично первый секретарь ЦК КП Узбекистана И. Усманходжаев.

В зале для встреч почетных гостей был накрыт обильный стол, весь уставленный казанами со знаменитым узбекским пловом и колоритными блюдами с восточными сладостями. В ходе беседы за столом, которую, конечно, вели в основном Рыжков и Усманходжаев, мы вдруг услышали неожиданный пассаж со стороны узбекского лидера, смысл которого сводился к следующему: «Что же вы там, в Москве, делаете, ведь это может привести к распаду Советского Союза!» Я впервые узнал, что национальные республики, особенно среднеазиатские, оказывается, не хотели и даже боялись такого развития событий.

Было в нашем длительном полете еще два момента, которые не могли не удивить нас. Мы пытались выяснить у главы делегации, как так получилось, что антиалкогольное решение вышло совершенно неожиданно для всех, без предварительной подготовки, без тщательных расчетов его возможных последствий — социальных, финансовых, экономических и т. п. И мы узнали от него, что в характере Горбачева была, оказывается, одна редкая особенность — он прислушивался к мнению того

лица, с кем последним общался в конце рабочего дня. В течение того злосчастного дня его, вроде бы, уговорили, что надо повременить со спорным указом. Но последним в конце рабочего дня к нему зашел Лигачев. И утром на следующий день даже члены Политбюро неожиданно для себя обнаружили на страницах «Правды» текст спорного антиалкогольного решения.

И второе, что буквально поразило. Николая Ивановича сопровождала его супруга — обаятельная, скромная, тихая женщина. Она не вмешивалась в разговоры политического характера, говорила только на повседневные бытовые темы. И внешне она выглядела очень скромно. Даже не верилось, что она супруга второго человека в советском руководстве. Одним словом, ее поведение резко контрастировало в положительном плане с поведением Раисы Максимовны, о котором тогда с возмущением говорили все вокруг, особенно после ее появления на телевизионном экране.

Долгих Владимир Иванович, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС. Так получилось, что с Владимиром Ивановичем я общался наиболее продолжительное время. Где-то в начале 1980-х годов, в какой конкретно год — уже не помню, его назначили главой делегации Верховного Совета СССР, которая, согласно плану межпарламентских связей, выехала с визитами во Вьетнам, Лаос и Кампучию. Делегацию сопровождала небольшая группа специалистов по этим странам, в которую был включен и я. Более двух недель мы каждодневно общались с Владимиром Ивановичем и поражались, какой это был интеллигентный и добрый человек. (Делаю на этом акцент, потому что среди представителей советского руководства было немало лиц совсем иного склада).

Как это часто бывает в ходе длительных командировок, да еще сразу в три страны, не обошлось без забавных казусов. Так, в Пномпене, совсем недавно освобожденном от полпотовцев, все еще сохранялась определенная напряженность. Когда наша делегация ехала на встречу с руководством Кампучии, я немного замешкался и выехал один. И оказалось, что местный водитель не знает, где происходит встреча — так было все засекречено. Несколько минут мы кружили вокруг бывшего Королевского дворца в поисках зала заседаний, где уже начались переговоры. Когда я буквально влетел туда, из-за стола вскочили приветствовать меня Хенг Самрин, Чеа Сим, Хун Сен и другие камбоджийские руководители — все они лично знали меня. Мне даже пришлось извиняться перед Владимиром Ивановичем за такое излишнее внимание к моей персоне в присутствии главы делегации.

Пока я писал эту книгу воспоминаний, пришло сообщение, что в октябре 2020 года на 96 году «тихо ушел из жизни» Владимир Долгих. В новой России, которая высоко оценила его заслуги перед страной (построил Норильский комбинат и создал топливно-энергетический комплекс страны) он в течение нескольких лет работал депутатом Госдумы и сенатором.

Машеров Петр Миронович, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. С этим выдающимся человеком — организатором и руководителем партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны меня, как это ни удивительно, лично познакомил посол ВРП РЮВ в Москве почтенный Данг Куанг Минь. Дело в том, что на Юге Вьетнама разгоралось партизанское движение, и Данг Куанг Миня интересовали подробности партизанской борьбы в Белоруссии. Иногда он пересказывал мне, какие фантастические операции проводили белорусские партизаны. Петр Миронович приглашал меня как-нибудь вместе с Данг Куанг Минем прие-

хоть к нему в гости, но из-за пресловутой проблемы субординации, которая в отделах ЦК строго соблюдалась, осуществить поездку не удалось. А вскоре из Минска пришла скорбная весть — Машиеров трагически погиб в результате загадочной автомобильной катастрофы. И все-таки я побывал в Белоруссии несколько раз как турист, когда она стала независимой. И своими глазами убедился, что ее справедливо называют Синеокой.

Янаев Геннадий Иванович. После нашей совместной поездки в Хельсинки и участия в молодежном фестивале в поддержку Вьетнама у меня установились дружеские отношения с Геннадием Ивановичем. Нередко мы встречались в третьем подъезде ЦК, он продолжал интересоваться вьетнамскими делами и расспрашивал меня о вьетнамских новостях. При последней встрече я поздравил его с избранием секретарем, членом политбюро ЦК КПСС. Хотя про себя подумал, что вряд ли он созрел для этого высокого поста. Но дальше еще хуже — в декабре 1990 года Горбачев, который предпочитал окружать себя людьми, значительно уступающими ему по рейтингу, назначил его вице-президентом СССР, а после провозглашения 19 августа 1991 года ГКЧП Янаев стал исполняющим обязанности президента. По моему твердому убеждению, члены ГКЧП, откровенно говоря, «подставили» его, когда он, будучи больным, простуженным, постоянно сморкаясь, выступил на пресс-конференции с рассказом о причинах создания ГКЧП, и, естественно, произвел крайне негативное впечатление на миллионы телезрителей. А закончилась его карьера, как и других членов ГКЧП, тюрьмой. Его судьба напомнила мне судьбу «железного Шурика» (Шелепина): неожиданно быстро взлетел и так же быстро сгорел.

В кабинете генсека КПСС и президента СССР. В середине 1980-х годов на Высших стрелковых курсах в Солнечногорске я познакомился и подружился с Алексеем К. Тогда он работал в общем отделе ЦК, который возглавлял К.У. Черненко. Однажды, через несколько недель после нашего возвращения в Москву, раздается звонок Алексея, и он вдруг приглашает меня в первый подъезд на пятый этаж. И вот, к своему удивлению, я стою у двери с надписью «Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев». Захожу в приемную и вижу слева от входа Алексея, окруженного телефонами. Оказалось, пока мы были на «Выстреле», он получил неожиданное повышение — стал секретарем Брежнева. Первым делом он показал мне комнату справа от входа — хранилище подарков Брежневу от зарубежных гостей и советских граждан. Чего там только не было! Я сразу вспомнил послевоенные годы, когда в Москве была открыта выставка подарков Сталину. На мой взгляд, хранилище подарков Брежневу ничуть не уступало содержанию той выставки.

Незадолго до кончины Брежнева врачи заставили его бросить курить; заядлый курильщик, он с трудом переносил этот запрет. Как рассказывал Алексей, Брежнев заставлял его «обкуривать» себя, и для него это было наиболее сложной частью работы, сам он не курил. Последние годы правления давались Брежневу с большим трудом. Помню, как на одном из последних для него съездов КПСС ему по ошибке подложили кусок текста из другого доклада, и он, к всеобщему удивлению слушающего зала, хотя и с трудом, но прочел этот текст, не имеющий по содержанию никакой связи с его докладом. По словам его окружения, он несколько раз ставил перед наиболее важными членами Политбюро вопрос о своем желании уйти в отставку. Но и окружение, и близжайшие его помощники, боясь потерять свои выгодные посты, всячески отговаривали его от этого шага.

Кончилось все это довольно печально: как говорили тогда — «пятилеткой пышных похорон». Я принимал участие в церемониях похорон на Красной площади всех трех генсеков — Брежнева, Черненко, Андропова, и вспоминаю, какое было у всех ощущение безысходности. Вполне объяснимо было поэтому состояние эйфории, которое охватило весь наш отдел и меня лично, когда на внеочередном Пленуме ЦК генеральным секретарем был избран молодой, энергичный деятель — М.С. Горбачев. К сожалению, радость оказалась преждевременной, но это поняли позже.

В этой приемной мне довелось побывать еще раз. В конце 1980-х годов первым заместителем заведующего отделом по связям с социалистическими странами был назначен Шахназаров Георгий Хосроевич (отец знаменитого кинорежиссера Карена Шахназарова). К этому времени Международный отдел и Отдел соцстран ЦК были объединены, и я стал руководителем «группы стран Индокитая», поэтому мы каждый день общались с ним по работе. Это был невероятно творческий человек. Помимо статей по внешней политике СССР, он писал футурологические романы, в которых, в частности, высказывал идеи создания мирового правительства. Несколько раз он подавал в Академию наук СССР документы на звание члена-корреспондента академии, но неудачно. Он со смехом рассказывал мне, что один из академиков мотивировал очередной отказ принять его в членкоры тем, что «он пишет как Ф. Энгельс». (В конечном счете, он все-таки добился звания члена-корреспондента.)

В тот период в тупиковой ситуации находился так называемый кампучийский вопрос. Слишком долгое присутствие вьетнамских войск в Кампучии, по мнению Шахназарова, мешало улучшению советско-китайских отношений, создавало напряженную ситуацию в Юго-Восточной Азии, так как АСЕАН в этом вопросе заняла антивьетнамскую позицию. Шахназаров стал инициатором и активным проводником новых подходов к этому вопросу. Вспоминаю, что мы с ним вечерами сидели вдвоем и сочиняли наиболее убедительное содержание «записки в ЦК» о необходимости мирного урегулирования кампучийской проблемы. И наконец, где-то в конце 1980-х годов «лед тронулся» — в руководстве ЦК приняли нашу точку зрения и стали в этом плане работать с руководством КПВ. В течение всей осени 1990 года уточнялся проект соглашения о всеобъемлющем политическом урегулировании. Кульминацией многолетних дипломатических усилий стали мирные соглашения по Камбодже, подписанные в Париже в октябре 1991 года.

Но наше общение продолжалось и в выходные дни летом, так как мы оба с семьями жили в пансионате ЦК «Клязьма». Шахназаров был заядлым шахматистом, и мы по воскресеньям нередко встречались за большим декоративным шахматным столом во дворе пансионата. Однажды в начале 1990-х годов, когда он уже стал советником президента М.С. Горбачева, раздался его звонок, и он сообщил мне, что разместил в приемной шахматный автомат и приглашает меня сразиться с ним, так как один не может его одолеть. И вот я впервые в приемной первого президента СССР и впервые вижу шахматный автомат и даже играю с ним. Тогда шахматные автоматы были еще слабыми, и, в конце концов, вдвоем с Георгием Хосроевичем мы его обыграли.

Глава 4

В ИНСТИТУТАХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

После провала августовского «путча» (я пишу это слово в кавычках, так как до сих пор не ясно, что это было в действительности) однажды по внутреннему радио ЦК нам сообщили, что по распоряжению мэра Москвы Гавриила Попова, согласованному с М.С. Горбачевым, всем сотрудникам предписывается немедленно покинуть здание ЦК, причем разрешается взять с собой только личные вещи и никаких служебных бумаг. У меня в кабинете стоял шкаф с ценными старинными вьетнамскими книгами и словарями, с моими публикациями и рукописями. Среди этих ценностей особенно важным было содержание секретного сейфа, в котором среди документов советско-камбоджийских отношений находилась копия письма Пол Пота советскому послу в Пномпене, где он предлагал встретиться для обсуждения вопроса отношений НРПК с КПСС.

Недели через две я случайно от сослуживца узнал, что хозяйственный отдел ЦК занимается выдачей бывшим сотрудникам принадлежавших им вещей. Я пошел на пятый этаж, кабинет, где до этого находился наш сектор, оказался открыт. Два сотрудника ведомства Козырева, которое уже оккупировало почти весь 5-й этаж, в рабочее время играли в шахматы. На мои вопросы о местонахождении содержимого шкафа, который стоял пустым, один из них небрежно махнул рукой: приезжали на грузовике и все увезли на свалку. Пустым оказался и сейф, в котором хранились важные документы, в том числе копия письма Пол Пота.

События 19—21 августа 1991 года послужили основанием для обвинения КПСС в антиконституционной деятельности. Указом Президента РСФСР № 169 от 6 ноября 1991 года деятельность КПСС и республиканской организации — Компартии России была прекращена, организационные структуры распущены, имущество конфисковано. Дальше все развивалось, как подробно описано в книге Николая Зеньковича «ЦК закрыт, все ушли...» — долгие и трудные поиски работы. В соответствии с негласным распоряжением Горбачева предписывалось бывших работников ЦК не брать на работу в госструктуры, так что двери МИД для меня как специалиста по Индокитаю оказались закрыты.

Начинались «окаянные девяностые», однако неожиданно поиски работы пришлось временно отложить. В середине сентября мне вдруг позвонили из 4-го главного управления при минздраве СССР. Дело в том, что незадолго до «путча» я подал заявление об отпуске и заказал путевки в дом отдыха «Валдай» 4-го управления. Разумеется, после «путча» и отпуска ЦК я об этом даже не вспоминал, так как был занят поисками работы и вообще считал, что путевки остались в невозвратном прошлом. И вдруг из 4-го управления мне сообщают, что мои путевки «горят» и спрашивают, собираюсь ли я приходить за ними. Укоренившаяся многолетняя система продолжала бесперебойно функционировать! Когда я с семьей приехал в пустующий дом отдыха «Валдай», нас поселили в шикарный

номер, при этом администратор сказала мне, что из него совсем недавно выехал Анатолий Иванович Лукьянов. Поехал навстречу своему аресту!

К счастью, без работы я оставался не очень долго. Хотя дошел даже до того, что записался на бирже труда (где мне сразу же предложили работу мойщиком окон). Все мои друзья говорили, что надо подождать, пока улягутся страсти. И действительно где-то в середине октября мне позвонил заведующий отделом Юго-Восточной Азии Института востоковедения АН СССР Чуфрин Г.И. и сообщил, что предлагает работу старшим научным сотрудником в своем отделе. Как говорилось выше, в 1981 году руководителем моей диссертации был Георгий Федорович Ким, первый заместитель директора Института востоковедения Е.М. Примакова, и он согласовал с ним мою кандидатуру.

В Институте востоковедения РАН

Довольно скоро я пришел в себя и вплотную занялся подготовкой научного исследования по теме, которую мне предложил Чуфрин, — набравшей во Вьетнаме обороты *đổi mới* — политике обновления.

...К середине 1980-х годов горбачевская перестройка ушла уже так далеко от основных принципов социализма, что стала вызывать серьезную обеспокоенность в ряде стран социалистического сообщества и прежде всего — во Вьетнаме. Я был в очень теплых отношениях с вьетнамским послом, обычно я встречал его при входе в 3-й подъезд ЦК, и уже в лифте мы успевали по-дружески обменяться мнениями по тем вопросам, которые его интересовали. Но постепенно в наших отношениях стали возникать шероховатости. Он пытался убедить меня в том, что перестройка поворачивает куда-то не туда. Я же, скованный требованиями партийной дисциплины, уверял его, что все идет нормально, оснований для опасений вроде бы нет. И последние несколько месяцев перед распадом СССР мы ездили в лифте молча, отрешенно глядя друг на друга.

Тем временем во Вьетнаме происходили исторические события, которые принципиально меняли стратегический курс развития страны. В декабре 1986 года VI съезд Коммунистической партии Вьетнама, констатируя, что модель административно-командного социализма практически исчерпала себя, а также самокритично признав ошибки и просчеты в руководстве страной, сформулировал новый стратегический курс развития вьетнамского общества, который получил впоследствии название «дой мой» — политики «обновления».

Генератором этого исторического поворота стал тогдашний генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь. До этого события он ездил в Москву, чтобы встретиться с Горбачевым и лично от него получить разъяснения основного содержания перестройки, так как во Вьетнаме (как и в ГДР) не понимали, в чем суть перестройки и каковы ее цели. Генсек КПСС относил Вьетнам к странам, которые враждебно относятся к затеянной им перестройке, и поначалу отказался даже принимать вьетнамского генсека. Несколько дней через помощников Горбачева Отдел ЦК пытался уговорить его встретиться с руководителем страны, с которой Советский Союз много лет связывали узы «братской дружбы».

Когда встреча все же состоялась, Горбачев с места в карьер начал обвинять вьетнамского генсека, что Вьетнам ведет себя якобы неправильно, слишком мед-

лит с началом перестройки. Нгуен Ван Линь с позиций восточной философии отвечал: у нас во Вьетнаме (как и в Китае) есть поговорка: «Переходя вброд реку, ощупывай камни под ногами». Поэтому мы пока изучаем основные параметры советской перестройки и думаем, как нам самим перестраиваться. Да что тут думать, парировал Горбачев, все же ясно: гласность, плюрализм, ускорение...¹

В конечном счете, Нгуен Ван Линь и его соратники смоделировали свой курс перестройки, наиболее подходящий условиям Вьетнама. В своей речи на открытии VI съезда Нгуен Ван Линь, дав нелицеприятную оценку крайне тяжелого положения, в котором оказалась страна к середине 1980-х годов, заявил: «Все это наша партия, как и наш народ, не могут принять. Нам во что бы то ни стало необходимо добиться изменения ситуации, прежде всего, стабилизировать, оздоровить и продвинуть дальше экономику и общество. Чтобы изменить ситуацию, нынешний, VI съезд, должен ознаменовать собой новый этап в жизни нашей партии — этап **обновления** (выделено мною — Е.К.) в мышлении, стиле, организации и кадрах. Это — настоятельное требование страны... Поворот всего комплекса революционных дел в направлении обновления — это длительный процесс. Нам предстоит еще долго думать, искать, пробовать, шаг за шагом формировать новое, действуя активно и последовательно»².

Насколько удачным и провидческим оказалось название «политика обновления», стало ясно уже к концу первого десятилетия реализации нового курса. Если в 1970, 80-х гг. Вьетнам входил, по данным ООН, в число 25 наиболее бедных стран мира, то уже к середине 1990-х годов он ворвался в группу мировых лидеров по темпам экономического роста. Страна, население которой многие десятилетия жило на грани голода, неожиданно быстро решила проблему нехватки продовольствия и стала одним из крупнейших мировых экспортеров риса. Впечатляющие экономические достижения вкупе с открытой внешней политикой способствовали кардинальному изменению международного имиджа Вьетнама. Из отсталой страны с гипертрофированным военным потенциалом и непредсказуемой линией регионального поведения Вьетнам превращался в глазах мирового сообщества в солидного, достойного доверия и надежного партнера.

На первоначальном этапе политику «дой мой» называли во вьетнамской печати младшей сестрой советской перестройки, и это казалось в то время вполне естественным. Если глубинной причиной перехода к обновленческим реформам стало осознание вьетнамской руководящей элитой того факта, что в середине 1980-х годов Вьетнам подошел к самому краю пропасти глубочайшего социально-экономического кризиса, то внешним толчком, с учетом тогдашнего отношения вьетнамской политической элиты к КПСС и СССР как к старшему брату, скорее всего, действительно стала советская перестройка.

Однако КПВ, в отличие от тогдашнего руководства КПСС, взяла за основу реформ принципиально другую, двуединую формулу: экономические реформы должны предшествовать политическим, последние же должны осуществляться на базе экономических достижений и улучшения материального благосостояния населения. В итоге были сформулированы следующие основные слагаемые политики дой мой:

¹ Записано автором со слов участника этой встречи заведующего сектором Вьетнама Отдела ЦК КПСС Е.П. Глазунова.

² VI съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1988. С. 4—5.

Осуществление радикальных, структурных экономических реформ в целях слома административно-командной модели и открытия шлюзов для свободного предпринимательства и становления в экономике рыночных отношений;

Построение рыночного социализма при сохранении в целом традиционного политического механизма и на основе обеспечиваемой КПВ политической стабильности в обществе;

Открытая, многовекторная внешняя политика, направленная на ускоренное интегрирование страны как экономически, так и политически в мировое сообщество.

Процесс создания механизмов рыночно ориентированной экономики развивался во Вьетнаме по нескольким важным направлениям, среди которых в условиях в основном крестьянской страны решающее значение приобрела *аграрная реформа*. Наиболее важные ее положения вкратце сводились к следующему:

Признать равноправное перед законом существование в национальной экономике всех экономических укладов;

Высвободить сельскую экономику из оков натурального хозяйствования и перевести ее на рельсы товарного производства;

Установить общий порядок налогообложения для всех видов хозяйств: кооперативов, госхозов и крестьян-единоличников;

Освободить крестьян от обязанности продажи государству продукции по фиксированным ценам и предоставить им право свободной ее продажи на рынке по договорным ценам.

Параллельно с аграрной реформой государство открыло широкий простор развитию процессов формирования *рыночных механизмов*, многообразия форм собственности, экономической либерализации в промышленности, торговле, сфере услуг и других отраслях экономики. Этапным событием в этой работе стало принятие в 1992 году новой Конституции СРВ, которая законодательно закрепила перевод экономики на рыночные рельсы, заложила юридический фундамент для радикальной смены экономической модели.

Начиная с 1991 года вьетнамская промышленность стала демонстрировать весьма высокие и устойчивые темпы роста — от 12 до 15 % ежегодно, что стало одним из основных слагаемых вьетнамского «экономического чуда». Основываясь на этих очевидных успехах, руководство КПВ приняло решение о постепенном переходе к структурным преобразованиям в промышленности на основе индустриализации и модернизации, которые, в отличие от прошлых попыток, должны осуществляться на основе рыночных механизмов под управлением государства.

В итоге, если на начальном этапе политики дой мой (1986—1990 гг.) ВВП страны рос в среднем на 3,5 % в год, то в следующее пятилетие (1991—1995 гг.) ежегодный рост ВВП увеличился более чем вдвое — до 8,2 %. В 1996 году основные показатели достигли рекордных отметок — ВВП возрос на 9,5 %, а промышленное производство — на 14 %, в результате по темпам экономического роста Вьетнам вышел на второе место в Азии после Китая.

Основой подъема экономики СРВ стала внешне ориентированная модель развития. Благодаря ей удалось обеспечить активный приток из-за рубежа капиталов, технологий, знаний и опыта управления, получить поддержку для проведения реформ, найти новые экспортные рынки. Страна включилась в международное разделение труда, стала одним из мировых цехов (в производствен-

но-сбытовой сети ведущих ТНК) сначала по пошиву одежды и обуви, затем сборке компьютеров и изделий бытовой электроники (включая мобильные телефоны и другие девайсы), наконец, производства сложных электронных компонентов и программного обеспечения.

Одним из наиболее зримых проявлений спурта вьетнамской экономики стал невероятный строительный бум, захвативший всю страну — от Севера до Юга. В течение только первого десятилетия после начала реализации политики обновления в Хошимине, Ханое, других крупных городах выросли десятки современных высотных зданий, сверкающих стеклом и мрамором, в которых размещались первоклассные отели, банки, офисы иностранных и местных компаний. В самых разных районах страны начали создаваться специальные промышленные и экспортные зоны (СЭЗ), в каждой из которых размещались по несколько десятков предприятий тяжелой и легкой промышленности с современной технологией и отличной инфраструктурой. Началась реализация гигантских транспортных проектов: модернизация железнодорожной магистрали Ханой — Хошимин и строительство транснациональной восьми-полосной шоссейной магистрали протяженностью 3167 километров от крайне северной точки Пакбо (провинция Каобанг) до крайне южной точки Датмуи (провинция Камау).

Серьезные успехи были достигнуты в становлении и стабилизации финансово-банковской системы страны. Прежде всего, удалось справиться с главным бичом любой реформируемой экономики — гиперинфляцией. Если в 1986 году индекс инфляции зашкаливал за 800 %, то уже в 1993—94 гг. он сократился до вполне умеренных величин от 5 до 10 %. Начиная с 1992 года национальная валюта — донг стала иметь устойчивый, стабильный курс, на котором практически не отразился даже финансовый кризис 1997 года, охвативший практически весь регион Юго-Восточной Азии.

Ускорению интеграции страны в мировую экономику и быстрому подъему вьетнамской экономики способствовало принятие Национальным собранием СРВ в 1987 году *Закона об иностранных инвестициях*, который был призван расчистить путь к созданию наиболее благоприятного климата для широкого инвестирования зарубежного капитала в охваченную кризисом вьетнамскую экономику. Естественно, первый вариант закона был не без серьезных недостатков, поэтому пришлось не раз исправлять и дополнять его текст, но важно, что шлифовка этого фундаментального документа шла в двух наиболее важных направлениях: максимально облегчить условия для деятельности зарубежных инвесторов и усилить гарантии со стороны государства неприкосновенности их капитала.

Кроме того, права зарубежных инвесторов были законодательно закреплены в статье 25 Конституции СРВ: Государство поощряет иностранные организации и физических лиц инвестировать капиталы и технологию во Вьетнам в соответствии с вьетнамским законодательством, международными законами и правилами; государство выступает гарантом законного права собственности иностранных организаций и отдельных лиц в отношении капиталов, имущества и других прав. Предприятия с участием иностранного капитала не подлежат национализации¹.

¹ Hiến pháp của Nước Việt Nam xã hội chủ nghĩa. Hà Nội, 1992. С. 23.

Высокий уровень политической стабильности, крупный национальный интеллектуальный потенциал, богатые природные ресурсы, относительно низкая стоимость рабочей силы, а также последовательное осуществление государством широкого комплекса мер в целях создания привлекательного климата для зарубежных инвесторов — все это довольно скоро принесло ощутимые результаты. Начиная с 1988 года, иностранные капиталовложения в экономику СРВ ежегодно возрастали в среднем на 50 % и к концу второго десятилетия политики дой мой достигли весьма внушительной цифры около 70 млрд долларов.

Внешняя политика как катализатор реформ. Среди многих составляющих политики «дой мой» необходимо особо отметить роль принципиально обновленной *внешнеполитической стратегии* вьетнамского государства. Искусно приспособленная вьетнамским руководством к политическому моменту, целиком поставленная на службу интересам экономических реформ, она позволила в относительно короткие сроки в корне изменить международный имидж страны и тем самым обеспечить максимально благоприятные внешние условия для мощного экономического рывка.

Чтобы реально представить себе масштабы работы, проделанной вьетнамской дипломатией в рамках политики дой мой, достаточно вспомнить, каким незавидным было международное положение Вьетнама в середине 1980-х годов. В Кампучии находился многотысячный контингент вьетнамской армии, из-за чего Ханой подвергался нарастающему ostrакизму со стороны ООН и значительной части мирового сообщества. Крайне напряженными были отношения СРВ с шестеркой стран АСЕАН, явившихся застрельщиками международной кампании осуждения затянувшегося вьетнамского военного присутствия в Камбодже. Достигла апогея конфронтация с могущественным соседом — Китаем. США продолжали сохранять жесткое торгово-экономическое эмбарго в отношении Вьетнама. Наконец, даже с главным военно-политическим союзником СРВ — Советским Союзом, судьба которого уже клонилась к закату, отношения начали становиться все менее «братскими».

В этих условиях требовались чрезвычайные меры, чтобы быстро изменить к лучшему международный имидж страны и ускоренными темпами интегрироваться как политически, так и экономически в мировое сообщество. С учетом этого в основу новой внешнеполитической стратегии Ханоя легли диверсификация и многовекторность международных связей, политика открытых дверей во внешнеэкономической сфере, установление нормальных отношений прежде всего со своими азиатскими соседями, а также со всеми великими державами и политико-экономическими центрами. Вьетнамская дипломатия стала строить свою деятельность на основе выдвинутого КПВ лозунга: Вьетнам — друг и достойный доверия партнер в международном сообществе, активно участвующий в развитии международного и регионального сотрудничества.

В результате уже к середине 1990-х годов новый внешнеполитический курс принес поистине масштабные результаты, которые в корне изменили международное положение СРВ. Вывод вьетнамских войск из Кампучии в 1989 году и принятие мирного плана ООН о камбоджийском урегулировании положили начало процессу перехода Вьетнама и Китая от многолетней конфронтации и вражды к постепенному взаимопониманию и сближению. В ноябре 1991 года по итогам визита в Пекин вьетнамской делегации на высшем уровне — во главе с

генеральным секретарем КПВ До Мыоем и премьер-министром СРВ Во Ван Киетом был подписан совместный документ, в котором отмечалось, что положен конец периоду отчуждения между СРВ и КНР, и торжественно заявлялось о полной нормализации отношений.

В феврале 1994 года администрация США приняла решение об отмене почти 30-летнего эмбарго на торгово-экономическое сотрудничество с Ханоем, а в августе 1995 года был подписан совместный документ о восстановлении полных дипломатических отношений между США и СРВ. Тем самым было ликвидировано наиболее серьезное препятствие на пути установления взаимовыгодного сотрудничества со странами Запада и Японией и дальнейшего углубления политической и экономической интеграции Вьетнама.

В июне 1994 года, после нескольких лет активных поисков обеими сторонами модели взаимоотношений в новых исторических условиях, был подписан Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и СРВ. Основное значение этого документа сводилось к следующему логическому выводу: несмотря на глобальные перемены на международной арене и, особенно, в самих наших двух странах, Россию и Вьетнам связывает такое множество исторически обусловленных сближающих факторов, что сама жизнь требует от них продолжения тесного дружественного сотрудничества, разумеется, на взаимовыгодной основе и с учетом новых мировых реалий.

В июле 1995 года Вьетнам официально стал полноправным членом АСЕАН — одной из наиболее динамично развивающихся региональных группировок, которая сегодня объединяет 10 стран Юго-Восточной Азии. Несомненно, это событие можно назвать самым крупным и исторически значимым внешнеполитическим достижением политики дой мой. Членство в АСЕАН, с учетом огромного международного авторитета этой организации и ее серьезных экономических возможностей, дало в руки Ханоя важнейшие политико-экономические козыри в усилиях по дальнейшему углублению интеграции СРВ в мирохозяйственные связи и упрочению ее региональных и международных позиций.

В феврале 1996 года парламент Европейского Союза ратифицировал «Соглашение о сотрудничестве между СРВ и Европейским Союзом» — первый такого рода политический документ, подписанный ЕС со страной Юго-Восточной Азии. Как явствует из текста соглашения, основные его цели — развивать отношения с СРВ на качественно новом, более высоком уровне, содействовать росту инвестиционных потоков из стран-членов ЕС во Вьетнам, расширению между ними торговых обменов и сотрудничества в финансовой сфере, в области культуры и образования.

Наконец, еще одно, по-видимому, **самое главное достижение политики «дой мой»** — она не сопровождалась такими же радикальными, как в экономике, политическими реформами. Уже в документах VI съезда КПВ были сформулированы несколько основополагающих принципов *политической реформы*, которых КПВ твердо придерживается и поныне:

Безусловное сохранение политической стабильности в обществе и морально-политического единства народа;

Укрепление руководящей роли и политических позиций КПВ как основной движущей силы и гаранта обновленческих реформ;

Постепенная, дозированная демократизация общественно-политической жизни под контролем партии и государства на основе принципа — демократия должна быть управляемой;

Решительное неприятие принципов многопартийности и плюрализма.

Весьма аргументированно позицию КПВ в этом вопросе изложил один из ее идеологов, ставший в 2011 году генеральным секретарем ЦК КПВ, Нгуен Фу Чонг: «Мы должны извлечь для себя важный урок, что демократия существует параллельно с дисциплиной и общественным порядком. Мы должны пресечь любые нарушения демократических прав граждан, но при этом не дать развиваться крайней, экстремистской демократии. Нельзя допустить, чтобы понятия «демократия» и «права человека» были использованы в целях подрыва политической системы, нарушили установленный порядок или привели к вмешательству во внутренние дела страны... Мы считаем, что во Вьетнаме нет объективных условий для признания политического плюрализма и оппозиционной многопартийности, этого не позволяют политическая ситуация, экономический уровень, социальная обстановка, культурный уровень населения и законы страны. Наша страна совсем недавно вышла из войны, она крайне нуждается в политической стабильности, сплоченности и единстве народа для строительства и развития экономики...»¹.

Вместе с тем динамика политики дой мой, кардинально меняющей облик страны, не могла, естественно, не вносить перемены и в характер действий КПВ, и в ее внутреннюю жизнь. Так, в рамках процесса управляемой демократизации КПВ постепенно отказывается от многих функций, свойственных роли государственной партии. Парткомы всех ступеней лишены права вмешиваться в хозяйственную деятельность предприятий и кооперативов. Руководство экономикой партия осуществляет только на макроуровне, определяя на пленумах и съездах долгосрочную стратегию экономического развития страны. Хотя парламент страны — Национальное собрание продолжает оставаться, в основном, однопартийным, день ото дня значительно повышается его политическая и законотворческая роль, растет его влияние на общественную жизнь. Серьезные подвижки в направлении расширения гласности, большей свободы самовыражения происходят в средствах массовой информации.

Партия на всех съездах и пленумах решительно подтверждает свою глубокую верность идеологическим принципам. В процессе обновления необходимо твердо следовать цели национальной независимости и социализма на основе марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина, — говорил генеральный секретарь КПВ Нонг Дык Мань на X съезде КПВ (апрель 2006 года). Обновление не означает отказа от цели социализма, его задача сделать так, чтобы социализм осознавался более правильно, строился более эффективно и успешно. Обновление не означает отхода от марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина, напротив, оно означает правильное их понимание и творческое применение, означает опору на них как на идейный фундамент Партии и компас для революционных действий².

В то же время внутри самой КПВ постепенно нарастают процессы деидеологизации и деполитизации партийной жизни. На смену ветеранам в верхние эше-

¹ Нгуен Фу Чонг. Вьетнам в процессе обновления. Ханой, 2005. С. 255—256.

² Tài liệu của Đại hội X của Đảng cộng sản Việt Nam [Материалы X съезда КПВ]. Hà Nội. 2006. Tr. 143.

лоны партии приходит новая волна технократов-прагматиков, которые ставят во главу угла не идеологические постулаты, а экономическое мышление. Хотя КПВ продолжает декларировать верность марксизму-ленинизму и идеологии Хо Ши Мина, она все дальше отходит от идеологической ортодоксальности, а ее патерналистские методы правления все больше напоминают действия прежних однопартийных режимов в таких азиатских странах и территориях, как Сингапур, Тайвань, Республика Корея, на пороге их экономического взлета.

Бесспорно, самым веским политическим козырем КПВ следует признать тот фактор, что предложенный именно ею новый стратегический курс развития явился весьма эффективным средством для быстрого вывода страны из глубокого социально-экономического кризиса и для стимулирования процессов национальной модернизации при сохранении политической стабильности и социального мира. Именно поэтому политика «дой мой» нашла самую широкую поддержку не только среди членов КПВ, но и подавляющего большинства вьетнамского народа. Став свидетелем обвального крушения европейского социализма, сопровождавшегося распадом целых государств и кровопролитными конфликтами, вьетнамский народ, два поколения которого в середине XX века прошли через несколько затяжных и жестоких войн, решительно высказался в пользу предложенного КПВ варианта реформирования социализма без драматических потрясений и катаклизмов.

Пользуясь этой поддержкой, КПВ сегодня позиционирует себя в качестве авангарда не только рабочего класса, а всей вьетнамской нации, что нашло, в частности, отражение в обновленном уставе партии, одобренном на ее X съезде. Теперь идейно-политическая характеристика партии звучит в новом уставе так: Коммунистическая партия Вьетнама — это авангард рабочего класса и одновременно авангард трудового народа и всей вьетнамской нации; она является верным представителем интересов рабочего класса, трудового народа и нации¹.

Если в предыдущие годы в процессе претворения в жизнь основных векторов политики «дой мой», руководство КПВ довольно сдержанно оценивало ее очевидные, год от года, успехи, как бы опасаясь спугнуть птицу удачи, то X, XI, XII и XIII съезды, подводя итоги трех десятилетий реализации новой политики, впервые высказали весьма восторженную оценку, заявив, что дело обновления добилось огромных, имеющих историческое значение успехов. Основное их содержание, указывалось, в частности, в отчетном докладе ЦК X съезду, сводится к следующему: в нашей стране произошли кардинальные и всесторонние перемены. Экономика вышла из кризисного состояния и довольно быстрыми темпами набирает обороты. Уверенно движется вперед дело индустриализации, модернизации, развития рыночной экономики с социалистической ориентацией. На глазах улучшается жизнь народа. Укрепляются политическая система и блок великой общенародной сплоченности. Сохраняется социально-политическая стабильность. Оборона и безопасность отличаются надежностью. Позиции нашей страны на международной арене неуклонно крепнут. Комплексная мощь государства достигла весьма высокого уровня, что открывает новые просторы для поступательного развития страны к прекрасному будущему².

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 67—68.

Вместе с тем на всех съездах самокритично отмечалось, что перед страной все еще стоят весьма сложные задачи и серьезные вызовы. Экономика, несмотря на очевидные успехи, в целом пока находится в слаборазвитом состоянии, на относительно низком уровне продолжают оставаться наука и технология, в результате чего сохраняется опасность еще больше отстать от многих стран региона и мира. Наконец, угрожающие масштабы начинает приобретать коррупция, которая в партийных документах квалифицируется не иначе, как национальное бедствие и внутренняя агрессия.

В целом же, оценивая на макроуровне масштабность задач, заложенных в политику дой мой, и весомые результаты ее реализации, есть все основания утверждать, что в специфических вьетнамских условиях она явилась весьма эффективным средством для стимулирования процессов национальной модернизации и строительства социализма «с вьетнамским лицом». Опыт строительства такой разновидности социализма (так же, впрочем, как и социализма «с китайским лицом»), как бы к нему ни относиться, это одна из объективных форм движения истории, предполагающая своего рода симбиоз капиталистического базиса и социалистической надстройки. Возникает в этой связи закономерный вопрос: имеет ли реальное и сколь продолжительное будущее такая модель общественного развития? Как известно, в СССР дважды предпринимались попытки построения рыночно ориентированного социализма, и обе они закончились провалом. Первая попытка, зарегистрированная в истории как ленинская новая экономическая политика (НЭП), была раздавлена колесами сталинского великого перелома. Вторая — горбачевская перестройка и вовсе привела к трагическому финалу — крушению Советского Союза как государства.

Все более успешная год за годом реализации политики «дой мой» позволяет предположить, что в случае с Вьетнамом пока вряд ли есть основания для пессимистических прогнозов. Похоже, что рыночно ориентированный социализм — это вполне реальная и жизнеспособная социально-экономическая формация. Разумеется, подводных камней здесь очень много: хотя в целом жизненный уровень населения во Вьетнаме неуклонно растет, одновременно углубляется социальное расслоение, происходит все более заметное разделение на богатых и бедных. Вновь формируются чуждые социализму классы — крупная и мелкая буржуазия, набирают силу процессы расширения рядов среднего класса. Рано или поздно, по мере превращения в серьезную не только экономическую, но и политическую силу, и те, и другие, несомненно, начнут требовать своего места в политической структуре общества. Кроме того, враждебные силы не оставляют попыток изменить политический строй в СРВ при помощи стратегии мирной эволюции, организации локальных волнений и мятежей, использования лозунгов демократии и прав человека в антинациональных интересах.

Однако, по мнению руководства КПВ, все эти подводные камни легко преодолимы при сохранении постоянной бдительности и при дальнейшем продолжении в правильном направлении политики дой мой. По оценке КПВ, анализ процессов, идущих сегодня во Вьетнаме, свидетельствует о том, что обновленческие реформы приобрели структурный, формационный характер, что они опираются на весьма широкие и влиятельные общественные силы, которые нашли свое прочное место в процессе обновленческих реформ и требуют его продолжения и углубления. Кроме того, опираясь на уже достигнутые по всем азимутам серьезные положительные перемены в развитии сегодняшнего Вьетнама (прежде

слаборазвитая страна поднялась, по критериям ООН, в категорию среднеразвитых) — и на свой общенациональный исторический авторитет, КПВ, как представляется, твердо контролирует положение в стране, во вьетнамском обществе не просматриваются какие-либо серьезные политические силы, которые могли бы в обозримом будущем посягнуть на ее монопольную власть и на проводимый ею курс модернизации страны на базе «политики обновления».

В 1999 году это представленное мной на обсуждение в отделе Юго-Восточной Азии исследование характера политики «дой мой» вышло в издательстве «Наука»: *Е.В. Кобелев. Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация. (1986—1997). М.: ИВ РАН, 1999.* Это небольшая по объему книжица (105 стр.), но ценность ее заключалась в том, что это было первое в России масштабное исследование содержания и особенностей «вьетнамского варианта перестройки», которая, в отличие от советской, привела к весьма позитивным результатам, способствовала подъему экономики страны и улучшению жизни народа.

Участие в научных конференциях за рубежом

В 1993 году в Копенгагене состоялась европейская научная конференция «Евро-Вьет» по актуальным проблемам вчерашнего и сегодняшнего Вьетнама. До сих пор не знаю, как ее организаторы вышли на меня, возможно, они прислали приглашение на Институт востоковедения, а его руководство рекомендовало меня. Готовиться мне было особенно не надо — я взял за основу своего доклада почти законченное исследование о политике «дой мой». К этому времени прошло семь лет со дня ее начала, и ее крупные достижения были уже налицо. В докладе я даже взял на себя смелость назвать успехи политики обновления во Вьетнаме «экономическим чудом». Вспоминаю, что после сделанного мной доклада из зала послышались реплики, что содержание доклада чересчур оптимистично. На что я реагировал так: согласен, но это, возможно, потому, что я готовил его в катастрофических условиях нынешней России.

Следующая конференция «Евро-Вьет» состоялась в 1995 году во Франции в городе Экс-ан-Прованс, где расположен архив бывших французских колоний, в том числе Индокитайского Союза. Кроме того, город знаменит тем, что в нем родился и жил один из героев Великой Французской революции Мирабо, а также творили свои полотна великие художники — Поль Сезанн, Ван Гог, Пикассо.

Как это принято, после пленарного заседания участники конференции были разделены на группы, где каждый выступал по интересующей его теме. Естественно, я выступил с докладом о Хо Ши Мине и его роли в новой и новейшей истории Вьетнама. Интересно, что по этой теме у меня нашлась оппонентка в лице корреспондента журнала *Far Eastern Economic Review* в Москве София Куин Джадж. До этого мы были с ней хорошо знакомы. Когда моя книга «Хо Ши Мин» вышла на английском языке, она несколько раз звонила мне и просила помочь ей купить хотя бы один экземпляр. Я, конечно, не стал заниматься такой торговлей, а предложил ей бартерный вариант. Накануне я получил письмо от Бэна Киернана с предложением написать для *Far Eastern Economic Review* откровенную статью о «тайнах» политики СССР в отношении Камбоджи и Индокитая в целом. Разумеется, статья должна была быть на английском, а издатель-

ство «Прогресс», с которым можно было бы договориться о профессиональном переводе, к тому времени практически развалилось. И я предложил Софии бартер: я ей дарю свою книгу, а она в ответ переводит мою статью и передает в журнал. Однако, получив книгу, она исчезла, статья в журнале не появилась, а потом мне сообщили, что она, основываясь на содержании моей книги, публикует одну за другой статьи в американских журналах.

Плюс к этому она «рассердила» меня еще и тем, что после моего доклада о роли Хо Ши Мина в национально-освободительном движении Вьетнама в своем выступлении сообщила слушателям, что у него якобы было три то ли жены, то ли любовницы, при этом даже назвала конкретные фамилии. Пришлось дать ей «отповедь», причем выступал я на французском языке, который она знала, видимо, плохо и все время переспрашивала соседа. В результате я как-то по-детски подумал: все-таки отомстил!

По завершении конференции мэр города Экс-ан-Прованс дал прием в честь ее участников. В зале для приемов нас встретил висящий на стене огромный портрет Мирабо, знаменитого уроженца этого города. Главная и наиболее оживленная прогулочная улица Экс-ан-Прованса — бульвар Мирабо, делящий город на старый и новый. Затем была прогулка по улицам города, нашим экскурсоводом вызвался быть молодой французский историк. Он показал нам живописную площадь мэрии, а также примыкающий к ней собор Святого Спасителя, который строился несколько столетий, поэтому в нем соединились три стиля — романский, готический и барокко. Затем наш провожатый предложил нам зайти в описанный в рекламных проспектах ресторанчик Café de France и отметить успешное завершение конференции. Заказав бутылку французского брютта, он сам оплатил ее, чем очень меня удивил. Я несколько раз бывал во Франции и не заметил особой щедрости в характере французов. По дороге в гостиницу я с ним разговорился и к своему удивлению узнал, что его прабабушка была русской графиней. Значит, русские гены все-таки сказались!

Заметки на полях. Работа в Институте востоковедения мне запомнилась еще и тем, что я неожиданно для себя вернулся к «серьезным» шахматам. Я живу неподалеку от Центрального дома ученых, расположенного на улице Пречистенка, и однажды, проходя мимо него, встретил своего давнего знакомого. Он сообщил мне, что в Доме ученых активно работает шахматная секция, и предложил мне вступить в нее. Так начались у меня на фоне безрадостных 90-х годов приятные вечера. Каждую среду в нашей секции, в которой в дни ее расцвета насчитывалось до 20 человек, проходили турниры по блицу (те, кто играет в шахматы, знает, какое это увлекательное занятие). В 2005 году наша секция даже выставила команду из трех человек для участия в спартакиаде среди сотрудников министерств и ведомств Российской Федерации «За здоровую Россию». Два года подряд мы становились чемпионами спартакиады, и у меня до сих пор дома висит на стене диплом за первое место с подписью руководителя Федерального агентства по физической культуре и спорту Вячеслава Фетисова. Получив за первое место два памятных кубка, мы торжественно вручили их директору Дома ученых Виктору Степановичу Шкаровскому, который гордо выставил их на видном месте в своем кабинете. Шкаровский в Доме ученых — это человек-легенда. В лихие 90-е годы он отбил все атаки криминальных структур, которые пытались «раздербанить» Дом ученых и использовать его историческое

здание для преступных бизнес-целей. Вслед за тем он возглавил работу по реставрации здания и, будучи прекрасным художником и дизайнером, украсил его не только копиями картин великих русских художников, но и своими собственными творениями.

В Институте Дальнего Востока РАН

В сентябре 2007 года на приеме во вьетнамском посольстве в Москве я неожиданно встретился с Михаилом Леонтьевичем Титаренко, который, как я уже знал, стал директором Института Дальнего Востока РАН. С Михаилом Леонтьевичем я познакомился довольно давно — в конце 1960-х годов, когда он работал в группе консультантов отдела ЦК КПСС по связям с социалистическими странами. В завязавшейся беседе он сказал мне, что хочет создать в ИДВ РАН подразделение по изучению Вьетнама и предложил перейти на работу к нему. Михаил Леонтьевич был по-настоящему стратегически мыслящим человеком. ИДВ РАН создавался вначале как Институт по изучению Китая, что было крайне необходимо КПСС и Советскому правительству в тяжелые 1960—70-е годы, когда Китай захлестнула волна «культурной революции», в результате чего политика этой страны, особенно в отношении СССР, стала практически непредсказуемой. Но когда в Китае все более-менее успокоилось, Михаил Леонтьевич пришел к вполне естественной мысли, что нельзя изучать только один Китай в отрыве от стран так называемого «древнекитайского ареала». Так постепенно в Институте появились два новых Центра — изучения Японии и корейских исследований. Не хватало только Вьетнама, который и географически, и исторически, и даже духовно был действительно неотъемлемой частью китайского ареала.

В декабре того же года я стал ведущим научным сотрудником ИДВ РАН. Ровно через год Михаил Леонтьевич вызвал меня к себе и, опять продемонстрировав стратегический подход, сказал, что создаваемое новое подразделение надо назвать Центром изучения Вьетнама и АСЕАН. Мотивация у него была очень простая: АСЕАН — это сегодня влиятельная региональная группировка, включающая в себя все 10 стран Юго-Восточной Азии, а Вьетнам, который вступил в АСЕАН в 1995 году, очень быстро стал одним из самых авторитетных ее членов.

Руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН

1 декабря 2008 года директор ИДВ РАН М.Л. Титаренко подписал приказ о создании Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, и это его решение получило поддержку руководства Российской академии наук. В этом приказе были сформулированы следующие основные задачи вновь создаваемого Центра:

Комплексный анализ и прогнозирование политического и социально-экономического развития современного Вьетнама;

Изучение истории Вьетнама;

Стратегическое партнерство России и Вьетнама. Потенциал российско-вьетнамского сотрудничества;

Исторический опыт развития отношений СССР, России и Вьетнама;
Современные отношения Вьетнама с Китаем, США, Европейским Союзом, Японией, другими мировыми державами и политико-экономическими центрами;

Основные направления развития и становления АСЕАН как одной из крупнейших региональных политико-экономических организаций;

Состояние и перспективы развития отношений между Россией и АСЕАН. Интересы России в Юго-Восточной Азии. Проблемы безопасности в регионе;

Процессы региональной интеграции в Юго-Восточной Азии. Пути оптимизации включения России, прежде всего её восточных регионов, в эти процессы;

Участие АСЕАН в решении глобальных и региональных проблем в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Пути взаимодействия России и АСЕАН в этой сфере;

Межцивилизационный диалог в Юго-Восточной Азии и участие в нём России.

Но такая обширная программа работы Центра требовала достойных исполнителей. И Титаренко поручил мне, по возможности быстрее, подобрать таких специалистов. Дело это было непростое: все-таки хороший специалист по Вьетнаму, тем более по АСЕАН в условиях нашей страны, мягко говоря, редкость. Первым я пригласил в Центр Воронина Анатолия Сергеевича, он работал вместе со мной еще в секторе Вьетнама в отделе ЦК КПСС. Хотя он не имел научной степени, но кроме ЦК семь лет проработал советником Председателя Совета Федерации РФ, а также являлся автором многочисленных публикаций о современном Вьетнаме и российско-вьетнамских отношениях. К сожалению, он рано ушел из жизни, немного не дожив до времени расцвета нашего Центра.

Следующим был принят по совместительству преподаватель ИСАА МГУ Владимир Моисеевич Мазырин. Он был прекрасным специалистом по экономике Вьетнама, и в условиях проведения Вьетнамом политики обновления и перестройки наших отношений с этой страной, прежде всего экономических, сразу же занял важную нишу в работе Центра. Работая в Центре, Владимир Моисеевич в 2013 году защитил докторскую диссертацию по экономике Вьетнама. Вскоре после этого нас обоих пригласил к себе Михаил Леонтьевич и, обращаясь ко мне, сказал: «Ну, что, дружище, пора уступать дорогу молодым. А ты будешь у него консультантом, особенно на первых порах». Так, в мае 2013 года Владимир Моисеевич возглавил наш Центр.

И, наконец — Григорий Михайлович Локшин, о котором я много писал выше. Среди его достоинств, помимо глубокого знания внутренней и внешней политики Вьетнама, добавилось то, что он стал обеспечивать реализацию второй части названия нашего Центра — изучение общих проблем АСЕАН: он регулярно готовил аналитические записки, публиковал статьи и даже монографические исследования по этой важной тематике.

Эти три вьетнамоведа вместе со мной составили ядро нового Центра ИДВ РАН, который вскоре превратился в первый в России специализированный «штаб вьетнамоведения», в котором собрались высокопрофессиональные специалисты по Вьетнаму и Юго-Восточной Азии в целом. Небольшое по составу научное подразделение добилося серьезных научно-практических результатов, признания в научном мире и, что особенно важно, признания со стороны вьетнамских коллег и политиков.

Начиная с 2009 года, Центр стал ежегодно проводить научно-практические конференции на тему «Актуальные проблемы вьетнамоведения», в которых регулярно принимали участие вьетнамоведы из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, ученые из стран СНГ, Вьетнама, США, Польши и др. По результатам каждой конференции и на основе докладов их участников Центр начал ежегодно издавать сборники «Вьетнамские исследования».

Кроме того, постепенно в нашем Центре стало правилом выпускать в год 1-2 коллективные монографии или сборника статей. Одной из наиболее ценных таких публикаций Центра стало коллективное исследование «Современный Вьетнам. Справочник», где я, в частности, выступил в качестве ответственного редактора и автора нескольких разделов. При этом в подготовке рукописи книги участвовали не только все сотрудники Центра, нам удалось привлечь также видных вьетнамоведов из других научных учреждений и практических организаций.

Основное содержание книги — наиболее важные аспекты истории, политики, экономики, социального развития, науки и культуры, внешних связей СРВ с акцентом на период с начала XXI века. Изложены общие сведения, касающиеся географии, населения, языков, этнического состава, административного деления, крупнейших городов и экономических районов, распространенных во Вьетнаме религий.

Дан краткий обзор древней, средневековой, новой и новейшей истории страны, вплоть до освобождения Южного Вьетнама и образования СРВ, первого десятилетия её развития, принятия VI съездом КПВ нового стратегического курса — политики «дой мой» и основных результатов ее реализации.

Представлена общественно-политическая система СРВ, показана роль компартии в современном вьетнамском обществе, модернизация законодательства соответственно новым задачам страны. Раскрыты основные направления, механизмы и результаты построения рыночной экономики в СРВ. В обзоре международного положения СРВ и ее внешней политики отмечены как успехи внешнеполитической стратегии страны, так и новые вызовы и трудности. Особое внимание уделено проблемам и перспективам развития вьетнамско-китайских отношений и всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ.

Рассмотрены также особенности вьетнамской культуры, науки, литературы, искусства, во всем многообразии показаны духовная жизнь и материальная культура вьетнамского народа.

По нашему мнению, это издание представляет интерес как для практических организаций России, отвечающих за различные аспекты сотрудничества с СРВ, так и для научных и учебных заведений, в которых изучается восточноазиатский регион, а также для предпринимателей и туристов.

Академик М.Л. Титаренко и Вьетнам. Немного истории

Продолжая рассказ об академике М.Л. Титаренко, этом неординарном человеке, который сыграл заметную роль в моей судьбе, хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Конечно, он был «до мозга костей» китаистом, он мно-

го лет учился и работал в Китае, называл даже эту страну своей «второй родиной». Но еще одной его любовью, бесспорно, был Вьетнам.

После освобождения Южного Вьетнама и создания единой Социалистической Республики Вьетнам началась эпоха восстановления и возрождения этой страны, находившейся после почти десятилетия американской агрессии в глубоком социально-экономическом кризисе. В конце 1970-х годов в недрах нефтегазовых министерств СССР и СРВ пробила себе дорогу в те времена совершенно неожиданная, но, как показало будущее, весьма перспективная идея о создании совместного предприятия по добыче нефти и газа на шельфе Южного Вьетнама в районе курортного города Вунгтау. В Москве была создана комиссия по подготовке технико-экономического обоснования предлагаемого предприятия, в которую были включены специалисты Совмина СССР и Отдела ЦК. Михаил Леонтьевич как высококвалифицированный специалист по Китаю, соседней с Вьетнамом социалистической стране, был включен в состав этой комиссии, и, таким образом, внес свой посильный вклад в создание первого советско-вьетнамского совместного предприятия.

Предприятие, известное сегодня как СП «Вьетсовпетро», было создано в 1981 году. Хотя это был первый опыт такого рода в истории отношений двух наших стран, Совместное предприятие довольно быстро показало исключительную эффективность и выгодность, прежде всего для возрождавшейся вьетнамской экономики. Так, в 2011 году «Вьетсовпетро» отметило свое 30-летие рекордным уровнем добычи нефти — около 6,5 млн тонн.

В 1991 году, когда Михаил Леонтьевич был уже директором Института Дальнего Востока, руководство РАН назначило его председателем Совместной российско-вьетнамской комиссии по сотрудничеству в области гуманитарных наук. Его научным секретарем тогда был с. н. с. Института востоковедения РАН Анатолий Алексеевич Соколов. По его воспоминаниям, М.Л. Титаренко очень быстро и четко наладил работу вновь созданной комиссии. Под его личным руководством проходили совещания, в которых участвовали представители самых разных российских академических институтов. Люди были воодушевлены и заинтересованы, потому что проводились конкретные мероприятия и достигались конкретные результаты. По инициативе М.Л. Титаренко и членов комиссии, были реализованы различные совместные проекты, главное был налажен регулярный научный обмен между российскими и вьетнамскими научными институтами. А ведь нельзя забывать, что все это происходило в начале «окаянных» 1990-х годов, когда двусторонние отношения между РФ и СРВ, по вине пришедших тогда к власти в РФ «демократов», были сведены до минимума.

Михаил Леонтьевич, будучи сам много лет руководителем Общества российско-китайской дружбы, постоянно напоминал сотрудникам нашего Центра о необходимости активного участия в делах Общества российско-вьетнамской дружбы. Мы всегда прислушивались к этим советам: все сотрудники Центра являются членами Центрального правления Общества. В 2007 году я был избран первым заместителем председателя Общества, и вскоре Союз обществ дружбы Вьетнама наградил меня памятным знаком За мир и дружбу между народами. Мы активно участвовали во всех мероприятиях Общества, в том числе в подготовке юбилейных книг и публикаций. Так, мы с Анатолием Ворониным совместно написали к 50-летию Общества советско/российско-вьетнамской дружбы (1958—2008) книгу «СССР/Россия — Вьетнам. Дружба, проверенная временем». А в 2010 году, по случаю 120-летия со дня рождения Хо Ши Мина, я подготовил к изданию в качестве автора-состави-

теля сборник «Россияне о Хо Ши Мине. Воспоминания». Примечательно, что сборник открывается первой печатной статьей о будущем Хо Ши Мине, которая была опубликована на страницах декабрьского 1923 года номера журнала «Огонек», а автор ее стал известный в будущем российский поэт Осип Мандельштам!

Еще одной весьма важной акцией академика Титаренко, которая лишней раз свидетельствовала о его симпатиях к Вьетнаму, стало предложение Ученому совету ИДВ РАН (ИКСА РАН) отметить заслуги двух вьетнамских ученых, что неоднократно делалось в отношении ученых Китая, США и других стран. И 29 июня 2009 года члены Ученого совета, обсудив предложение директора Института, единогласно проголосовали за решение об избрании тогдашних председателя Вьетнамской академии общественных наук проф. До Хоай Нама и директора Института китайских исследований ВАОН проф. До Тиен Шама членами Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии с присвоением им званий Почетных докторов ИДВ РАН за «выдающиеся заслуги в изучении актуальных проблем экономического развития Восточно-Азиатского региона, за огромный вклад в развитие российско-вьетнамского научного сотрудничества и укрепление традиционных дружеских связей между учеными Вьетнама и России». Сегодня каждого, кто приходит на четвертый этаж ИДВ РАН, где находятся приемная директора и зал заседаний Ученого совета, встречают на стене в коридоре портреты двух вьетнамских почетных докторов нашего института.

Михаил Леонтьевич неоднократно посещал Вьетнам с научными командировками или по приглашению вьетнамских друзей. Особенно тесные научные и дружеские связи сложились у него, естественно, с Институтом китайских исследований ВАОН. Его тогдашний директор проф. До Тиен Шам, другие вьетнамские китаеведы были частыми гостями ИДВ РАН, и академик Титаренко всегда тепло принимал их. А в апреле 2008 года по инициативе проф. До Тиен Шама в Ханое состоялась российско-вьетнамская научная конференция на тему «Китай в начале XXI века». Команду вьетнамских ученых возглавлял проф. До Тиен Шам, а с российской стороны в конференции участвовали директор ИДВ РАН академик Титаренко, заместитель директора проф. Островский А.В., ведущий научный сотрудник Уянаев С.В., ведущий научный сотрудник Мазырин В.М. По итогам этой конференции, которые стороны оценили весьма высоко, в 2010 году в городе Хошимине вышло в свет на вьетнамском языке совместное монографическое исследование под названием «Китай в начале XXI века», ответственными соредакторами и авторами предисловия и заключения которого выступили академик М.Л. Титаренко и проф. До Тиен Шам.

Труды академика М.Л. Титаренко пользовались и продолжают пользоваться огромной популярностью во Вьетнаме. Благодаря инициативе проф. До Тиен Шама и сотрудников Института китайских исследований ВАОН, наиболее значительные его книги были оперативно переведены на вьетнамский язык и изданы в прекрасном оформлении. Прежде всего, это фундаментальный труд «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» (в соавторстве) и «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии». Перевод этих огромных по объему научных трудов довольно оперативно и хорошим научным языком осуществил сотрудник Института китайских исследований ВАОН, большой друг ИДВ РАН и нашего Центра д-р До Минь Као.

В его же переводе в журнале Института китайских исследований регулярно публиковались статьи академика М.Л. Титаренко. Вот краткий перечень этих статей, к которым проявляли большой интерес вьетнамские китаеведы и широкий

читатель: «Несколько слов об Институте Дальнего Востока РАН (№ 2, 2001); «Усиление и возвышение Китая» (№ 1, 2007); «Комплексная оценка развития Китая в XXI веке» (№ 5, 2009); «Вызревание новой геополитической ситуации в Восточной Азии и роль России» (№ 1, 2016).

В 2011 году Институт китайских исследований ВАОН предложил ИДВ РАН реализовать совместный проект на тему «“Мягкая сила” Китая и ее воздействие на Вьетнам и Россию». ИДВ РАН подготовил заявку в Российский гуманитарный научный фонд на указанную тему и получил на два года грант для реализации совместного российско-вьетнамского проекта. Для подведения итогов совместной работы вьетнамская сторона предложила провести в Ханое 23 ноября 2012 года научный симпозиум с участием российских и вьетнамских ученых. А в 2015 году в Москве вышла на русском языке коллективная монография «“Мягкая сила” Китая в отношениях с внешним миром» с глубоким по содержанию предисловием академика Титаренко.

Тесные рабочие контакты Михаил Леонтьевич поддерживал и с Государственной политической академией Хо Ши Мина, где он несколько раз выступал с интересными докладами перед коллективом сотрудников академии. В 2013 году при его активном содействии было подписано Соглашение между ИДВ РАН и Академией Хо Ши Мина о масштабном сотрудничестве сроком на 10 лет. Соглашение, в частности, предусматривало подготовку совместных трудов на тему «Россия—Вьетнам—АСЕАН», а также проведение научных мероприятий по случаю 125-летия со дня рождения Хо Ши Мина. 19 мая 2015 года в Санкт-Петербургском университете состоялась международная конференция с участием двух высоких вьетнамских делегаций и вьетнамцев из Москвы и Санкт-Петербурга, результатом которой стало издание сборника докладов «Духовное наследие Хо Ши Мина и современность» на русском и вьетнамском языках, в Ханое и Москве были проведены совместные научные симпозиумы.

В феврале 2016 года, узнав о кончине академика М.Л. Титаренко, ректор Академии Хо Ши Мина проф. Та Нгок Тан прислал в ИДВ РАН проникновенное письмо соболезнования, где были такие строки: «Академик Михаил Леонтьевич Титаренко был крупным ученым, верным партнером и достойным уважения другом Государственной политической академии Хо Ши Мина. Его безвременная кончина — это огромная утрата не только для Института Дальнего Востока, для Российской академии наук, для его семьи, друзей и близких, но также и для нашей академии, для всех его коллег во всем мире».

Самое последнее по срокам «соприкосновение» Михаила Леонтьевича с Вьетнамом и вьетнамской тематикой стало его участие в совместном исследовании ученых ИДВ РАН и Института китайских исследований ВАОН на тему «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии», инициированном Центром изучения Вьетнама и АСЕАН и проведенном за счет гранта РГНФ № 14-27-09001 в 2014—2015 гг. В этом исследовании, первом столь масштабном в практике двустороннего российско-вьетнамского сотрудничества, принял участие большой коллектив ведущих специалистов с обеих сторон: 10 российских и 7 вьетнамских.

В мае 2016 года в Ханое была издана коллективная монография «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии», которая открывается двумя вступительными статьями: вице-президента ВАОН Нгуен Куанг Тхуана «Проблемы и возможности сотрудничества в области нетрадиционной безопасности» и академика М.Л. Титаренко «Формирование новой геополитической ситуации в Вос-

точной Азии и роль России». В российской версии этого совместного труда, названной «Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии», который вышел в свет в 2016 году, помещены две весьма интересные для читателя статьи академика М.Л. Титаренко: «Вызревание новой геополитической ситуации в Восточной Азии» и «Национальные интересы и роль России в Восточной Азии (в соавторстве с главным научным сотрудником ИДВ РАН Петровским В.Е.)».

Научные достижения Михаила Леонтьевича получили высокую оценку не только со стороны вьетнамских научных кругов, его коллег и друзей, но и со стороны вьетнамского государства. В 2009 году он был удостоен почётного знака Социалистической Республики Вьетнам «За вклад в развитие общественных наук», а 28 апреля 2014 года, в тот день, когда ему исполнилось 80 лет, Президент СРВ Чыонг Тан Шанг подписал Указ о награждении его Орденом Дружбы. В указе говорилось: «Наградить Орденом Дружбы Михаила Леонтьевича Титаренко, директора Института Дальнего Востока РАН, председателя Комиссии по сотрудничеству в области общественных наук между ВАОН и РАН за активный вклад в общественные науки и развитие отношений дружбы между Вьетнамом и Российской Федерацией».

В день безвременной кончины Михаила Леонтьевича я сообщил об этом д-ру До Минь Као — все-таки его можно считать своеобразным «вьетнамским соавтором» академика Титаренко, ведь именно через «его вьетнамский язык» коллеги академика во Вьетнаме и широкий вьетнамский читатель знакомились с содержанием его книг и статей. Кроме того, оба они были друзьями и единомышленниками, да и когда Михаил Леонтьевич приезжал во Вьетнам д-р До Минь Као постоянно сопровождал его как личный переводчик.

До Минь Као быстро откликнулся на мое скорбное сообщение и прислал очень теплое и содержательное письмо, с которым я считаю своим долгом ознакомить читателя.

Вспоминаю академика Михаила Титаренко —
Учителя, Старшего брата, Друга

Я был еще во Вьетнаме (в настоящее время д-р До Минь Као проживает в Австралии — Е.К.), когда узнал о том, что Академик Титаренко ушел в мир иной. Для меня он всегда был как Учитель, Старший брат, Друг.

Книги и статьи Академика, которые я читал и большую часть из которых переводил на вьетнамский язык, позволили мне узнать о самых разнообразных методах его научной работы: подбор темы, постановка проблемы и ее решение, формулирование необходимых выводов. И что особенно важно, его научные подходы очень сильно помогли мне в моих собственных исследованиях, делали их с каждым днем все более качественными и непременно вносили в них необходимый полезный вклад.

Есть среди книг Академика такие, насколько я их понимаю, которые представляют собой теоретическую и научную основу для политического и дипломатического направления развития России. Его труды, которые я имел честь переводить на вьетнамский язык, например, «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии», изданный в России в 2008 году, являются, на мой взгляд, немалым вкладом в формирование Азиатской политики и Политики поворота на Восток Президента В. Путина (Насколько мне известно, Академик даже имел телефон прямой связи с Президентом РФ). Россия осуществляла и продолжает осуществлять новую европейско-азиатскую Концепцию, и Академик был одним из тех, кто закладывал ее фундамент, особенно в вышеназванной его книге. Благодаря широкому научному кругозору и тонкому политическому чутью, Академик указывал

на необходимость для России иметь отношения «стратегического партнерства» с Китаем. Россия должна повернуться к Востоку, чтобы сбалансировать евроазиатскую стратегию, как на то и указывает двуглавый орел, которого Россия издавна избрала своим символом. Ведь США тоже осуществляли и осуществляют «разворот в сторону Азии».

В своих трудах и в кулуарных беседах Академик высказывал мысли и одновременно советы прогностического характера, очень важные для Вьетнама. В настоящее время, считал он, надо координировать действия с ШОС — организацией, которая добилась крупных успехов в сотрудничестве в борьбе против терроризма, сепаратизма, торговли наркотиками, незаконной продажи оружия, внесла позитивный вклад в обеспечение международной и региональной (что касается АСЕАН) безопасности. Если это станет реальностью, то это позволит еще больше повысить роль АСЕАН в сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и одновременно еще более стабилизирует обстановку в АТР. Этот фактор станет полезным и для борьбы Вьетнама за сохранение суверенитета и безопасности.

Академик считал, что в пограничных вопросах, особенно по проблеме Восточного (Южно-Китайского — Е.К.) моря, Вьетнаму надо как можно скорее искать способы их решения с Китаем. Он считал, что как только новое поколение руководителей встанет в Китае у власти, Вьетнаму будет гораздо труднее пытаться решить эти проблемы. Это уже будут люди, полностью находящиеся под влиянием Запада, прагматики, мало питающие чувства дружбы к Вьетнаму. В совместных с нашим Институтом научных трудах Академик излагал сценарий «конфликта низкой напряженности», который Китай может предпринять в Восточном море. Действительно, нынешняя ситуация в Восточном море в отношениях между Вьетнамом и Китаем развивается в духе тех сценариев, которые Академик предвидел, и Вьетнам оказался лицом к лицу со многими трудностями.

Академик всегда был большим другом как общественных наук в целом, так и Вьетнама, в частности. Что касается Вьетнамской академии общественных наук и особенно нашего Института китайских исследований, то Академик сделал для них очень много важного и полезного. Он явился инициатором четырех совместных научных проектов, результаты которых были опубликованы на двух языках — в России и во Вьетнаме, и эти публикации получили высокую оценку читателей как в нашей стране, так и за рубежом. Большое число статей и книг Академика были переведены и представлены во Вьетнаме.

До Минь Као любезно прислал для сборника воспоминаний об академике М.Л. Титаренко, который был издан в ИДВ РАН, фото обложек его книг и коллективных сборников с его статьями на вьетнамском языке.

Сотрудничество с вьетнамскими учеными

Одну из своих главных задач в качестве руководителя созданного в ИДВ РАН Центра изучения Вьетнама и АСЕАН я видел в работе по установлению и налаживанию научного сотрудничества и деловых связей с институтами Вьетнамской академии общественных наук (ВАОН), прежде всего с Институтом изучения Китая, Институтом европейских исследований, Институтом Юго-Восточной Азии. Руководство ВАОН высоко отметило эти мои усилия, наградив меня в 2013 году

памятной медалью Академии общественных наук Вьетнама «За достижения и вклад в развитие общественных наук».

Особенно тесные и взаимопользные отношения сложились у нас с Государственной политической академией Хо Ши Мина и входящими в нее институтами — всего их семь: научной информации, экономики и развития, культуры и развития, социологии и психологии, государства и права, изучения прав человека, изучения верований и религии и Институт истории Коммунистической партии Вьетнама.

Начиная с 2014 года в каждом очередном выпуске нашего журнала «Вьетнамские исследования» мы неизменно публиковали статьи сотрудников Академии. В свою очередь, в 2015 году, по случаю 125-летия со дня рождения Хо Ши Мина, руководство Академии организовало и спонсировало переиздание в дополненном виде на вьетнамском языке моей книги о Хо Ши Мине из серии ЖЗЛ, а также изданного Обществом российско-вьетнамской дружбы сборника «Россияне о Хо Ши Мине», где я выступил в роли автора-составителя.

В мае 2013 года мы приняли в ИДВ РАН делегацию Академии во главе с ее ректором Чан Нгок Таном и подписали соглашение о сотрудничестве с входящим в Академию Институт истории Коммунистической партии Вьетнама. Речь в соглашении шла об обмене научными изданиями, совместными исследованиями с публикацией их итогов на двух языках, взаимным приглашением и участием научных сотрудников обеих сторон в научных конференциях, проводимых во Вьетнаме и России, и о многом другом. Приятно поразило нас то, что вьетнамские друзья, понимая финансовые трудности нашего института, выразили готовность оплачивать расходы по пребыванию представителей ИДВ РАН во Вьетнаме и об оплате проезда своих делегаций в Москву.

В сентябре 2014 года Академия Хо Ши Мина пригласила представителей нашего Центра в Ханой для участия в международной конференции «Развитие сотрудничества между Вьетнамом — АСЕАН и Российской Федерацией: современное состояние и перспективы». От нашего Центра поехали Г.М. Локшин и я. В конференции, помимо большого числа вьетнамских ученых, участвовали представители всех стран — членов АСЕАН. Григорий Михайлович в своем выступлении дал анализ 50 лет становления и развития АСЕАН. Я же посвятил свой доклад, с которым уже по традиции выступил на вьетнамском языке, теме отношений России и АСЕАН.

Обращая внимание на стратегическую важность этих отношений, я отметил, что от того, как будут складываться отношения между Россией и АСЕАН, в немалой степени зависит, какие тенденции развития возобладают в АТР в предстоящие десятилетия. Россия неизменно и последовательно поддерживает усилия АСЕАН по превращению ЮВА в «регион прочного мира, стабильности и устойчивого экономического развития», как это записано в Хартии АСЕАН, принятой в 2008 году. По всем главным вопросам мирового развития позиции России и АСЕАН совпадают, либо очень близки.

По мнению вьетнамских экспертов, «многоплановое сотрудничество России и АСЕАН — важный фактор укрепления стабильности и процветания в регионе АТР. Россия считает АСЕАН своего рода «ядром» процесса интеграции региона АТР, и укрепление сотрудничества с АСЕАН — одна из первостепенных задач России. Сознывая конструктивную и важную роль России в мировых делах, стра-

ны АСЕАН выступают за более широкое ее участие в процессах интеграции в Азии и в решении важных проблем этого региона»¹.

Позиции России в АСЕАН подкрепляет то обстоятельство, что в составе этой организации она имеет очень важного и надежного партнера — Вьетнам, который является сегодня одним из ведущих ее членов. На современном этапе российско-вьетнамские отношения являются, бесспорно, важным фактором обеспечения мира и безопасности как в ЮВА, так и в целом в АТР. Их международная значимость особенно возросла после подписания в 2001 году исторического двустороннего документа — Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам.

В политических элитах стран АСЕАН понимают, что Россия в качестве великой мировой и азиатской державы с мощным военным потенциалом и как постоянный член Совета Безопасности ООН была и остается существенным фактором поддержания мира и стабильности в регионе. Она может и должна играть важную роль в формировании будущей системы безопасности в АТР и в ЮВА — как в качестве активного участника, так и надежного гаранта договоренностей.

После конференции ректор Академии организовал для российских участников запоминающуюся культурную программу — повез нас в места моей молодости, горный курорт Тамдао. Это был уже не тот прежний поселок из деревянных строений, который я помнил, а почти современный курортный комплекс. Вместе с тем, на прежнем, привычном месте находился все тот же бассейн с холодной горной водой, в котором я любил купаться летом 1959 года; в легкие вливался все тот же чистый, пахнущий соснами воздух; все та же необозримая панорама открывалась с балкона гостиницы, и у меня сладко и тревожно защемило сердце — как много и безвозвратно прошло лет. Поездка в любимое Тамдао запомнилась еще и тем, что нас сопровождала победительница конкурса «Мисс Вьетнама», вьетнамская красавица ростом под метр восемьдесят — вот такое новое поколение растет в стремительно развивающемся Вьетнаме.

В 2016 году исполнилось 30 лет реализации нового стратегического курса развития Вьетнама — политики обновления, которая кардинально изменила лицо современного Вьетнама, вывела его из социально-экономического кризиса и превратила, по критериям ООН, в страну среднего уровня развития. Этот оправдавший себя курс получил дальнейшее продолжение и совершенствование на XII (2016) и XIII (2021) съездах КПВ.

По инициативе Владимира Моисеевича Мазырина было принято решение посвятить очередную международную научную конференцию Центра теме политики обновления, которая и прошла в ИДВ РАН в октябре 2016 года. В сообщении о результатах конференции мы отмечали, что указанная тема интересна для политологов и экономистов тем, что в СРВ осуществляется на наших глазах эксперимент строительства «рыночной экономики с ориентацией на социализм», формируется новая модель развития, что ставит дискуссионные вопросы теоретического характера. Также рождается новое мышление, означающее изменение образа жизни и менталитета вьетнамцев, что создает поле исследования для социологов, психологов, филологов и др.

¹ Vai trò của Việt Nam trong ASEAN. Nhà xuất bản Thông Tấn. Hà Nội, 2007. С. 125.

Я выступил с докладом «Внешняя политика как катализатор процессов обновления», где обратил внимание слушателей на то, что одним из базовых факторов принятия в 1986 году VI съездом КПВ решения о переходе к политике «дой мой» стало кардинальное изменение концептуального подхода вьетнамского руководства к вопросу о соотношении экономики и политики. Вьетнамское руководство пришло к выводу, что на пороге XXI века борьба за развитие и экономический прогресс становится фундаментом не только материального процветания страны, но и ее комплексной национальной безопасности. В этих условиях в рамках политики «дой мой» Ханоем была взята на вооружение принципиально новая внешнеполитическая стратегия, которая позволила в корне изменить к лучшему международный имидж Вьетнама и тем самым обеспечить максимально благоприятные внешние условия для мощного экономического рывка.

В основу новой внешнеполитической стратегии была положена формула VI съезда КПВ: проводить независимую, самостоятельную, многовекторную внешнюю политику; диверсифицировать внешнеполитические связи, инициативно и активно участвовать в международной интеграции; быть достойным доверия другом и партнером международного сообщества. В рамках этой стратегии СРВ вступила в ряды АСЕАН, нормализовала отношения с Китаем и США, подписала соглашения о сотрудничестве с Европейским Союзом, установила отношения всеобъемлющего стратегического партнерства с Россией.

В результате целенаправленной политики запущенный руководством СРВ процесс интегрирования страны в мировое сообщество приносит с каждым годом все более весомые результаты. Сформирован внушительный и в целом эффективно функционирующий институциональный и идеологический каркас международной интеграции. Страна располагает необходимым для реализации данного курса отрядом квалифицированных кадров. Благодаря возросшему политическому и экономическому потенциалу существенно возросли возможности обеспечения равноправного участия страны в делах мирового сообщества, как в политике, так и в экономике.

В конференции приняли участие около 50 исследователей из российских академических учреждений, университетов и практических организаций. Вьетнам представляли ученые Академии общественных наук — из институтов европейских исследований и китаеведения. По итогам конференции в ИДВ РАН вышел 7-й выпуск наших «Вьетнамских исследований» под заголовком «Опыт обновления во Вьетнаме: современность и история».

В 2017 году во Вьетнаме было широко отмечено 100-летие Великой Октябрьской революции. 5 ноября ЦК КПВ, Национальное собрание Вьетнама, правительство СРВ, Отечественный фронт Вьетнама и Народный комитет Ханоя организовали официальную церемонию празднования этого события, на которой выступил Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг. Он дал глубокий анализ двуединого процесса победного развития и трагического распада детища Октябрьской революции — Советского Союза, подчеркнув, что «глубинными причинами такого исхода явилось то, что в процессе строительства социализма в Советском Союзе, наряду с достижениями исторического и международного значения, не были своевременно обнаружены и исправлены недостатки и ошибки, особенно конфликты, которые возникли в процессе строительства нового

общества, а также произошел отход высших руководителей партии того времени от основных принципов марксизма-ленинизма».

Нгуен Фу Чонг, следуя неизменной традиции вьетнамского руководства, вновь напомнил о том, что «Советский Союз всегда оказывал нашему народу большую поддержку, помогая нашей армии и народу одержать славные победы в войнах Сопrotивления и в деле обновления и социально-экономического развития... Пользуясь случаем, мы еще раз выражаем глубокую благодарность народам Советского Союза за благородную международную солидарность, драгоценную большую поддержку и помощь, оказанную ими нашему народу»¹.

Финальным аккордом праздничных мероприятий стало проведение в Ханое 22 ноября международной научной конференции «Влияние революции 1917 года в России на революционное движение во Вьетнаме» и открытие в Музее Хо Ши Мина выставки архивных документов Госархивов России и СРВ под таким же названием. В качестве организаторов конференции и выставки выступили: Ханойский государственный университет, Российский центр науки и культуры в Ханое, Российское Федеральное архивное агентство, Государственное управление по делопроизводству и архивному делу МВД Вьетнама.

Я был приглашен на конференцию как консультант документального исторического кинофильма о Хо Ши Мине, снятого по случаю 100-летия Октябрьской революции российской Группой компаний «ТЭЛОС», которая любезно оплатила расходы по моей поездке и проживанию в гостинице в Ханое. Конференция проходила в новом здании моей второй «альма-матер» — Ханойского государственного университета на улице Суан Тхюи.

В рамках конференции работало несколько разных секций. Естественно, я выбрал историческую секцию, которая акцентировала внимание на наиболее близких мне темах:

а) творческое осмысление идей марксизма-ленинизма в трудах Хо Ши Мина;

б) влияние Великой Октябрьской революции на дальнейшее развитие советско/российско-вьетнамских отношений;

в) итоги и уроки Великой Октябрьской революции.

По традиции я выступил на вьетнамском языке с докладом «Великая Октябрьская революция и Вьетнам», сосредоточив внимание на двух вопросах: основные уроки Октябрьской революции и творческое их применение Хо Ши Мином и КПВ.

Итак: Октябрьская революция стала первой в мировой истории попыткой построения неантагонистического общества, создания государства рабочих и крестьян, поэтому ошибок и просчетов, подчас очень серьезных, трудно было избежать. Так, по мнению ряда наших историков, которое я разделяю, большим просчетом большевиков было то, что они отказались от всякого сотрудничества с другими социалистическими партиями — меньшевиками, левыми и правыми социалистами-революционерами, а затем даже объявили их более опасными врагами для дела революции, нежели монархисты и буржуазные партии.

Не менее серьезной ошибкой стала политика большевиков в отношении религий и их служителей, особенно гонения против православной церкви, которая до революции занимала господствующие позиции в российском обществе. Про-

¹ Nhân dân. 06.11.2017.

возгласив формально свободу вероисповедания, большевики одновременно обрушили жестокие репрессии на служителей православной церкви и верующих.

Наконец, крайне тяжелые морально-политические последствия для борьбы за победу социалистической революции имела так называемая акция «революционного возмездия» — внесудебная казнь в 1918 году бывшего царя Николая II и его семьи. Эта жестокая акция сплотила контрреволюционные силы, вызвала широкое международное осуждение и надолго осложнила положение большевиков как в стране, так и, особенно, на международной арене.

Как показали дальнейшие события, именно эти три перечисленных выше фактора явились одними из главных причин того, что разразившаяся в России гражданская война приобрела крайне ожесточенный, кровопролитный характер и продолжалась долгих три года. Гражданская война не только нанесла огромный ущерб экономике страны, вызвав невиданную разруху, но и привела к колоссальным человеческим жертвам. С учетом того, что в таких войнах погибают, как правило, самые лучшие представители нации, причем с обеих воюющих сторон, был резко подорван интеллектуально-моральный генофонд как российского народа в целом, так и будущего социалистического государства.

В 1980-е годы эти «ошибки» большевиков, особенно, две последние, были весьма эффективно использованы в информационно-пропагандистской войне доморожденных либералов и их западных учителей и спонсоров против Советской власти, завершившейся в 1991 году трагическим распадом великой державы — Советского Союза.

Президент Хо Ши Мин до победы Августовской революции несколько лет прожил в Советском Союзе — учился в политических учебных заведениях и работал в Восточном отделе Исполкома Коминтерна. И, разумеется, в эти годы он глубоко изучил как основы марксизма-ленинизма, так и практический опыт Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. И это позволило ему в руководстве вьетнамской революцией избежать самых роковых ошибок большевиков и проторить путь революции, наиболее точно отвечавший особенностям политического развития Вьетнама и национального менталитета вьетнамцев.

Хо Ши Мин стал для вьетнамцев подлинным символом национальной солидарности. Оставаясь всегда на позициях трудового народа, он вместе с тем умел привлечь на сторону революции представителей национальной буржуазии, помещиков, интеллигенции, что позволяло на наиболее трудных ее этапах противопоставлять внешним врагам широкий национальный союз.

Именно эти качества позволили Хо Ши Мину стать инициатором и активным поборником стратегии единого широкого национального фронта на каждом конкретном этапе вьетнамской революции, и эта стратегия на долгие годы стала мощным оружием в руках вьетнамского народа. Созданный в мае 1941 года Фронт Вьетминь был открыт для всех вьетнамских патриотов, независимо от их классовой и социальной принадлежности, и именно под лозунгами и флагами Вьетминя победила Августовская революция 1945 года.

Далее: одним из основных положений программы Вьетминя являлся последовательный курс на реализацию принципа свободы вероисповедания (сегодня это статья 24 Конституции СРВ). Во Вьетнаме и сегодня верующие — буддисты, католики, протестанты — вправе быть принятыми в партию, если они этого заслуживают; в свою очередь, члены КПВ имеют право быть верующими.

И, наконец, отношение революции к монарху. В 1945 году революционное правительство во главе с Хо Ши Мином не стало насильственно свергать императора Бао Дая, ему предложили добровольно отречься от престола. Более того, Хо Ши Мин предложил ему занять пост Верховного советника революционного правительства, на что Бао Дай с радостью согласился, так как, хорошо зная историю революций в Англии, Франции и России, естественно, страшился совсем другой участи.

Понятно, что этот раздел моего доклада был воспринят вьетнамской аудиторией с наибольшим интересом. Доклад получил высокую оценку вьетнамских и международных участников, мое выступление на конференции было показано по Центральному вьетнамскому телевидению. По завершении конференции редакция журнала “*Tạp chí lịch sử Đảng*” (журнал Истории Партии) — органа Государственной политической академии Хо Ши Мина обратилась ко мне с просьбой разрешить опубликовать текст доклада на страницах журнала, где он вскоре и появился в последнем, 12 номере 2017 года.

К сожалению, пандемия Ковид-19 внесла неприятные коррективы в наше научное сотрудничество с вьетнамской стороной. Последняя по счету научная конференция в Ханое, в которой я принял участие, состоялась в ноябре 2019 года, и организовала ее опять-таки Академия Хо Ши Мина. 25 ноября в соответствии с Соглашением о сотрудничестве между ИДВ РАН и Институтом истории партии Государственной политической академии Хо Ши Мина, в Ханое состоялась совместная научная конференция на тему, которую предложила вьетнамская сторона: «Отношения между Коммунистической партией Вьетнама и Коммунистической партией Советского Союза в двух войнах Сопротивления вьетнамского народа (1945—1975): история и опыт». От нашего Центра были приглашены трое: руководитель Центра проф. Мазырин В.М., научный сотрудник Никулина Е.В. и я. Конференция проходила на территории обширного комплекса Академии, и поселили нас в фешенебельном *nhà khách*, гостевом доме Академии.

Вьетнамская сторона приложила максимум усилий, чтобы продемонстрировать значимость конференции и избранной темы. В конференции приняли участие около 50 вьетнамских ученых. Кроме ученых, в конференции приняли также участие представители практических организаций СРВ, которые в прошлом были активно задействованы в советско-вьетнамском сотрудничестве: бывший заместитель премьер-министра Ву Кхоан, бывший министр торговли Чыонг Динь Туен, представители руководителей подразделений Академии Хо Ши Мина и другие.

В выступлениях руководителей Института истории партии и на его сайте отмечалось, что конференция была организована с целью «выяснения руководящих принципов и взглядов» Коммунистической партии Вьетнама и президента Хо Ши Мина в отношении установления и развития сотрудничества между Коммунистической партией Вьетнама и Коммунистической партией Советского Союза в период 1945—1975 гг., уточнения характера и содержания отношений между двумя партиями, подтверждения непреходящих ценностей этих отношений и извлечения уроков прошлого, чтобы тем самым способствовать укреплению всеобъемлющего стратегического партнерства между Вьетнамом и Российской Федерацией в современных условиях.

Проректор Академии Хо Ши Мина Нгуен Вьет Тхао в своем выступлении на открытии конференции сразу обратил внимание участников на следующий важный факт: отношения между Коммунистической партией Вьетнама и Коммунистической партией Советского Союза берут свое начало с далеких времен — с 20-х годов XX века, когда Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) нашел путь спасения родины для народа Вьетнама — это путь Ленина и Октябрьской революции в России. В ходе двух войн Сопротивления вьетнамского народа эти отношения неуклонно углублялись и стали прекрасной традицией партий и народов двух стран. «Связи между Коммунистической партией Вьетнама и Коммунистической партией Советского Союза стали прекрасным образцом внешнеполитических отношений, исполненных чувств светлой и верной солидарности и дружбы».

Многие докладчики акцентировали внимание на том, что в сегодняшних условиях основы прочных отношений между двумя странами, которые существовали длительный период истории, необходимо поддерживать и развивать в новой обстановке, чтобы «продолжать углублять, строить и развивать прекрасные чувства дружбы между народами двух стран, упрочивать отношения всеобъемлющего стратегического партнерства между Вьетнамом и Российской Федерацией».

Сильное впечатление на участников конференции произвело выступление бывшего секретаря ЦК КПВ, заместителя премьер-министра ДРВ Ву Кхоана. В 1965—1980 гг. он работал переводчиком русского языка с Хо Ши Мином, Фам Ван Донгом и другими вьетнамскими руководителями, поэтому был участником и свидетелем самых разных событий и коллизий в советско-вьетнамских отношениях. В своем эмоциональном выступлении он рассказал о малоизвестных фактах развития этих отношений, причем с позиций симпатии к нашему народу. В результате участники конференции, включая и российских, получили возможность по-новому взглянуть на особенности сотрудничества в эти годы между КПСС и КПВ, между правительствами СССР и СРВ.

Трое приглашенных сотрудников Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН выступили на вьетнамском языке с обширными научными докладами. Проф. Мазырин ознакомил участников конференции с дискуссионными вопросами влияния КПСС на экономическую политику Компартии Вьетнама в период с середины 1950-х годов до объединения страны, разоблачив при этом мифы, поддерживаемые западными учеными и вызванные непониманием или намеренным искажением реального характера советско-вьетнамских отношений и механизмов принятия решений во вьетнамском руководстве.

В докладе Никулиной была освещена роль КПСС и Советского правительства в международном признании ДРВ, проведении Женевской конференции по восстановлению мира в Индокитае. Докладчица подробно рассказала о разнообразных контактах советских руководителей и дипломатов с американской стороной и их воздействие на американские власти в направлении решения вьетнамской проблемы в интересах вьетнамского народа. Никулина на конкретных примерах показала огромную роль общественных движений и организаций в борьбе против американской агрессии и прекращении войны во Вьетнаме.

Мой доклад назывался «Сотрудничество КПСС и КПВ в сфере политики, идеологии, безопасности (1945—1975)». В нем я акцентировал внимание на широкой военной помощи и политической поддержке ДРВ и НФОЮВ со стороны Советского Союза. При этом я основывался на данных, приведенных в двух книгах, выпущенных в 2000 и 2005 гг. Институтом военной истории министерства

обороны СССР. Так, я отметил, что начиная с 1965 года, по итогам визита в Ханой Косыгина и Андропова, и подписанных двусторонних соглашений, Народная армия Вьетнама в рекордно быстрые сроки была оснащена современным советским вооружением: противовоздушными ракетами, зенитной артиллерией, истребительной авиацией и другими видами боевой техники. Всему этому я был и лично свидетелем, и о многом узнавал от сотрудников посольства и военного атташата в годы работы корреспондентом ТАСС во Вьетнаме.

Одновременно наша страна направила в ДРВ военных специалистов широкого профиля, которые на месте занимались сборкой и наладкой военной техники. За короткое время тысячи вьетнамцев овладели современными видами зенитно-ракетной техники и уверенно вступили в бой с вражеской авиацией. Советские военные училища приняли большое число молодых вьетнамских курсантов, которые обучались по ускоренным программам и направлялись во вновь формируемые военно-воздушные войска ДРВ.

Опираясь на бескорыстную помощь нашей страны, вьетнамское политическое и военное руководство постепенно сумело превратить Северный Вьетнам в поистине неприступную крепость, которую безуспешно штурмовали в течение почти 8 лет авиация и корабли 7-го военного флота США. Созданную в ДРВ высокоэффективную, оснащенную современным вооружением и техническими средствами общенациональную систему противовоздушной обороны американские генералы оценили впоследствии как «одну из самых мощных систем ПВО, когда-либо имевших место в истории войн».

Действительные масштабы весьма значительной по объему и эффективности военно-технической помощи Вьетнаму со стороны СССР иллюстрируют следующие красноречивые цифры. С 1953 по 1991 годы СССР поставил ДРВ: 2000 танков, 1700 БТР, 7 тысяч орудий и минометов, свыше 5 тысяч зенитных пушек и установок, 158 зенитно-ракетных комплексов, свыше 700 боевых самолетов, 120 вертолетов, свыше 100 боевых кораблей, введены в строй 117 военных объектов¹.

При этом нельзя не учитывать немаловажный вклад в победу вьетнамского народа советских военных специалистов. По данным Генерального штаба Вооруженных сил СССР, с 11 июля 1965 года по 31 декабря 1974 года в боевых действиях во Вьетнаме приняли участие 6359 офицеров и генералов и более 4,5 тысяч солдат и сержантов советских вооруженных сил².

В сентябре 2020 года Рособоронэкспорт совместно с издательством «Пента» выпустили в свет уникальный фотоальбом «Россия, Вьетнам: вехи военно-технического сотрудничества», приуроченный к 70-летию установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Демократической Республикой Вьетнам.

Впечатляет завершающий альбом небольшой рассказ моего многолетнего друга Ву Кхоана о том, как он подростком впервые в жизни ехал на советском грузовике МАЗ через уже освобожденную северную границу своей страны на учебу в СССР. Будучи сегодня прекрасным знатоком советской истории и рус-

¹ Война во Вьетнаме: Взгляд сквозь годы. Институт военной истории Министерства обороны РФ. М., 2000. С. 25.

² Война во Вьетнаме... Как это было (1965—1973). // Институт военной истории Министерства обороны РФ. М., 2005. С. 502.

ского языка, он предпослал своим воспоминаниям знаменитые слова Ольги Берггольц, которая во время Великой Отечественной войны была голосом блокадного Ленинграда: «Никто не забыт и ничто не забыто».

Помимо вооружения и военного имущества, необходимого для укрепления оборонной мощи, Советский Союз оказывал вьетнамскому народу в годы войны и всестороннюю экономическую помощь. Эта помощь способствовала срыву планов противника парализовать народное хозяйство ДРВ, вызвать в стране голод и разруху. При этом надо отметить, что значительная часть советской экономической помощи направлялась по тропе Хо Ши Мина (так в США называли проложенную в джунглях дорогу, по которой с Севера на Юг переправлялись вооружение и живая сила), и морем в Южный Вьетнам для нужд партизан и населения освобожденных районов.

Не меньшее значение имела постоянная политико-дипломатическая и моральная поддержка нашей страной борьбы вьетнамского народа. В этом контексте важное не только внутрисоветское, но и международное звучание приобретали периодические заявления съездов КПСС о неизменной поддержке борющегося Вьетнама, а также слова солидарности в совместных декларациях по итогам советско-вьетнамских встреч на высшем и других уровнях, которые регулярно проходили в те годы в Москве или Ханое. Особенно большой резонанс получило во Вьетнаме, как показывали мои беседы с вьетнамскими друзьями, весьма решительное и пророческое заявление XXIII съезда КПСС (1966): Осуществляя «эскалацию» постыдной войны против вьетнамского народа, агрессоры встретятся со все возрастающей поддержкой Вьетнама со стороны Советского Союза и других социалистических друзей и братьев. Вьетнамский народ станет хозяином на всей своей земле. И никому никогда не удастся погасить факел социализма, который высоко подняла Демократическая Республика Вьетнам¹.

Поддержка борющегося вьетнамского народа стала для миллионов советских людей не просто интернациональным долгом, а кровным делом. Застрельщиками в развертывании общенародной кампании солидарности выступали общественные организации, прежде всего — профсоюзы, молодежные и женские организации, Советский комитет защиты мира, Советский комитет поддержки Вьетнама, объединивший видных деятелей общественности, науки и культуры, Общество советско-вьетнамской дружбы и его многочисленные филиалы в союзных республиках.

В заключение хотелось бы отметить, что руководство Академии Хо Ши Мина уделяло нам подчеркнуто заботливое внимание. Все три наших доклада были опубликованы в периодическом издании Академии — «Журнале истории партии». Учитывая трудное финансовое положение ИДВ РАН, Академия оплатила расходы российских участников по пребыванию во Вьетнаме, а также выплатила гонорары тем российским авторам, которые не смогли принять участие в конференции, но прислали тексты своих докладов. И наконец, руководство Академии оплатило поездку трех российских участников на Юг Вьетнама в город Хошимин.

В этой связи стоило бы напомнить, что в отличие от десятков стран, которым бескорыстно помогал Советский Союз и которые тотчас же «забыли» об этом после его исчезновения, вьетнамский народ и сегодня конкретными акциями де-

¹ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 25.

монстрирует чувства признательности СССР/России за весомый вклад в его исторические победы. Так, 10 декабря 2009 года около аэропорта Камрань на территории бывшего пункта базирования кораблей ВМС СССР был торжественно открыт памятник советским, российским и вьетнамским военным, погибшим во Вьетнаме при исполнении служебного долга. В июне 2013 года в Ханое была проведена международная конференция на тему «90 лет со дня первого приезда Хо Ши Мина (Нгуен Ай Куока) в Россию». В докладах вьетнамских участников конференции прозвучали, нередко впервые, полные данные о размерах и характере военной помощи Вьетнаму со стороны СССР, о «неоценимом вкладе» советских военных специалистов в победу вьетнамского народа. И, как я уже говорил выше, в сентябре 2015 года на острове Титова в заливе Халонг был открыт памятник Герману Титову.

Юбилей — 80 лет. Заметки на полях

Воспоминания о своем жизненном пути хотел бы закончить, не скрою, приятной для меня юбилейной статьей. 2 мая 2018 года мне исполнилось 80 лет. Электронный журнал Центра изучения Вьетнама и АСЕАН «Вьетнамские исследования» решил отметить этот юбилей традиционной «хвалебной» статьей, которую написала научный сотрудник Центра Елена Вадимовна Никулина, с которой мы знакомы еще с 1980-х годов, когда она была сотрудником отдела радиовещания на Вьетнам Гостелерадио СССР. Привожу полный текст этой статьи, которая вызвала у меня самые приятные эмоции.

«Кобелеву Евгению Васильевичу — 80! Вся жизнь этого переводчика, журналиста, учёного посвящена Вьетнаму. В далеком 1956 году, окончив с золотой медалью школу в крымском Симферополе, Евгений приехал завоёвывать Москву и поступил в только что открывшийся Институт восточных языков при МГУ имени Ломоносова.

Многое в жизни Евгения Кобелева происходило с эпитетами «первый» и «самый». Он стал одним из группы первых советских студентов-вьетнамистов, которые по предложению Хо Ши Мина поехали в 1958 году на два года учиться в Ханойский университет. «Самым романтичным и памятным отрезком жизни» назвал Е. Кобелев годы учёбы в Ханое. Советские студенты наравне с вьетнамскими изучали все тонкости вьетнамского языка, читали и учили наизусть классические произведения вьетнамской литературы, а также народные казао. Прошло почти 60 лет, но до сих пор Евгений помнит большие отрывки из «Киеу» Нгуен Зу, много стихов и казао. А его дипломная работа, которую он защитил в 1962 году, вернувшись в Московский университет, была посвящена творчеству выдающейся вьетнамской поэтессы Хо Суан Хыонг. Для диплома Евгений впервые перевел на русский язык более 20 её стихотворений.

Еще будучи студентом, Евгений Кобелев стал одним из первых советских синхронных переводчиков вьетнамского языка. На XXII съезде КПСС в 1961 году ему доверили синхронный перевод приветственной речи возглавлявшего вьетнамскую делегацию Хо Ши Мина, который дал высокую оценку работе советского студента.

Евгений Кобелев совершенствовал знание вьетнамского языка и мастерство перевода с 1961 по 1964 год в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, где переводил на вьетнамский язык лекции по философии, политической экономии, истории КПСС и комсомольской работе для вьетнамских слушателей, которые ежегодно группами по 10—15 человек приезжали на учебу.

С 1964 по 1967 годы Е.В. Кобелев работал во Вьетнаме как журналист. Он стал самым молодым корреспондентом ТАСС, а затем и самым молодым заведующим корпунктом газеты «Правда» в зарубежных странах. Это было время напряженной и трудной работы под американскими бомбами и снарядами. «Никогда больше в своей жизни я не работал с таким невероятным напряжением сил, с такой страстной самоотдачей, — вспоминает Евгений Васильевич. — Не раз бывало, что я передавал в течение одних суток по пять-шесть корреспонденций». Во многом благодаря корреспонденциям Кобелева советские люди узнавали о героической борьбе вьетнамского народа против американской агрессии. Они были приметой времени и в этом качестве даже вошли в одну из книг писателей Вайнеров. За эту работу Евгений Кобелев был удостоен советского ордена Знак Почета. Самые яркие его впечатления о Вьетнаме тех лет вошли в книгу «Вьетнам, любовь и боль моя», вышедшую в 1972 году.

Как высококвалифицированного эксперта по Вьетнаму Е.В. Кобелева в 1968 году пригласили референтом в Международный отдел ЦК КПСС, где он курировал связи с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ). Он познакомился со всеми руководителями НФОЮВ, многие из которых стали его близкими друзьями. Его статьи и очерки о борьбе патриотических сил в Южном Вьетнаме регулярно появлялись в ведущих периодических изданиях Советского Союза. Богатый опыт организационной работы позволил Е.В. Кобелеву занять в 1987—1989 годах должность заместителя заведующего сектором Вьетнама, Лаоса и Камбоджи Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а в 1989—1991 годах — руководителя группы стран Индокитая Международного отдела ЦК КПСС. До 1973 года Евгений Васильевич являлся также членом Советского комитета поддержки Вьетнама, участвовал в международных конференциях солидарности с вьетнамским народом в Париже, Риме, Стокгольме, Хельсинки, Ханое, Москве.

В творческой биографии Е.В. Кобелева центральное место занимает тема Хо Ши Мина. В 1976 году по просьбе советского журнала «Новая и новейшая история» он написал исторический очерк «Хо Ши Мин — великий сын Вьетнама», который был опубликован в трех номерах журнала. Эта работа обратила на себя внимание широкого читателя, и редакция знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» предложила Кобелеву написать научно-художественную книгу о Хо Ши Мине.

В 1979 году в издательстве «Молодая гвардия» тиражом в 100 тысяч экземпляров вышла 600-я по счету в серии «Жизнь замечательных людей» книга «Хо Ши Мин» объемом 366 страниц. Книга пользовалась огромным успехом у советских читателей, поэтому в 1983 году она была переиздана вновь 100-тысячным тиражом. В дальнейшем эта книга была трижды издана на вьетнамском языке — в 1985, 1990 и 2010 годах и дважды на английском языке — в 1990 году в Москве и в 1995 году в Ханое. Кроме того, ее издали также в Болгарии, Казахстане, Монголии и Лаосе. Международное признание достоинств данной работы, не имеющей аналогов, поистине очевидно.

Накопленный в ходе практической работы богатый фактический материал побудил Евгения Васильевича активнее заняться научными исследованиями. В 1981 году Е.В. Кобелев защитил в Институте востоковедения Академии наук СССР диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук на тему «Политическая биография Хо Ши Мина», в которой были впервые введены в научный оборот ряд неизвестных или малоизвестных фактов из жизни и деятельности Хо Ши Мина, особенно в период его пребывания в 1923—1938 годах в Советской России. Из-под пера Е.В. Кобелева вышла также книга «Россияне о Хо Ши Мине».

С 1991 года начинается новый этап жизни Евгения Васильевича — непосредственное занятие наукой. Он становится старшим научным сотрудником Института востоковедения РАН, где публикует первое в России монографическое исследование, посвященное постсоветскому периоду вьетнамской истории — «Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация (1986—1997)», является автором нескольких глав в коллективных монографиях Отдела ЮВА ИВ РАН. С 2005 года Е.В. Кобелев — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. При его прямом участии в 2008 году в ИДВ был образован Центр изучения Вьетнама и АСЕАН (ЦИВАС) — первый в России специализированный «штаб» исследований проблем Юго-Восточной Азии, который он возглавлял в течение шести лет. Это небольшое по составу научное подразделение добилося серьёзных результатов, признания не только в отечественном, но и зарубежном научном мире. Центр проводит научные конференции с участием ведущих вьетнамоведов разных стран, ежегодно выпускает по 2—3 монографических исследования или сборника статей, публикует десятки статей в академических и других журналах России, Вьетнама и стран АСЕАН, регулярно представляет аналитические записки с конкретными предложениями для руководящих российских инстанций, сотрудничает с ведущими вьетнамскими научными учреждениями.

Евгений Васильевич продолжает собственные исследования. Он участвовал в написании уникального многотомного издания «Полная академическая история Вьетнама», вышедшего в 2014 году. В изданной ЦИВАС в 2014 году книге «Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон» он был ответственным редактором и автором предисловия и ряда важных разделов, так же как и в академическом труде «Современный Вьетнам. Справочник» (2015). Е.В. Кобелев активно сотрудничает с различными научными изданиями, регулярно публикует статьи о современном Вьетнаме, истории российско-вьетнамских отношений, ситуации в Юго-Восточной Азии, в том числе в периодическом издании ЦИВАС электронном журнале «Вьетнамские исследования», членом редколлегии которого является. Постоянно участвует в международных научных конференциях по актуальным проблемам вьетнамоведения.

Наряду с научной работой Е.В. Кобелев уделял много времени общественной деятельности в качестве первого заместителя председателя Общества российско-вьетнамской дружбы, имеющего филиалы в двух десятках регионов России и проводящего большую работу по развитию и укреплению российско-вьетнамских гуманитарных связей.

Вьетнамское правительство высоко оценило многогранную деятельность Е.В. Кобелева. Он награжден вьетнамским Орденом Дружбы, памятным знаком Академии общественных наук Вьетнама «За достижения и вклад в развитие об-

ественных наук», памятным знаком Союза обществ дружбы Вьетнама «За мир и дружбу между народами».

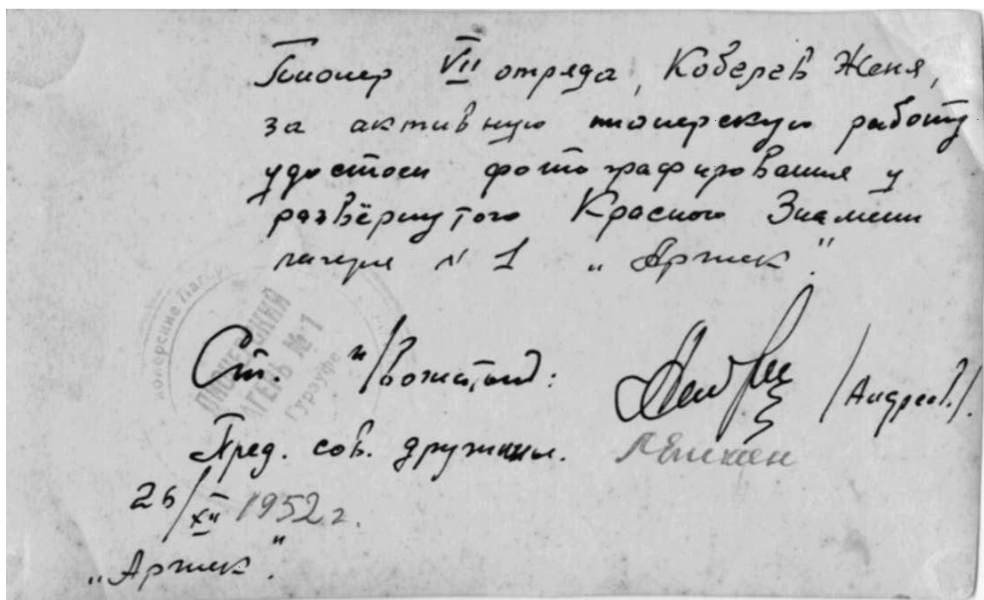
Евгения Васильевича отличают редкие человеческие качества: простота в общении с людьми, искренность и умение завоевать их доверие, внимание и тактичность в отношении подчиненных, личная скромность, заботливое отношение к родным и близким.

Е.В. Кобелев — удивительно многогранный человек. Он пишет научные статьи и книги, говорит на нескольких языках, прекрасно переводит, пишет стихи, много путешествует. А еще Евгений Васильевич всю жизнь увлекается шахматами и пением. В 1956 году он стал чемпионом Крыма по шахматам среди юношей, а в зрелые годы дважды в составе шахматной команды Центрального дома ученых становился чемпионом спартакиад среди сотрудников министерств и ведомств РФ «За здоровую Россию». У Е.В. Кобелева великолепный баритон, и в его репертуаре не только множество песен на русском, украинском, вьетнамском, французском и английском языках, но и арии из опер и камерные произведения, которые очень любят слушать его коллеги и друзья.

За плечами Евгения Васильевича Кобелева — большой жизненный путь, наполненный творческим трудом на благо России и Вьетнама — страны, которую он хорошо знает и любит. Впереди — новые встречи, новые книги, новые проекты. Редакция и редколлегия журнала «Вьетнамские исследования», коллеги и друзья желают юбиляру здоровья, энергии и реализации всех его замыслов!

Женя Кобелев, удостоенный фотографирования у знамени Артека

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИСТЫ		
до революции		
1849г. Арендт Николай	1900г. Македонский Виктор	1956г. Кобелев Евгений
1853г. Щербань	1902г. Коропачинский Сергей	1957г. Новикова Ирина
1854г. Пенчула	Кудашев Мендель	Фрид Клара
1860г. Стевен Александр	Старобогатов Александр	1958г. Кочетов Юрий
Алгунджи, Берштейн	Шабловский Петр	Афанасьева Галина
Де-Селла, Люстинг	Штван Иван	1964г. Зубарева Светлана
Смоленский, Шляховский	Игонн Лейба	Линецкая Виктория
Эшлиман	Медвинский Евгений	Войнаровская Татьяна
1863г. Щастинцев	1904г. Харченко Самуил	Емельянцева Лилия
1864г. Буштаб	Черногубов Александр	Картышев Валерий
1865г. Шоста	1907г. Луценко Николай	Мазурец Александр
1867г. Брунс	1909г. Альянаки Левон	Розголюк Дмитрий
1869г. Эшлиман, Пергамент	1915г. Шульман Моисей	Северкова Людмила
Виноградов, Львов	1916г. Клименко Сергей	Свинарев Сергей
Яшин, Панкевич	1917г. Волков Николай	Фукс Борис
1876г. Берминов Василий	Матушевский Борис	1965г. Мавренко Нонна
1877г. Субашин	Ярош Иван	Журавлёва Галина
1879г. Богославский, Хаджи	1919г. Нестеров Владимир	Фрейндт Мария
Тринклер Николай	1920г. Курчатов Игорь	Кержнер Алла
880г. Келлер Александр	после революции	
Николаевко, Файнберг	1949г. Мозалевская Нелли	Химилина Эмилия
881г. Мураев	Святкина Жанна	Дударова Нина
882г. Лаппо-Данилевский	Шарина Евгения	Хорошева Светлана
Спиро Герман	1950г. Меерсон Людмила	Горелик Илья
Фридман Григорий	Буриченко Лидия	Корниенко Нина
83г. Загородский Сукар-Бер	Берестовская Диана	Перегуда Тамара
Фриде Наум	Гроссман Двоира	Приходько Лилия
18г. Пелдакас Наан	1951г. Пищулина Светлана	Левитан Лилия
Тугенгольц Александр	Козловская Стелла	1966г. Кирсанова Татьяна
Зеленецкий Вячеслав	Соколина Валентина	Гельфанд Нелли
Пугачев Сергей	Ушакова Зинаида	Ермушкина Татьяна
7г. Яковзон Виктор	1952г. Билик Зоя	Кондрашова Ирина
Хаджи Абрам	Шкурко Роммелия	Куюн Виктория
Кальевич Александр	Сытая Валентина	Книрель Юрий
Попов Владимир	Блажевич Александра	Байкова Ирина
Тихов Гавриил	Батышева Эльвира	Корниенко Татьяна
Державин Николай	Гольдберг Блюма	Котлярова Татьяна
Державин Алексей	Мороз Валентина	Рязанцева Тамара
Ольшанецкий Семён	Гаран Светлана	Заречный Виктор
Рубец Федор	Малкова Марина	Хайкина Евгения
Кимради Сергей	1954г. Сокурено Лилия	Могилей Елена
Бабалин Борис	Шепелевич Элеонора	1971г. Зименко Евгений
Пухарский Николай	Ключкина Нинель	Моргуненко Елена
Поль Карл	Каткова Светлана	1974г. Демидова Ирина
	Коселева Валентина	1975г. Гудошникова Татьяна
	Чеплашкина Вера	Дымченко Галина
	1955г. Консулова Людмила	Каганович Аника

В числе золотых медалистов Симферопольской школы № 1

Студент Ханойского университета, 1958 г.

У озера Возвращенного меча, Ханой, 1958 г.

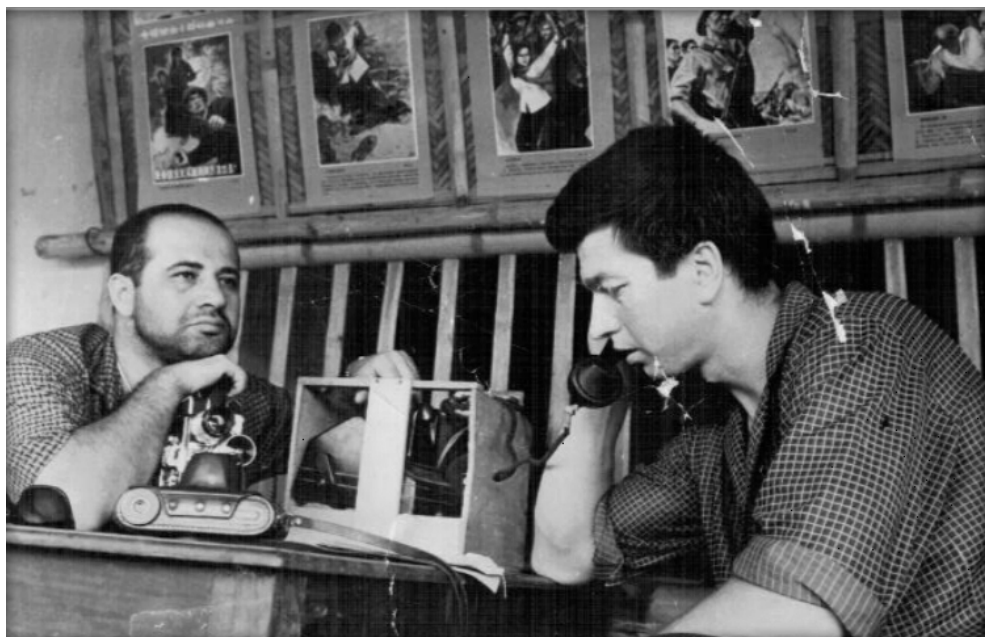
Первые советские студенты Ханойского университета, 1960 г.

Корреспондент ТАСС за работой, Ханой 1967 г.

Корреспондент ТАСС, Вьетнам, 1965 г.

Провинция Нгеан, 1966 г.

Корреспондент ТАСС, провинция Тханьхоа, 1966 г.

апреля)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЕЩ

месткома ТАСС

Цена 1 копейка

Сегодня в номере:

*О тассовцах
в День печати*

В самой горячей точке планеты

Редакция газеты «Комсомольская правда», журналы «За рубежом» и «Огонек» просили через «Тассовец» передать привет нашему журналисту, находящемуся на самой горячей точке планеты — в пылающем войной, борющемся Вьетнаме. Редакция «Тассовца» поздравляет в свою очередь нашего лучшего корреспондента Евгения Кобелева с днем рождения и шлет ему к Дню печати от имени всех тассовцев пожелания новых творческих удач.

Журналисты
«ИЗВЕСТИЙ» и
«НЕДЕЛИ».

а 2-й стр.)

Газета «Тассовец» поздравляет корреспондента во Вьетнаме с Днем рождения

С делегацией Верховного совета СССР, Вьентьян, Лаос, 1989 г.

40-я годовщина воссоединения Вьетнама, Москва, 2015 г.

Принятие воинской присяги на Высших стрелковых курсах, г. Солнечногорск

С дочерью Татьяной в Ленинграде, 1989 г.

Общественность Москвы отмечает 100-летие Хо Ши Мина

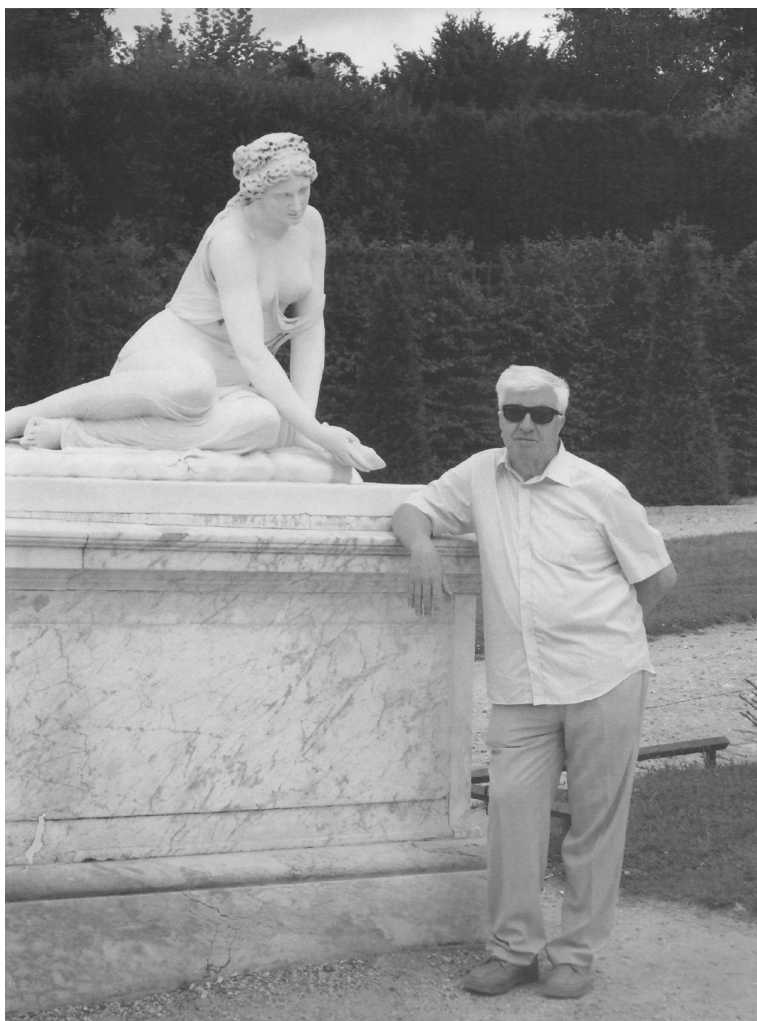
Открытие памятника Хо Ши Мина в Москве

Президент Вьетнама Нгуен Минь Чиет вручает Кобелеву Е.В. Орден дружбы

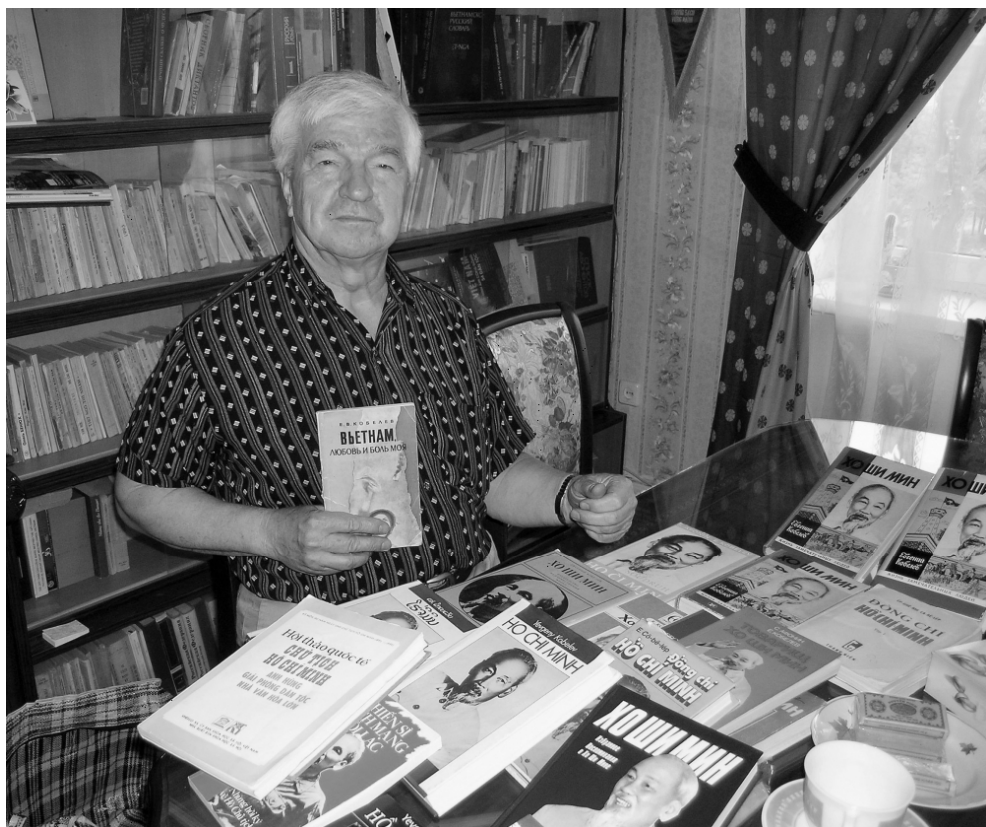
Посольство Вьетнама в Москве, 2008 г., дуэт с президентом СРВ Нгуен МиньЧиетом

В парке Версальского дворца, Париж, 2002 г.

Конференция в Государственной Политической Академии Хо Ши Мина, 2019 г.

Евгений Кобелев со своими книгами

АВТОРСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ВАЖНЫХ СОБЫТИЙ И ДЕЯТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ВЬЕТНАМА

БАО ДАЙ, ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ВЬЕТНАМА (исторический очерк)

Последовательная реализация политики обновления, затронув все стороны общественной жизни современного Вьетнама, дала возможность раскрыть «белые пятна» в истории страны, которые раньше не были предметом научного осмысления. Во вьетнамской исторической науке выводятся из небытия как отдельные эпизоды и события, так и конкретные участники исторического процесса, причем не только революционные деятели, но и их антиподы.

В 1945 году в результате победы Августовской революции во Вьетнаме был ликвидирован монархический режим, представитель правящей династии Нгуенов император Бао Дай отрекся от престола. До начала реализации в Социалистической Республике Вьетнам политики «дой мой» имя Бао Дая редко встречалось в исторической и мемуарной вьетнамской литературе. Однако в течение второго десятилетия нашего века, по мере расширения гласности и открытости во вьетнамском обществе, появилось довольно много книг и публикаций не только о героях национально-освободительной борьбы вьетнамского народа, но и о персонажах, которые сыграли негативную роль в этой борьбе, но занимали видное место в историческом развитии Вьетнама в XX веке.

В начале нулевых годов в результате бурно развивавшейся политики обновления историография Вьетнама добралась, наконец, до прежде считавшихся одиозными деятелей, о которых просто нельзя было писать, и в первую очередь до тех, кто так или иначе сотрудничал с французскими колонизаторами и американскими агрессорами. К таким деятелям в первую очередь можно отнести последнего императора Вьетнама Бао Дая, жизнь которого была насыщена невероятным политическим многообразием и авантюрными приключениями. Так, в Хошимине и ряде других городов Южного Вьетнама вышли одна за другой монографии и сборники исторических очерков о последнем императоре Бао Дая, его жене и детях, его премьер-министрах и др. Бывая регулярно во Вьетнаме, особенно в 2011 и 2012 гг., я сумел приобрести несколько солидных книг о Бао Дая и его жене императрице Нгуен Хыу Тхи Лан. Написанные живым языком, с использованием воспоминаний непосредственных свидетелей событий, они открыли неизвестные или малоизвестные страницы новой и новейшей истории Вьетнама. Меня как историка чрезвычайно заинтересовала их жизнь и деятель-

ность, а как журналиста, хотя и бывшего, идея написать о них пространный исторический очерк, основываясь на изученных мною книгах.

В 1887 году Вьетнам, которым с начала XIX века правила династия Нгуенов, был завоеван Францией и включен в состав французского Индокитайского союза, в который вошли также соседние Камбоджа и Лаос. Следуя колониальному принципу разделай и властвуй, Франция расчленила Вьетнам на три части, получившие различный статус. Намки (Южный Вьетнам), завоеванный самым первым, стал колонией Франции под названием Кохинхина. Он управлялся непосредственно французскими властями — губернатором и администраторами провинций. Бакки (Северный Вьетнам) и Чунгки (Центральный Вьетнам), которые назывались в течение всего колониального периода соответственно Тонкин и Аннам, получили статус протекторатов. Формально там была сохранена местная вьетнамская администрация, а в столице династии Нгуенов городе Хюэ даже императорский двор. Однако и в этих протекторатах все действия вьетнамских властей полностью контролировались и направлялись французскими верховными резидентами.

Сохранив, пусть хотя бы и формально, власть династии Нгуенов, колонизаторы рассчитывали использовать авторитет вьетнамских монархов в целях скорейшего умиротворения завоеванной страны. Однако поначалу этим расчетам не суждено было сбыться. Уже в 1885 году весь Вьетнам был охвачен патриотическим освободительным движением, которое получило название *cần vương* (в поддержку императора).

Наследный принц Винь Тхюи

В конце концов, французскими властями было найдено следующее решение — надо с детских лет полностью офранцузить престолонаследника, чтобы затем на престол в Хюэ воссел неоспоримый вьетнамец по крови, но истинный француз по духу. Эта идея принадлежала генерал-губернатору Индокитаа А. Сарро. Только что родившийся у императора Кхай Диня престолонаследник Винь Тхюи — писал он в министерство колоний — это для нас прекрасный шанс, которым мы должны воспользоваться, и воспитать из него верного сына нашей матери-родины. Итак, выбор французов пал на сына Кхай Диня наследного принца Винь Тхюи, который впоследствии, став императором, взял себе имя Бао Дай. Он родился 22 октября 1913 года в императорской столице Вьетнама — городе Хюэ. На Востоке цифра 13 не считается такой мистической, как в Европе. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на весьма зловещее предзнаменование — последний император Вьетнама и родился в 13 году XX столетия, и был по счету 13-м монархом династии Нгуенов.

В июне 1922 года в Марселе открылась французская колониальная выставка. На ней демонстрировались достижения «цивилизаторской деятельности» Франции в ее колониях. Наиболее широко был представлен Индокитай, который помпезно именовался жемчужиной в короне французской колониальной империи. У посетителей выставки вызывали неподдельный интерес макеты камбоджийских храмов Ангкора, древних вьетнамских буддийских пагод, «36 старинных улиц» Ханоя.

Однако самой главной достопримечательностью выставки стал вьетнамский императорский двор, который французские власти доставили в Марсель ко дню ее открытия. Вечером 21 июня в марсельский порт вошел пароход «Портос», на его мачте развевался шелковый треугольник оранжевого цвета с тремя красными полосками, которые олицетворяли единство Севера, Центра и Юга Вьетнама, — флаг императорской династии Нгуенов. По убранному цветами белоснежному трапу спустился на причал император Кхай Динь. За ним по трапу сошел вниз девятилетний наследный принц.

Кхай Динь пробыл во Франции почти два месяца и 14 августа 1922 года отбыл во Вьетнам, при этом оставив наследного принца Винь Тхюи в Париже. Так началась весьма сложная и деликатная операция французской колониальной администрации по офранцузиванию будущего вьетнамского монарха. Одним из главных исполнителей этой операции стали бывший верховный резидент Франции в Аннаме Charles (Шарль) и его супруга. Они поселили сановного вьетнамского мальчика в своем особняке на улице Бурдоннэ в Париже, где ему был предоставлен отдельный домик. По настойчивому требованию Кхай Диня из Вьетнама в Париж был прислан учитель по взнянью — древнекитайскому литературному языку и по куокнгы — недавно введенной колониальными властями латинизированной письменности вьетнамского языка.

Но главной задачей, поставленной перед Винь Тхюи, было все-таки получение классического французского образования. Вначале его определили в известный лицей Condorcet, а после его окончания в Ecole libre des Sciences Politiques (Свободную школу политических наук). После занятий, когда мальчик возвращался домой, супруги Шарль организовывали для него дополнительные занятия: изучение классической музыки, обучение игре на гитаре, занятия спортом, прежде всего теннисом, вождение автомобиля, стрельба из винтовки и даже обучение классическим танцам с французскими девочками-сверстницами.

По тем временам все эти занятия, особенно спорт и вождение автомобиля, были настоящей революцией для представителей вьетнамской монархии. На фотографиях тех лет на Бао Дае чаще всего можно было увидеть спортивную майку и шорты или кожаную куртку и шлем автомобилиста. Он чурался вьетнамских национальных одеяний и в свободное от спортивных занятий время одевался скорее как французский киноартист, и это ему очень шло, так как он был красив лицом и для вьетнамца довольно крупный и высокого роста. Особенно страстно молодой Бао Дай любил быть за рулем автомобиля. Уже в 16 лет в его распоряжении имелось несколько автомашин различных марок. Особое предпочтение он отдавал скоростным автомобилям, на которых лихачил по улицам Парижа или мчался по автотрассам в курортные города — Канны и Довиль.

Удачно проходивший процесс офранцузивания будущего вьетнамского императора прервался самым неожиданным образом. 6 ноября 1925 года из Хюэ пришла скорбная весть о неожиданной кончине на 41-м году жизни императора Кхай Диня. Винь Тхюи вынужден был прервать учебу в Париже и срочно отбыть в Хюэ, где 8 января 1926 года он был возведен на престол императора под именем Бао Дай. Было ему тогда всего 13 лет.

Церемония возведения на престол юного императора была организована весьма торжественно. Кроме, естественно, всех членов императорского Тайного совета, в ней приняли участие тогдашний генерал-губернатор Французского Индокитая Александр Варенн, верховный резидент Аннама Пьер Паскье и, разуме-

ется, приемные родители Винь Тхюи — супруги Шарль. На церемонии новый монарх впервые в своей жизни выступил с официальной речью: «Следуя старинным обычаям династии Нгуенов, добрым намерениям правительства протектората, а также искренним мольбам служителей королевского двора и всех простых людей, Мы, Государь, заявляем о том, что готовы наследовать престол нашего Отца-императора. Однако, согласно его повелению, Мы вернемся во Францию для продолжения учебы, чтобы в один из дней стать достойным той миссии, которую Небо возложило на Нас».

Еще почти шесть лет юный монарх находился за пределами своей родины. А в ней в эти годы происходили грандиозные события, потрясшие самые основы колониального режима. К концу 1920-х годов большой размах приобрела революционная деятельность вьетнамского гоминьдана — Национальной партии Вьетнама, во главе которой стоял неистовый антиколониалист Нгуен Тхай Хок. После нескольких неудачных вооруженных выступлений он и 12 его сотоварищей были схвачены и гильотинированы в тюрьме тонкинского города Иенбай.

В конце 1930 года в двух провинциях Центрального Вьетнама — Нгеан и Хатинь начались массовые выступления крестьянства против колониальных порядков. Руководила ими созданная будущим Хо Ши Мином 3 февраля 1930 года Коммунистическая партия Индокитая. В 116 деревнях обеих провинций были созданы по примеру российских трудящихся Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти. Нгетиньские Советы, как их называли в народе, были в течение почти года, пока их не подавили колонизаторы, островками свободы и независимости в колониальном Индокитае. Советы полностью ликвидировали на местах колониальный административный аппарат, изгнали из сел феодалов, крупных помещиков, старост. Хотя движение Нгетиньских Советов было потоплено в крови, отмечал впоследствии Хо Ши Мин, оно навсегда останется свидетельством героизма и боеспособности трудящихся масс Вьетнама; оно способствовало рождению сил, которые впоследствии совершили Августовскую революцию¹.

Наконец, и в самой Франции все напоминало драматические события в Индокитае. В 1932 году, за несколько месяцев до возвращения Бао Дая на родину, в Париже русским белоэмигрантом Горгуловым было совершено убийство президента Франции Поля Думера, который, кстати, в период 1896—1902 гг. был генерал-губернатором Индокитая. Естественно, Бао Дай как вьетнамский император должен был принять непосредственное участие в организованных властями траурных мероприятиях по этому скорбному случаю.

Тем временем обеспокоенные размахом революционных выступлений во Вьетнаме, особенно в Тонкине, колониальные власти начали настойчиво «бомбить» министерство колоний предложениями поскорее вернуть молодого вьетнамского монарха на родину, рассчитывая, что его присутствие и передовые формы правления помогут успокоить вьетнамские политические круги и общественное мнение.

Бао Дай, уже привыкший к «красивой жизни» в Париже, всячески противился возвращению на родину. Таким образом, возникла весьма серьезная проблема — как уговорить юного, а потому старавшегося казаться независимым, монарха согласиться на срочное возвращение на родину. Разъяснительную работу с

¹ *Хо Ши Мин. Сочинения. Ханой, 1971. С. 245—246.*

юношей вели супруги Шарль, затем министр по делам колоний, а под конец даже сам президент Франции. В конце концов Бао Дай сдался, но выговорил для себя условие, что он будет иметь возможность приезжать в Париж в любое время, когда у него возникнет желание.

Свадьба по-французски

Накануне возвращения Бао Дая во Вьетнам в императорском дворце в Хюэ развернулась лихорадочная работа по поискам невесты для молодого, красивого и получившего французское образование императора. Вдовствующая императрица Ты Кунг, на правах его родной матери, подобрала для него девушку по имени Бать Иен, дочь одного из высоких сановников двора. До этого девушку долго учили играть на старинной вьетнамской гитаре, декламировать стихи древних вьетнамских поэтов, учили манерам поведения и этикету, которые были приняты при дворе династии Нгуенов. Кроме того, Бать Иен каждый день купалась в ванне из молока, чтобы ее кожа была белой, как у европейских женщин, и издавала восхитительный аромат.

Однако вдовствующая императрица не знала о планах колониальных властей осуществить полное офранцуживание ее сына и, естественно, о том, что после завершения его учебы должна начаться вторая фаза по превращению молодого вьетнамского монарха в истинного француза по духу. Суть второй фазы состояла в том, чтобы найти ему соответствующую пару — разумеется, вьетнамскую девушку, но с хорошим французским образованием и обязательно католичку, так как сам Бао Дай как представитель старинной вьетнамской династии был буддистом.

Подходящая партия была найдена в лице Нгуен Хыу Тхи Лан — приемной дочери одного миллионера из Кохинхины, у которой было французское имя Жанна Мариэтта. Как и Бао Дай, она с малых лет была отправлена во Францию и училась в парижской школе *Couvent des Oiseaux* (Монастырь птиц). Она прекрасно знала французский язык и французскую культуру, уже имела степень бакалавра. Но самое главное для успеха задуманной операции было то, что все члены семейного клана Тхи Лан были ревностными католиками, а глава клана был известен на Юге Вьетнама тем, что на свои средства построил три католических храма для прихожан в районах, прилегающих к Сайгону.

Чтобы юный монарх и красавица Тхи Лан смогли познакомиться еще в Париже, супруги Шарль договорились о приватной встрече с директрисой школы *Couvent des Oiseaux* и условились с ней, что она пригласит на выпускной вечер в честь окончания учебного, 1932 года, юного императора Вьетнама Бао Дая и что цветы монарху преподнесет вьетнамская школьница Тхи Лан. Так все и произошло, и когда красавица Тхи Лан преподнесла Бао Даю цветы, он, конечно, заметил ее и запомнил.

В начале августа 1932 года от причала Марселя отошло пассажирское судно «Д'Артаньян», на борту которого Бао Дай, сопровождаемый супругами Шарль, отплыл во Вьетнам. Естественно, на этом же корабле оказалась и Тхи Лан, которая возвращалась во Вьетнам на каникулы. В один из первых же вечеров долгого плавания (тогда расстояние от Франции до Вьетнама пароходы преодолевали бо-

лее, чем за месяц) дядя Тхи Лан пригласил супругов Шарль на дружеский ужин, на котором, конечно же, не могли не присутствовать их приемный сын Бао Дай и племянница миллионера Тхи Лан.

Именно на этом ужине, как считают организаторы операции, и вспыхнули первые романтические искры будущей любви двух юных сердец. Естественно, молодые люди во время долгого плавания познакомились и не могли не понравиться друг другу. Оба были очень красивы, оба были всецело привержены французской культуре, поэтому, когда вечерами они гуляли по палубе, у них находилось много общих тем для беседы.

В начале сентября 1932 года пароход бросил якорь в южновьетнамском порту Сеп Сент-Жакс (ныне — Вунгтау). Тхи Лан повезли в Сайгон, а Бао Дай на борту военного корабля в порт Туран (ныне — Дананг). Когда Бао Дай спускался по трапу на причал, в честь возвращения молодого монарха на родину был произведен артиллерийский салют из 21 залпа.

10 сентября 1932 года Бао Дай выступил по радио с обращением к своим подданным (текст которого, естественно, был подготовлен его французскими советниками), в котором он обещал широкие реформы в стране, отвечающие «принципам цивилизации и прогресса», усвоенными им во время учебы во Франции. В своей речи, отличавшейся неконкретностью и витиеватостью (как, впрочем, и многие последующие его публичные выступления), Бао Дай обратился, в частности, к тем вьетнамцам, кто всем сердцем любит родину и «готов идти вместе к единой цели», «стремясь к высотам цивилизации и прогресса».

Вслед за тем Бао Дай осуществил несколько важных политических акций. Прежде всего, он совершил ритуальную поездку в провинцию Тханьхоа — родину предков династии Нгуенов, а после этого ознакомительные поездки вначале в Кохинхину, а затем — в Тонкин.

Для колониальных властей особенно важно было показать «товар лицом» в Тонкине, причем по двум разнохарактерным причинам. С одной стороны, в Тонкине всегда были наиболее сильны антиколониальные настроения. И французы надеялись, что непосредственное знакомство населения Тонкина с молодым монархом династии Нгуенов, которая олицетворяла народную память о тех давних временах, когда Вьетнам был независимой страной, поможет понизить градус революционного движения в Ханое и окружающих его провинциях.

С другой стороны, с начала 1930-х годов в Тонкине приняло массовые формы умело инспирируемое колонизаторами движение, которое мы бы сегодня называли вестернизацией. Участники этого движения — представители разночинной молодежи, студенчества новой формации, получившие французское образование, чиновники, служившие во французской администрации, учителя школ и лицеев романтизировали материальные и духовные достижения Запада, особенно Франции, и требовали обновления образа жизни вьетнамского народа, приближения его к западным образцам. А Бао Дай как раз и был живым примером нового образа жизни, нового типа монарха, молодой, красивый, всегда одетый с иголочки в модный французский костюм. То его видят скачущим верхом на коне, то за рулем первоклассного автомобиля, то он играет в теннис или в гольф, а на следующий день танцует танго или фокстрот. Разумеется, все это не могло не притягивать к нему внимание юношей и девушек из среды золотой ханойской молодежи и среднего городского класса. Это совершенно новый тип монарха, он окончил высшую школу политических наук в Париже, у него новый образ мыш-

ления, он воспитан на передовых традициях Запада, вьетнамская интеллигенция и молодежь должны полюбить его, и тогда антифранцузские настроения пойдут на убыль.

Бао Дай пробыл в Ханое целую неделю. В один из вечеров у него произошла интересная встреча с членами Общества чиновников-конфуцианцев и чиновников-западников. Это Общество, так же как и известный тогда журнал *Nam phong* (Южный ветер) основал профессор Фам Куинь. Он же и приветствовал на встрече монарха на французском и вьетнамском языках. Его речь пришлась Бао Даю по душе. Это и входило в планы французских организаторов его поездки, так как они давно решили поставить во главе правительства двора в Хюэ нового человека, лояльного Франции, вместо престарелого Нгуен Хыу Бая, который раздражал их своей чрезмерной приверженностью династийным канонам далекого прошлого.

После возвращения Бао Дая в Хюэ 1 мая 1933 года туда прибыл генерал-губернатор Паскье, чтобы лично руководить работой совещания с членами Тайного совета. Верховный резидент Аннама Тибодо сообщил членам Тайного совета об обновлении его состава и зачитал текст императорского указа № 29. Интересно отметить, что одним из самых молодых министров стал Нго Динь Зьем, который в 1950-е годы, после подписания Женевских соглашений о восстановлении мира во Вьетнаме, лишил Бао Дая поста главы государства и объявит себя диктатором Южного Вьетнама.

Французское воспитание сподвигло Бао Дая на весьма смелые реформы придворного этикета и форм приветствия простолюдинами при встрече с императором, которые были заимствованы из древнего Китая и освящены веками. Так, Бао Дай повелел, чтобы были отменены как архаичные обязательные поклоны до пояса или опускание глаз при встрече с императором как простолюдинов, так и чиновников двора. Конечно, этот указ не так-то просто было исполнить на деле, так как внешние формы почитания монарха впитывались вьетнамцами с молоком матери. Поэтому, когда уже после выхода указа Бао Дай со своей свитой появлялся на улицах Хюэ или других городов, особенно ретивые начальники городских кварталов и сельских уездов все-таки отдавали приказы жителям смиренно опускать глаза долу, когда император проезжал мимо них.

Одновременно было разрешено всем сановникам двора и другим гостям при входе в покои императора не кланяться до пояса, а приветствовать монарха словами. Этой акцией, наверняка подсказанной французами, преследовались две цели. Прежде всего, показать, что молодой, прогрессивный, но простонародный монарх ценит старинные вьетнамские обычаи уважения людей не по положению, а по возрасту. Во-вторых, теперь и французские официальные лица, входя к императору, могли чувствовать себя более свободно и просто обмениваться рукопожатием с монархом, как принято на Западе в общении между людьми.

Одной из непреложных традиций династии Нгуенов, начиная с ее основателя Зя Лонга, была традиция — заранее подбирать невест для наследных принцев, поэтому все представители династии, как правило, всходили на престол, будучи женатыми. После этого вступала в действие вторая традиция — во дворец нового монарха набирали несколько десятков девушек, которые исполняли роль прислуги и наложниц. И хотя у монарха была официальная жена, подобранная для него королевской семьей, однако среди десятка наложниц, естественно, находились одна или несколько женщин, которых монарх любил и привлекал больше

всех остальных. В результате монархи постоянно опасались, что между их любимицами начнется борьба за власть, поэтому было принято паллиативное решение, что любая «пассия» монарха, включая и его официальную супругу, могла быть объявлена императрицей только после кончины императора, либо после своей собственной кончины.

По завершении первоочередных официальных дел перед кукловодами Бао Дая вновь встал вопрос о необходимости срочной реализации давно задуманного ими плана о такой его женитьбе, которая бы полностью отвечала интересам Франции. Летом 1933 года Бао Дай выехал на отдых в Далат (горный курорт на Юге Вьетнама). Одновременно генерал-губернатор Паскье дал указание мэру Далата организовать праздничный прием в самом фешенебельном здании города — Hotel Palace.

На этот прием были приглашены многие высокопоставленные представители колониальных властей и, разумеется, Тхи Лан и большое число ее ближайших родственников. Бао Дай и Тхи Лан много танцевали друг с другом и вспоминали о Париже. В конце своей жизни Бао Дай так писал об этом романтическом отрезке своей жизни: «После нашей встречи на приеме мы затем еще не раз встречались, чтобы говорить о своих чувствах. Жанна Мариэтта очень забавно рассказывала о своей учебе в школе *Couvent des Oiseaux*. Так же, как и я, она любила спорт и музыку. Тхи Лан отличалась весьма нежной красотой девушки Юга, немного приправленной чертами Запада. Вот почему я придумал ей новое имя — Нам Хыонг, что значит Аромат Юга. Я знал, что все мои королевские предки предпочитали брать в жены девушек с Юга»¹.

После танцев на пышном приеме мсье Дарля молодые люди практически встречались каждый день — на теннисной площадке, на раутах местной элиты, более того, несколько раз Бао Дай был гостем Тхи Лан в роскошном особняке семейства ее дяди в Далате. В конце концов Бао Дай официально сделал Тхи Лан предложение, на что она в принципе ответила согласием, но при условии, если ее семья даст свое благословение.

Взволнованный Бао Дай доложил Паскье и Шарлю о возникшем препятствии. Супруги Паскье и Шарль встретились с родственниками Тхи Лан, которые были весьма обрадованы как предложением Бао Дая, так и его поддержкой со стороны высокопоставленных французов, ибо рыба заглотнула крючок, тем не менее они выдвинули несколько предварительных условий:

— Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Тхи Лан должна быть удостоена звания Императрицы сразу же после свадьбы;

— Она должна остаться в лоне католической церкви, а ее дети при рождении должны пройти обряд крещения и быть католиками;

— Что касается Бао Дая, то он может и дальше оставаться буддистом;

— Наконец, крайне необходимо разрешение Ватикана на то, чтобы молодые люди, поженившись, остались каждый в своей вере; ни одна из сторон не должна принуждать другую к смене веры.

Поставленные условия были довольно жесткими и, казалось бы, трудновыполнимыми. Однако так велико было желание Паскье и Шарля увенчать процесс офранцуживания нового вьетнамского монарха его женитьбой на вьетнамке-ка-

¹ *Lý Nhân Phan Thứ Lang*. Nam Phương, hoàng hậu cuối cùng Triều Nguyễn [Нам Фыонг, последняя императрица династии Нгуенов]. Tph. Hồ Chí Minh. 2008. С. 45.

толичке, к тому же офранцузенной не менее, чем он сам, что они заверили ее семейство, что французские власти гарантируют выполнение всех поставленных условий.

Ни в одних мемуарах Бао Дая, Тхи Лан и их окружения ничего не сказано, о чем говорила пара во время знаменитого приема в Далате. Но историографы династии считают, что именно в Далате Бао Дай, вопреки вековой традиции Нгуенов, пообещал Тхи Лан, что сразу после свадьбы он объявит ее императрицей, и что все их дети, прежде всего наследник престола, будут католиками.

Когда Бао Дай вернулся в Хюэ, императрица-мать и высшие сановники сообщили ему радостную весть, что они подыскиали для него невесту — уроженку города Хюэ, дочь высокопоставленного чиновника двора. На что Бао Дай отвечал им, что он сам уже нашел себе невесту — Жанну Мариэтту Нгуен Хыу Тхи Лан, члена богатейшей семьи из Намбо, получившую классическое французское образование. Во дворе начался крупный скандал: мать Ты Кунг и глава Регентского совета Тон Тхат Хан потребовали от молодого монарха не нарушать вековых традиций династии и взять в жены девушку Бать Иен, которая ими подобрана и которая отвечает всем требованиям исторических канонов династии.

Но задуманная французами программа не дала сбоев — Бао Дай был категоричен в своем решении. Я беру жену для себя или для династии? — непривычно грубо для сановников двора спросил он. После этого и Ты Кунг, и члены Регентского совета поняли, что на престоле появился совершенно новый монарх, воспитанный в западных традициях, для которого главное — свои, личные интересы (разумеется, продиктованные французскими властями), а не интересы замшелой, уходящей в прошлое династии Нгуенов.

Свадьба состоялась 20 марта 1934 года. Жениху был тогда 21 год, невесте — 19 лет. Проходила свадьба в несколько напряженной атмосфере, так как выбор жениха поддержал только глава Тайного совета Нгуен Хыу Бай, остальные же, возглавляемые вдовствующей императрицей, открыто выражали свое недовольство. Сам Бао Дай так описывал свои впечатления от свадьбы: «Свадьбу почтили своим присутствием большое число сановников императорского двора и представителей французской администрации. Это было торжество в стиле «модерн», таких свадеб династия Нгуенов еще не знала. Тут же, на свадьбе, я принял решение удостоить свою жену звания императрицы — раньше это звание жены монархов династии получали только после кончины мужа-императора».

Хотя в своей книге Дракон Аннама (1980 год) Бао Дай уверял читателей, что при выборе невесты им руководила только большая любовь, однако на деле определяющую роль играли отнюдь не чувства двух молодоженов, и тому много свидетельств. То, что свадьба была целиком срежиссирована французами, уже говорилось выше. Но вот интересные оценки бывшего начальника императорской канцелярии Фам Кхак Хоэ, который в своей книге воспоминаний так описывал тайные пружины этой свадьбы:

«В бракосочетании Бао Дая и Тхи Лан конкретные расчеты заметно преобладали над чувствами. Лан выходила замуж за Бао Дая, чтобы стать императрицей. Бао Дая же прельстили огромные богатства семейства Лан. Что касается чувств, то если они и были, то чисто внешне: оба они были молодые и здоровые, увлекались спортом и привыкли жить по канонам Запада. Вместе с тем у них была совершенно разная душевная организация. Бао Дай по натуре был неглубоким человеком, несколько наивным, бесхарактерным, больше любил всякого рода раз-

влечения, нежели властные полномочия императора. Голос рассудка и здравый смысл были ему не чужды, однако он часто действовал по подсказке извне. Напротив, Нам Фыонг была женщиной скрытной, уравновешенной, глубокой, эмоции у нее никогда не преобладали над разумом, она любила читать и учиться гораздо больше, чем развлекаться, наконец, она очень любила власть и была обуе-
реаема большими политическими амбициями»¹.

Прежде всего, самым страстным желанием Нам Фыонг было родить наследного принца-католика, который затем занял бы престол и стал полновластным правителем, и все это благодаря недюжинным талантам Нам Фыонг, которая тем самым выполнила бы свой святой долг перед великой матерью-Францией, а также перед Ватиканом, где давно уже лелеяли мечту, чтобы католик стал монархом великого Аннама.

Последнее имело очень важное значение для Нам Фыонг. Дело в том, что, готовя свадьбу Бао Дая, супруги Шарль обратились в Ватикан с просьбой разрешить католичке выйти замуж за буддиста. Однако Папа Пий XI неожиданно ответил отказом. И только в 1939 году, когда после его кончины папскую тиару надел Папа Пий XII, тот пересмотрел решение своего предшественника, благословил брак буддиста и католички, но с одним условием, что все их дети и прежде всего наследный принц, будут крещены в католики, как и их мать. Получив это приятное известие, Нам Фыонг тут же вместе с мужем отплыли в Ватикан, где они лично поблагодарили Папу Пия XII за его гуманное решение. История сохранила фотодокументы этой необычной аудиенции.

На третий год после свадьбы Нам Фыонг родила первого ребенка. Ночью 4 января 1936 года жители императорской столицы слышали звуки салютных залпов, которые означали, что императрица родила. Но посреди глубокой ночи мало кто успел подсчитать количество залпов, чтобы узнать родился принц или принцесса. Когда наступило утро, праздничные залпы были повторены. И их число вызвало всеобщее ликование: их было семь, значит родился наследный принц. Если бы залпов было девять, то это означало бы, что родилась принцесса. Дело в том, что согласно древним поверьям вьетнамцев, дух мужчины слагается из семи воплощений души, а дух женщины — из девяти.

На следующий день все три части Вьетнама — Тонкин, Аннам и Кохинхину облетела весть, что в Хюэ родился наследный принц, то есть будущий император Вьетнама, которого коронованные родители нарекли именем Бао Лонг. В канцелярию двора посыпались поздравительные телеграммы от высоких французских лиц — генерал-губернатора, верховных резидентов Тонкина и Аннама, губернатора Кохинхины, колониальных министров, профранцузских общественно-политических партий и организаций Вьетнама.

В последующие годы Нам Фыонг родила еще четырех детей:

принцессу Фыонг Май, 1 апреля 1937 года;

принцессу Фыонг Лиен, 3 ноября 1938 года;

принцессу Фыонг Зунг, 5 февраля 1942 года;

принца Бао Тханга, в 1948 году.

Первые три года совместной жизни молодожены отдыхали и развлекались вместе на автомобиле Меркурий, за рулем — сам Бао Дай. Но после рождения

¹ *Phạm Khắc Hòe. Từ triều đình Huế đến chiến khu Việt Bắc. [От династии Хюэ до военной зоны Вьетбак]. Ханой. 1983. С. 93.*

первенца Бао Дай, который уже не мог жить без каждодневных развлечений, стал ездить по знакомым местам один. Особенно его увлекала охота на крупного зверя, которых в джунглях Центрального Вьетнама тогда водилось множество. В один из дней охотничьих скитаний, жители горной деревни подарили ему двух слонят. Как только они подросли, Бао Дай стал ездить на них в горы на охоту. А к 1944 году у него уже было целое стадо огромных слонов из 38 голов. О них заботились 40 погонщиков разных национальностей — лаосцы, эдэ, мнонги, вьетнамцы.

Слонов так приучили, что, когда необходимости в них не было, их отпускали в джунгли, и они сами искали себе корм. Чтобы чужие охотники ненароком их не подстрелили, им на лбах рисовали специальные знаки, которые были известны всем в округе. Когда же приезжал Бао Дай, погонщики пригоняли слонов обратно, к подножию холма, на вершине которого стоял охотничий домик императора.

Япония во Вьетнаме

Когда в июне 1940 года Франция капитулировала после нападения фашистской Германии, и в стране было образовано профашистское правительство во главе с Петэном со столицей в городе Виши, то именно это правительство подчинило себе колониальную администрацию в Индокитае. Это обстоятельство облегчило японскому милитаризму осуществление агрессивных замыслов в отношении Индокитая, так как к этому времени японская армия, установив контроль над южной частью Китая, вышла к границам Вьетнама. В августе и сентябре 1940 года Япония заключила со ставленником Виши генерал-губернатором Индокитая адмиралом Дэку ряд выгодных для нее соглашений, которые поставили Индокитай под японский экономический и военный контроль и означали начало так называемой мирной оккупации Японией Индокитая.

В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, где японская оккупация сопровождалась крахом западных колониальных режимов, в Индокитае японцы сохранили французскую колониальную администрацию, которая встала на путь тесного сотрудничества с оккупантами. Фактически с этого времени вишистская Франция стала союзником милитаристской Японии во Второй мировой войне.

И, естественно, японские оккупационные власти, чья родина сама была монархической страной, не только сохранили режим династии Нгуенов в Хюэ, но и старались оказывать Бао Даю всяческие знаки внимания, выражая готовность тесно сотрудничать с вьетнамским императорским двором.

Таким образом, в положении Бао Дая, по-прежнему основную часть времени отдававшемуся охоте на плато Тэйнгуен, практически ничего не изменилось. Нам Фыонг и дети жили в особняке в Далате. Война, разгоравшаяся на просторах Азии и Тихого океана, пока никак не затрагивала Вьетнам. В императорской столице Хюэ тоже все было спокойно, как будто и не происходило смены хозяев Индокитая. Только после того, как американские войска под командованием генерала Макартура захватили японский остров Окинава, обстановка несколько изменилась. Американские самолеты стали бомбить объекты японской армии в

Индокитае, и были случаи, когда бомбы падали в нескольких сотнях метрах от центра Хюэ.

Так как Нам Фыонг жила с детьми отдельно, у Бао Дая появилась новая возможность развлечения — молодые женщины. Нам Фыонг была, как вспоминали ее друзья еще по учебе в Париже, высоконравственным, добродетельным человеком. И она даже не могла представить себе, что такое возможно. Она страдала от женской ревности, от вероломного предательства любимого мужа. Самым близким людям она говорила даже, что подумывает уйти в монастырь. Она горько сожалела, что, будучи юной, увлеклась красивым и умным человеком, который оказался на поверку «сумасбродом и бабником», человеком, у которого на уме одни развлечения и удовольствия.

Тем временем к концу 1944 года положение Японии в оккупированных странах Юго-Восточной Азии начало быстро ухудшаться. Чтобы укрепить свои позиции в Индокитае, японские власти приняли решение совершить военно-политический переворот и устранить французскую колониальную администрацию. 9 марта 1945 года менее, чем за сутки, основная часть французских вооруженных сил была обезоружена, уничтожена или захвачена в плен. В трех странах бывшего французского Индокитае — Вьетнаме, Лаосе и Камбодже — были созданы независимые государства, которые были включены Японией в Великую Восточно-Азиатскую сферу процветания.

Как и в 1940 году, эти события практически никак не отразились на положении династии Нгуенов и лично Бао Дае. Видный вьетнамский историк Чан Ван Зяу так описывает начало новой эры в жизни Бао Дая: 9 марта, когда Бао Дай по привычке с увлечением занимался охотой, выстрелы зазвучали в самом Хюэ. Утром 10 марта японцы приказали Бао Даю сделать заявление о провозглашении независимости. Утром 11 марта правительство династии Нгуенов, которое еще вчера хранило абсолютную верность Франции, выступило с заявлением об аннулировании всех договоров о протекторате, подписанных с Францией, и о том, что Вьетнам возвращает себе независимость, разумеется, согласно принципам совместной декларации государств Великой Восточной Азии.

Кроме того, японские друзья рекомендовали Бао Даю заменить профранцузского Фам Куиня на своего ставленника, известного ученого-конфуцианца Чан Чонг Кима. 5 апреля японцы доставили Чан Чонг Кима на своем самолете из Бангкока в Хюэ, где Бао Дай официально назначил его главой Кабинета министров и поручил представить кандидатуры членов нового состава Кабинета. 3 мая Бао Дай обратился с посланием к народу и сообщил, что утвердил новый состав Кабинета министров, который является первым правительством независимого Вьетнама после 80 лет иностранного господства.

После капитуляции фашистской Германии и крупных поражений японской императорской армии в военных действиях на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии Бао Дай все равно не мог поверить, что Япония может потерпеть поражение. Все дело в том, что он чуть ли не ежедневно обедал или встречался с послом Японии при дворе генералом Иокогамой и его супругой, и они клятвенно заверяли вьетнамского монарха, что Страна Восходящего солнца, нация Ямато, которая живет по завету своего божественного предка императора Дзимму Хакко Итио! — Весь мир под одной крышей — наш дом!, никогда не сдастся врагам, поэтому Бао Дай может быть спокоен за свой престол.

И вдруг 15 августа в Хюэ пришла весть, что император Хирохито выступил по радио с заявлением о безоговорочной капитуляции Японии. Бао Дай, срочно вернувшись с охоты, предложил направить телеграммы главам союзных государств — президенту США Г. Трумэну, королю Великобритании Георгу VI, правителю Китая Чанкайши и французскому генералу Де Голлю с просьбой помочь Вьетнаму, который только что вырвался из лап японской армии, защитить свою независимость. Однако три члена Кабинета министров выразили недоумение, почему среди союзных государств не названа Советская Россия и предложили направить в адрес И. Сталина телеграмму такого же содержания, как и Г. Трумэну.

17 августа Бао Дай подписал указ № 105, в котором была изложена его позиция из двух основных пунктов:

1) Монарх согласен передать власть Вьетминю — организации, которая активнее всех боролась за интересы народа, и приглашает руководителей Вьетминя в Хюэ для формирования нового Кабинета министров;

2) Вопрос о политическом режиме в стране должен быть в последующем определен самим вьетнамским народом, монарх обязуется подчиниться его воле.

Затем ему на подпись дали проект обращения к нации. Он долго не решался его подписать, несколько раз повторив вслух и про себя основополагающую фразу: Государь готов стать гражданином независимой страны, нежели оставаться королем страны рабов. Его колебания были вызваны тем, что он до сих пор не знал, кто такой Хо Ши Мин, который 2 сентября 1945 года огласил на площади Бадинь в Ханое «Декларацию независимости Вьетнама».

В результате между ним и его советником Хоэ произошел следующий диалог:

Бао Дай: Мы правильно поняли, что господин Хоэ советует Нам отречься от престола и передать всю полноту власти Вьетминю?

Советник Хоэ: Да, именно так.

Бао Дай: Если действительно руководитель Вьетминя — это Святой Нгуен Ай Куок, то Мы готовы отречься от престола немедленно.

22 августа власть в городе Хюэ перешла в руки революционного комитета, вместо привычных императорских флагов повсюду на столбах и крышах домов развевались красные флаги с желтой звездой — флаги Вьетминя. Представитель ревкома передал Хоэ письмо с требованием немедленно передать власть народу, при этом было высказано обещание, что новая власть гарантирует жизнь бывшему монарху и его семье, а также неприкосновенность его имущества.

Конечно, для Бао Дая это было обнадеживающее обещание. И вместе с тем, как вспоминают все общавшиеся с ним в те дни, на лице его читалась тревога и страх. Он хотел верить заверениям новой власти, но во время учебы во Франции он получил много знаний по основам мировой истории и не мог не вспоминать трагическую участь в период революций английского короля Карла I, французского короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты и, особенно, русского царя Николая II, расстрелянного вместе со всей его семьей. К тому же его тревога и страх подкреплялись то и дело приходящими из соседних провинций известиями о том, что сторонники Вьетминя устроили самосуд над несколькими высшими чиновниками, обвиненными в предательстве родины за свое служение японцам или французам.

24 августа в императорскую канцелярию из Ханоя поступила телеграмма следующего содержания: Временное народно-революционное правительство созда-

но, его председатель — почтенный Хо Ши Мин. Просим уважаемого короля немедленно отречься от престола, чтобы способствовать укреплению основ государственной независимости.

Прочитав эту телеграмму, Бао Дай опешил, решив, что это какая-то ошибка. Дело в том, что ни он сам, ни его окружение, даже Фам Кхак Хоэ, до сего времени ни разу не слышали такого имени. Только через несколько часов он получил подтверждение, что Хо Ши Мин и Нгуен Ай Куок — это одно и то же лицо. Бао Дай радостно поднял обе руки вверх и воскликнул по-французски: *Sa vaut bien le coup alors* (Тогда можно и отречься). Тут же была отправлена в Ханой ответная телеграмма, где говорилось, что император готов отречься и приглашает председателя Временного революционного правительства прибыть в Хюэ для участия в торжественной церемонии отречения. Временное правительство в ответной телеграмме приветствовало дух демократии, солидарности и единства императора и сообщило, что в ближайшие дни представители правительства придут в Хюэ.

Верховный советник

30 августа в ранний час более 50 тысяч жителей города Хюэ собрались перед *Ngô Môn* — Южными воротами императорского дворца. Повсюду над толпой вдоль *sông Hương* — реки Ароматной, пересекающей город, и над десятками джонков и лодок, запрудивших реку, реяли красные флаги с желтой звездой. Машина с делегацией Временного правительства медленно въехала в Южные ворота посреди мощных приветственных возгласов многотысячной толпы.

Как вспоминал глава делегации Временного революционного правительства Чан Хюи Льеу, в истории династии Нгуенов эти ворота открывались только перед посланцами неба феодальных династий Китая, которые приезжали в Хюэ пожаловать кому-либо из вьетнамских сюзеренов высокий сан. В период, когда Франция завоевывала Вьетнам, командующий экспедиционными войсками генерал De Courcy, угрожая применить силу, потребовал от коменданта дворца открыть Южные ворота, чтобы его принял сам император. А теперь машина с делегацией революционного правительства спокойно въезжает в эти освященные веками ворота, и в этом вроде бы нет ничего странного, но это и есть победный результат долголетней борьбы народа против колонизаторов, против феодалов под руководством Партии.

После того, как Бао Дай передал главе делегации 10-килограммовую золотую печать династии и позолоченный меч, инкрустированный драгоценными камнями, и заявил о своем отречении от престола, Чан Хюи Льеу от имени Временного революционного правительства зачитал декларацию о ликвидации монархического режима в стране. Ответом на эти его слова были громогласные возгласы многотысячной толпы: *“Việt Nam độc lập muôn năm!”* («Да здравствует независимый Вьетнам!»).

Обращаясь к народу, Чан Хюи Льеу сообщил, что с этой минуты Бао Дай стал гражданином Винь Тхюи, и призвал соотечественников приветствовать нового гражданина молодой республики. После церемонии отречения бывший император вернулся в свои покои и стал готовить вещи к переезду на новое место жительства. Неожиданно ближе к вечеру Хоэ вызвали в Народно-революцион-

ный комитет, где вручили телеграмму, полученную из Ханоя. При этом председатель ревкома воскликнул:

«Только такой великий революционер, как Нгуен Ай Куок, мог стать автором этой оригинальной идеи. Временное революционное правительство приглашает гражданина Винь Тхюи стать Верховным советником правительства и предлагает срочно организовать его прибытие в Ханой».

Даже здесь, в крайне запутанной ситуации революционных событий, Хо Ши Мин вновь проявил политическую, государственную мудрость. Вьетнамская революция не стала уголовно преследовать и расправляться с отрекшимся монархом, как это происходило раньше во многих странах, в том числе во Франции и России. Во имя сохранения единства нации перед лицом внешних врагов, во имя привлечения к национально-освободительной революции представителей самых широких слоев населения, в том числе феодально-монархических кругов, хотя они до этого верно служили колонизаторам, он принял смелое, гуманное решение и убедил в его правильности ту часть своих соратников, которая была настроена слишком радикально — предложить низложенному Бао Даю почетную должность советника Временного революционного правительства.

Председатель ревкома провинции Тхыатхиен и города Хюэ Тон Куанг Фьет прибыл во дворец и лично сообщил Винь Тхюи о предложении революционного правительства. На лице бывшего императора отразились удивление и раздумья. Но он недолго колебался, горячо поблагодарил правительство и Хо Ши Мина за оказанную ему честь и только попросил разрешения, чтобы вместе с ним поехали принц Винь Кан и советник Фам Кхак Хоэ. Утром 2 сентября Винь Тхюи попрощался с матерью, с женой и тремя детьми (старший сын Бао Лонг в это время уже учился во Франции). Нам Фыонг была одета, как простая вьетнамка — белая блузка и широкие черные шаровары, она украдкой вытирала платком слезы, катившиеся из глаз. Через несколько минут два автомобиля — в первом Винь Тхюи и сопровождающие его лица, во втором охрана с винтовками, выехали за пределы Хюэ и взяли курс на север.

4 сентября делегация прибыла в Ханой, и уже вечером Винь Тхюи был приглашен в президентский дворец на прием, устроенный в его честь правительством. А утром следующего дня он был принят Президентом Хо Ши Мином. Их беседа продолжалась около часа в теплой и веселой обстановке, так как Президент много шутил. По окончании беседы Хо Ши Мин заверил Верховного советника, что если у него появятся какие-либо проблемы, то революционное правительство всегда будет готово помочь в их решении. Указом ВРП ДРВ от 10 сентября 1945 года Винь Тхюи был официально назначен на пост Верховного советника правительства. В последующем, правительство не раз менялось — из временного оно стало коалиционным, затем официальным, назначенным 2 марта 1946 года на первой сессии избранного парламента Национального собрания, но Винь Тхюи неизменно оставался главой группы советников.

Он был включен в комиссию из восьми человек во главе с Президентом Хо Ши Мином по подготовке проекта Конституции ДРВ, который необходимо было представить на рассмотрение Национального собрания. В этой работе он проявил заметную активность, так как благодаря знаниям, полученным в Высшей школе политических наук в Париже, легко ориентировался при обсуждении законов Конституции. Накануне всеобщих выборов в Национальное собрание жители провинции Тханьхоа, родины династии Нгуенов, выдвинули его своим

кандидатом, и он, хотя и не вел специальной предвыборной агитации, весьма уверенно победил, набрав 92 % голосов.

В эти месяцы правительству Хо Ши Мина приходилось противостоять двум смертельным опасностям, угрозавшим молодой республике новой потерей независимости. По решению Потсдамской конференции, разоружение японских войск в Индокитае должны были провести Великобритания и чанкайшистский Китай. Поэтому уже в конце августа — начале сентября 1945 года 200-тысячная группировка китайских войск вошла на территорию Северного Вьетнама. Одной из главных целей этого вторжения для чанкайшистов было отстранить от власти прокоммунистический Вьетминь и заменить его своими ставленниками, прежде всего вьетнамским гоминьданом — Национальной партией Вьетнама.

Кроме того, в конце сентября на Юге Вьетнама освобожденные из японских тюрем и вооруженные английским командованием войска бывших хозяев Индокитая — французских колонизаторов вошли в Сайгон и начали планомерно отвоевывать у народной власти районы Кохинхины. Если китайскую угрозу удалось в целом нейтрализовать путем предоставления членам прокитайских партий ряда министерских постов в правительстве и 70 депутатских мест в Национальном собрании, то с французами пришлось вступить в длительные и поначалу малоэффективные переговоры.

Бао Дай как верховный советник участвовал в этих переговорах. Первым результатом переговоров стала церемония подписания 6 марта 1946 года Прелиминарной конвенции между ДРВ и Францией. Конвенция была построена на взаимных уступках и компромиссе. ДРВ соглашалась войти в состав Французского Союза, Франция же признавала ДРВ свободным государством, имеющим свое правительство, парламент, армию и финансы. Фактически правительство Хо Ши Мина добилось главного — признания Францией независимого статуса Вьетнама. Бао Дай находился бок о бок с Хо Ши Мином, когда он принимал французского комиссара в Тонкине Жана Сэнтэни, который выступал на переговорах от имени Франции.

8 марта правительство приняло решение направить сразу две делегации доброй воли — одну в Чунцин (Китай), другую во Францию. Делегацию в Чунцин поручили возглавить верховному советнику Винь Тхюи. Однако последний, хотя и согласился поехать, но только туристом в качестве бывшего императора, а не руководителем делегации. Перед отъездом он попросил своего помощника съездить в Хюэ и вывезти в Ханой Нам Фыонг и детей, сказав при этом, что дедушка Хо одобрил эту идею.

Итак, Винь Тхюи и Хо Ши Мин временно расстались друг с другом, но, как оказалось впоследствии, они больше ни разу не встретились, так как в начавшейся в декабре 1946 года длительной вьетнамско-французской войне они оказались по разные стороны баррикад. Но правительство Хо Ши Мина еще несколько лет продолжало относиться к Винь Тхюи как к своему верховному советнику, надеясь, что он вскоре вернется в Ханой и разными путями пересылало ему деньги в счет его зарплаты. Наконец, Хо Ши Мин предложил лично Фам Кхак Хоэ отправиться в Гонконг, где тогда находился Винь Тхюи, чтобы призвать его вернуться на родину и принять участие в общенациональном Сопротивлении, однако тот решительно отказался. В эти дни он уже строил совершенно другие, далеко идущие планы. Во французской интервенции он узрел возможность вновь вернуться на престол, «отнятый» у него революцией. При этом его потаенные мысли пол-

ностью отвечали интересам колонизаторов, увидевших в бывшем императоре именно ту фигуру, которая, как они полагали, могла бы объединить против правительства Хо Ши Мина все разношерстные, соперничающие между собой националистические группировки вьетнамских феодально-буржуазных кругов.

Утвердившись в намерении создать во Вьетнаме вассальное государство во главе с экс-монархом Бао Даем, французское правительство направило в феврале 1947 года во Вьетнам своего представителя Боллаэрта, перед которым была поставлена задача вступить с Бао Даем в переговоры и добиться поставленной цели. Неожиданно для французской стороны переговоры затянулись почти на полтора года. Дело в том, что в эту политическую игру вмешался Вашингтон, который тоже вознамерился иметь в лице Бао Дая своего человека во Вьетнаме, приобретавшем в послевоенную эпоху стратегическое значение для США. В свою очередь Бао Дай, стремясь заручиться возможно более широкой поддержкой вьетнамских националистических кругов, настаивал на том, чтобы Париж хотя бы в словесной форме признал независимость Вьетнама.

Наконец, 5 июня 1948 года по итогам переговоров на борту военного корабля в водах залива Халонг была обнародована вьетнамско-французская декларация, согласно которой Франция признавала принцип независимости и единства Вьетнама, но в рамках Французского Союза. Через несколько месяцев, 8 марта 1949 года, в Елисейском дворце в Париже состоялась официальная встреча бывшего монарха с президентом Франции Венсаном Ориоком, по результатам которой был подписан Елисейский договор о признании Францией Вьетнама во главе с Бао Даем независимым, единым государством в рамках Французского Союза, но без права самостоятельного осуществления внешнеполитических акций. Соглашение Бао Дай — Ориоль, по существу, превращало Вьетнам во французскую колонию нового типа.

В 1950 году, когда Бао Дай утвердился на новом посту, он вызвал в Далат и Нам Фыонг с детьми, которые жили в другом особняке, предоставленном государством. Как и прежде, Бао Дай много времени проводил в своем любимом Банметхуоте, вокруг которого находились самые «прикормленные им» охотничьи места. Кроме того, ему часто приходилось бывать и в Хюэ, где проживала его мать Ты Кунг и другие царственные родственники. В ту пору дороги между четырьмя городами — Сайгоном, Далатом, Банметхуотом и Хюэ, естественно, были не лучшего качества, поэтому, по просьбе главы государства, французские власти построили небольшой аэродром близ Банметхуота, и Бао Дай, к большой его радости, стал перемещаться между четырьмя городами на самолете.

Тем временем ситуация во Вьетнаме медленно, но верно менялась в пользу патриотических сил, возглавляемых правительством Хо Ши Мина. В январе 1950 года была прорвана международная изоляция ДРВ — республика получила дипломатическое признание со стороны Советского Союза, Китайской Народной Республики и стран народной демократии. Хо Ши Мин так оценил это крупное достижение: Демократическая Республика Вьетнам признана равноправным государством великой семьи всемирного лагеря демократии... Несомненно, что эта политическая победа явится залогом будущих военных побед.

Слова Хо Ши Мина оказались пророческими. К концу октября 1950 года весь северный район Вьетнама, граничащий с Китаем, был освобожден от колонизаторов. ДРВ получила прямой выход к странам социалистического лагеря и стала получать от них военную и экономическую помощь. В феврале 1954 года

Народная армия Вьетнама завершила окружение французского экспедиционного корпуса на северо-западе ДРВ и 7 мая близ селения Дьенбьенфу многомесячная битва завершилась сокрушительным поражением интервентов — были взяты в плен командующий корпусом Де Кастри со своим штабом и более 16 тысяч его солдат и офицеров.

Хотя в длительной войне Соппротивления Бао Дай фактически выступал на стороне колонизаторов, тем более что армия и полиция государства Вьетнам широко использовалась французами в борьбе против сил Хо Ши Мина, однако он также стремился внести свой посильный вклад в борьбу за независимость Вьетнама. Так, он дважды, в 1952—1953 гг., ездил в Париж и встречался с президентом Франции. В ходе обеих встреч он не только обсуждал с ним ситуацию во Вьетнаме, но и пытался подтолкнуть руководство Франции к прекращению войны в Индокитае.

Поражение при Дьенбьенфу определило участь колониальной политики Франции в Индокитае. 20 июля 1954 года созванное по инициативе Советского Союза международное совещание с участием делегации ДРВ завершилось подписанием Женевских соглашений — под таким названием они вошли в мировую историю — о прекращении войны и восстановлении мира в Индокитае. В соответствии с соглашениями в целях перегруппировки противоборствующих сил Вьетнам был временно разделен на две части демаркационной линией вдоль 17-й параллели, которая не рассматривалась участниками совещания как политическая граница. Северная часть страны полностью переходила под контроль правительства Хо Ши Мина, южная — оставалась под контролем главы государства Бао Дая. Соглашения предусматривали проведение в июле 1956 года всеобщих демократических выборов на всей территории Вьетнама с целью решения проблемы воссоединения страны.

Женевские соглашения открыли перед вьетнамским народом реальную возможность осуществления мирным путем, политическими средствами национально-демократических задач, поставленных на повестку дня Августовской революции, и восстановления ДРВ в тех ее границах, в которых она была провозглашена 2 сентября 1945 года. Однако такое развитие событий не отвечало интересам правящих кругов США, которые с уходом Франции приступили к прямому вмешательству в дела Вьетнама. Естественно, для достижения поставленных целей Бао Дай — прямой французский ставленник, да к тому же замаранный сотрудничеством с японскими милитаристами, был неподходящей фигурой. Ставка Вашингтоном была сделана на Нго Динь Зьема — крупного помещика, главу мощного католического клана, известного своими антифранцузскими и антивьетминевскими настроениями.

В марте 1955 года, опираясь на поддержку США, Нго Динь Зьем распустил баодаевскую армию и разгромил военные отряды политико-религиозных сект Биньсюен, Каодай и Хоахао, оставшихся верными Бао Даю и Франции. Бао Дай, находившийся в это время в Париже, направил в Сайгон срочный указ о лишении Нго Динь Зьема поста премьер-министра, но было уже поздно. 23 октября 1955 года Зьем организовал в Южном Вьетнаме референдум о форме правления и главе государства, по результатам которого 98 % участников проголосовали за республику и признание Нго Динь Зьема ее главой. Это был поистине профессионально срежиссированный бескровный переворот, в результате которого Бао Дай во второй раз потерял власть.

Лишившись неожиданно поста главы Государства Вьетнам, Бао Дай круто изменил и свою личную жизнь — он практически порвал связи с семьей и стал жить с гражданской женой Монг Диеп в Париже. Оставшись без зарплаты и пособий от южновьетнамских властей (французское правительство выплачивало ему ежемесячно 10 тысяч франков, а к концу его жизни увеличило эту сумму до 17 тысяч), он вынужден был продать особняк в Каннах, являвшийся собственностью вьетнамской монархии. Вырученные деньги позволили ему вести разгульную жизнь в ресторанчиках и ночных клубах Монмартра и Латинского квартала, в результате чего он заслужил в те годы среди простых вьетнамцев звание «короля парижских кафешек».

Что касается Нам Фыонг, то она с 1952 года постоянно жила вместе с детьми во Франции и лишь изредка появлялась в компании Бао Дая на особо важных встречах и приемах. Когда дети выросли и разъехались в разные города на учебу, Нам Фыонг переехала в небольшую деревню Шабриньяк, в 30 километрах от городка Брив-ла-Гайярд, почти в самом центре Франции, где у монаршей семьи имелась давно купленная ферма. Здесь ее регулярно навещали дети, когда им позволяла учеба. В сентябре 1963 года совершенно неожиданно, в результате внезапного сердечного приступа, Нам Фыонг скончалась в возрасте 49 лет, который во Вьетнаме фаталисты называют роковым возрастом.

Бао Дай успел приехать на ее похороны и даже сумел привезти очень дорогой гроб из досок древнего дуба. Ее похоронили на католическом кладбище деревни Шабриньяк. И сегодня на ее могильном памятнике можно прочесть эпитафию: *Ici repose l'impératrice Nam Phuong née Jeanne Mariette Nguyen Huu Nao* (Здесь покоится императрица Нам Фыонг, урожденная Жанна Мариэтта Нгуен Хью Хао).

До преклонного возраста Бао Дай оставался ловеласом, поэтому и Монг Диеп не смогла надолго удержать его подле себя. Однажды в посольстве Заира в Париже он познакомился с пресс-атташе французенкой Моник Бодо. Хотя она была моложе его на 30 лет, но не смогла устоять перед «чарами» бывшего монарха. В 1982 году они официально зарегистрировали свой брак, при этом произошло то, чего очень хотела Нам Фыонг, но так и не смогла добиться, — французенка поставила условием брака, чтобы Бао Дай принял католичество. Что тот и сделал: в 1988 году в парижском соборе Saint-Pierre-de-Chailhot состоялась, согласно католической традиции, церемония отпущения грехов вьетнамскому буддисту и было дано ему католическое имя Jean-Robert.

15 лет Бао Дай и Моник Бодо, прожили, как утверждают его биографы, в любви и согласии. В начале 1997 года, вернувшись в Париж после поездки в США, Бао Дай неожиданно почувствовал себя плохо и был доставлен в знаменитый военный госпиталь Val de Grace, в котором с давних пор лечилась французская элита. Бывший вьетнамский монарх скончался 1 августа 1997 года на 84 году жизни.

Французское правительство организовало пышные похороны, достойные монарха бывшей колонии Франции. Он был похоронен на католическом кладбище Passy в 16 округе Парижа. В траурной церемонии приняли участие дети покойного, впервые за несколько последних лет вновь собравшиеся вместе — наследный принц Бао Лонг и три принцессы, последняя жена покойного Моник Бодо, а также 90-летняя сестра покойной Нам Фыонг.

Когда в Ханое было получено известие о кончине последнего императора Вьетнама Бао Дая, министерство иностранных дел СРВ направило его близким

телеграмму соболезнования. Кроме того, на похороны был прислан траурный венок от Отечественного фронта Вьетнама. Тем самым новый, социалистический Вьетнам выразил чувства скорби и искренней солидарности в отношении памяти последнего императора страны.

Ли Нян Фан Тхы Ланг, автор жизнеописания Бао Дая, выгодно отличающегося от других полнотой и конкретностью связанных с его жизнью наиболее важных исторических событий и дат, такими словами подводит итоги его жизни: Следуя с первых же дней после создания независимого вьетнамского государства политике великой национальной солидарности и традициям великодушия и милосердия, Президент Хо Ши Мин и правительство Демократической Республики Вьетнам предложили бывшему императору пост Верховного советника правительства, чтобы сообща нести на своих плечах решение дел молодого государства. Возможно, это был единственный в мировой истории случай подобного рода. Очень жаль, что Бао Дай в конечном счете не смог правильно оценить этот жест доброй воли¹.

¹ *Lý Nhân Phan Thứ Lang. Giai thoại và sự thật về Bảo Đại, vua cuối cùng triều đình Nguyễn* [Мифы и правда о Бао Дая, последнем императоре династии Нгуенов]. Трф. HCM. 2007. С. 270.

ПЕРВЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ КОМПАРТИИ ИНДОКИТАЯ И РОССИЯ (исторический очерк)

После начала реализации во Вьетнаме политики обновления и, особенно, в нулевые годы, в историографии этой страны начался активный процесс «очеловечения» основных этапов истории Вьетнама, иными словами, началось глубокое научное изучение и осмысление жизни и деятельности конкретных творцов и участников новой и новейшей истории страны. Так, уже вышли и продолжают выходить в свет многочисленные монографические исследования и научно-популярные сборники о героях национально-освободительной борьбы вьетнамского народа против французских колонизаторов, начиная с середины XIX века и кончая подписанием в 1954 году Женевских соглашений.

Среди этих публикаций особенно выделяется солидное монографическое исследование, подготовленное коллективом известных вьетнамских историков, — «Ле Хонг Фонг, нестигаемый боец международного коммунистического движения, выдающийся руководитель нашей партии»¹. В книге подробно, с использованием малоизвестных архивных данных и воспоминаний, часть из которых введена в научный оборот впервые, рассказывается не только о Ле Хонг Фонге, но и о его жене Нгуен Тхи Минь Кхай, которая была одним из руководителей сайгонской парторганизации. Причем особенно важно, что впервые авторы исследования акцентировали внимание на тех годах жизни и деятельности двух руководящих деятелей Компартии Индокитая (КПИК), которые прошли у них в Москве и России, показали роль нашей страны, наших людей в их становлении как выдающихся деятелей международного и вьетнамского национально-освободительного движения.

Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай — фигуры насколько героические, настолько и трагические. Они вступили в активную революционную борьбу в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в период создания КПИК, под руководством которой борьба вьетнамских патриотов приобрела решительный, поистине самоотверженный характер. Естественно, реакция колонизаторов на это была весьма жесткой. Их гильотины и концлагеря работали бесперебойно. Партия потеряла десятки тысяч своих пламенных борцов, прежде чем в августе 1945 года была обретена независимость Вьетнама. Впоследствии вождь вьетнамской революции Хо Ши Мин писал: «Товарищи Чан Фу, Нго Зя Ты, Ле Хонг Фонг, Нгуен Тхи Минь Кхай, Ха Хюи Тап, Нгуен Ван Кы, Хоанг Ван Тху и сотни тысяч других то-

¹ Lê Hồng Phong. Chiến sĩ cộng sản quốc tế kiên cường, nhà lãnh đạo xuất sắc của Đảng ta. Nhà xuất bản chính trị quốc gia Sự thật. Hà Nội, 2012.

варищей поставили интересы Партии, революции, рабочего класса, нации превыше всего, впереди всего. Эти товарищи беззаветно верили в великие силы и славное будущее класса и нации... Они своей горячей кровью оросили древо революции, которое расцвело пышным цветом, и сегодня мы видим прекрасные результаты нашей революции».

Ле Хонг Фонг

Ле Хонг Фонг родился в 1902 году в провинции Нгеан (Центральный Вьетнам) в бедной крестьянской семье. В детстве учился в сельской школе, вначале изучал под руководством местного конфуцианца китайские иероглифы, затем окончил начальную школу на «куокнгы», латинизированной письменности вьетнамского языка. В 1920 году после смерти отца, чтобы прокормить больную мать и младших детей, уехал в центр провинции город Винь искать работу.

Это было время, когда захолустный в совсем недавнем прошлом Винь на глазах становился главным торгово-экономическим центром всего Центрального Вьетнама. Вначале юноша устроился работником в торговой фирме одного «хуацяо», а затем стал рабочим спичечной фабрики. На фабрике он сдружился с другим рабочим, которого звали Фам Хонг Тхай. В 1923 году они вместе приняли активное участие в забастовке рабочих фабрики, и за это были ее хозяином уволены с «волчьим билетом».

Это были годы, когда широко известный в патриотических кругах Вьетнама революционный демократ Фан Бой Тяу проводил кампанию «Донгзу», целью которой было способствовать выезду молодых вьетнамских патриотов в Японию и Китай, чтобы готовить из них кадры для будущей национально-освободительной революции. В январе 1924 года под руководством Вьонг Тхук Оаня — зятя Фан Бой Тяу 15 юношей из провинции Нгеан, в их числе и два друга, оставшиеся после увольнения без средств к существованию, преодолели горные перевалы хребта Чыонгшон и, пешком пройдя через весь Лаос, прибыли на горный северо-восток Таиланда. Однажды, поднявшись на высокую гору, Ле Хонг Фонг и Фам Хонг Тхай, подобно Герцену с Огаревым, дали друг другу клятву всю свою жизнь посвятить делу освобождения родины: «Пока не зажжем свет над горами и реками, клянемся не возвращаться на Родину, к родным очагам!».

Два друга не стали добираться до заморской Японии, а обосновались неподалеку от своей родины — в Кантоне. В Южном Китае сложились к этому времени благоприятные условия для деятельности вьетнамских революционеров. Вьетнамцы работали в различных учреждениях Кантонской республики, возглавляемой Сунь Ятсеном, служили в ее Народно-революционной армии, учились в военно-политической академии Гоминьдана Вампу. Всего несколько месяцев жизни в бурном, кипящем, как котел, революционном Кантоне, привели двух друзей к выводу, что им не по пути с «Обществом возрождения Вьетнама» Фан Бой Тяу. Они жаждали участия в конкретных боевых действиях против колонизаторов, Общество же, в основном, состояло из конфуцианцев преклонного возраста, которые лишь клеймили колонизаторов «красивым слогом» на коллективных встречах, на большее они уже были не способны.

В результате на свет появилась принципиально новая, боевая организация «Tâm tâm xã» («Союз сердец»), главным направлением в деятельности которой стал индивидуальный террор. Летом 1924 года Фам Хонг Тхай совершил покушение на генерал-губернатора Индокитая Мерлэна, находившегося с визитом в Шамяни, кантонской резиденции консульств европейских держав. В результате взрыва брошенной им бомбы погибло несколько офицеров из свиты Мерлэна, сам же генерал-губернатор остался жив. Спасаясь от преследования полиции, Фам Хонг Тхай бросился с моста в реку, но не смог доплыть до берега и погиб.

Фан Бой Тяу был близко знаком с руководителем Кантонской республики Сунь Ятсеном и уговорил его принять первых молодых вьетнамских патриотов, прибывших из Сиам в Кантон, в военную школу Гоминьдана Вампу, в их числе и Ле Хонг Фонга. В школе Вампу в этот период уже преподавали советские военные, среди которых выделялся будущий маршал Советского Союза В.К. Блюхер. Ле Хонг Фонга как самого здорового физически приняли на 9-месячные курсы в летную школу Вампу. После их окончания руководство Вампу предложило представителю СССР и Коминтерна в Кантоне М.М. Бородину направить способного вьетнамского юношу в СССР для профессионального овладения летным делом. В октябре 1926 года Ле Хонг Фонг прибыл в страну, о которой в тот период мечтали все его друзья по борьбе, и был принят в Военно-теоретическую школу воздушных сил в Ленинграде, где проучился до декабря 1927 года.

В сентябре 1928 года в авиационном училище города Борисоглебска появился невысокий, подтянутый юноша. Михаил Литвинов — представился он курсантам. Те удивлялись: фамилия русская, а по виду вроде бы из Азии товарищ. Самые настойчивые пытались дознаться, откуда он родом, чем занимаются его родители. Но новенький только отшучивался и переводил разговор на другое. Одного он не скрывал: что страстно любит авиацию, мечтает стать воздушным асом и что в Борисоглебск он прибыл из Ленинграда, где уже учился в военно-теоретической школе воздушных сил.

Прошло несколько месяцев напряженных занятий и тренировочных полетов, и вдруг Литвинов так же неожиданно исчез, как и появился. Еще долгое время после внезапного отъезда Ле Хонг Фонга в музей Борисоглебского училища можно было обнаружить его фото на почетной доске бывших курсантов. Хотя до освобождения Вьетнама было еще очень далеко, а до создания вьетнамских военно-воздушных сил еще дальше, Ле Хонг Фонга фактически можно считать первым вьетнамским летчиком, предтечей тысяч вьетнамских асов, которые в период 1965—1973 гг. на советских МИГах героически защищали небо Вьетнама от воздушных атак самой мощной державы мира.

Ле Хонг Фонг был отозван из Борисоглебска в Москву по инициативе Исполкома Коминтерна (ИККИ). В декабре 1928 года офицер советских ВВС Ле Хонг Фонг становится слушателем Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Проторил дорогу в это политическое учебное заведение, которое готовило партийные и революционные кадры для колониальных и полуколониальных стран Азии и Африки, Нгуен Ай Куок (будущий Хо Ши Мин), который в июне 1923 года одним из первых вьетнамцев прибыл в Советскую Россию и окончил краткосрочные курсы в этом университете. Благодаря ему, начиная с 1924 года КУТВ стал регулярно принимать на учебу вьетнамских революционеров, которые прибывали в Москву по двум каналам: из Франции по рекомендации ФКП и из Южного Китая по рекомендации Нгуен Ай Куока.

4 года провел Михаил Литвинов в стенах КУТВа. Здесь он овладевал теорией революционной борьбы, здесь произошло его становление как убежденного марксиста-ленинца. Ле Хонг Фонг изучал марксистскую науку сквозь призму событий в Индокитае. Размышлениями о возможных путях развития вьетнамской революции полны его рабочие тетради того времени (которые до сих пор хранятся в архивах РГАСПИ). Уже тогда Ле Хонг Фонг пришел к твердому убеждению, что победа вьетнамской революции и изгнание из страны колонизаторов возможны лишь на основе создания широкого общенационального фронта.

В тот период в КУТВе уже обучалось довольно много слушателей из колониального Вьетнама. Все они, естественно, учились в группе французского языка, и только Литвинов, который к тому времени уже практически свободно владел русским языком, был зачислен в группу русского языка. Но все вьетнамские слушатели, независимо от группы, подчинялись сектору Индокитая Восточного отдела ИККИ, который возглавляла старейшая деятельница Коминтерна В.Я. Васильева.

В 1929 году в жизни Ле Хонг Фонга произошло очень важное для него событие: его приняли в члены ВКП(б). В своих рекомендациях советские слушатели университета Струль С.В., Пирумова А.Б. и другие отзывались о нем, как о «вдумчивом, серьезном, выдержанном товарище, достойном носить звание члена ВКП(б)». Собрание партийной группы слушателей единогласно проголосовало за прием Михаила Литвинова в ряды ВКП(б).

По инициативе В.Я. Васильевой в Восточном отделе ИККИ в конце 1920-х гг. взяли курс на подготовку наиболее способных вьетнамских слушателей КУТВа для последующей их отправки в Индокитай в целях укрепления рядов национально-освободительного движения и создания в будущем коммунистической партии Индокитая. И здесь на первый план сразу же выдвинулся Ле Хонг Фонг как наиболее способный и практически свободно знающий русский язык. Поэтому, когда в середине 1928 года в Москве собрался VI Конгресс Коминтерна, именно Литвинов был приглашен для участия в работе Конгресса в качестве наблюдателя. Более того, ему было доверено руководство группой вьетнамцев для оперативного перевода на вьетнамский язык основных документов Коминтерна и нескольких наиболее актуальных для вьетнамского освободительного движения произведений марксизма-ленинизма, в их числе были «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В.И. Ленина и «АВС коммунизма» Бухарина и Преображенского. Все эти документы и книги затем издавались на вьетнамском языке во Франции, Германии, Чехословакии и тайно вывозились во Вьетнам.

В 1930 году после окончания КУТВа Ле Хонг Фонг был зачислен в аспирантуру, однако защитить диссертацию ему не довелось. Во Вьетнаме резко обострилась обстановка. Сразу же после подавления восстания по всему Вьетнаму начал свирепствовать полицейский террор. Многие организации недавно созданной КПИК были разгромлены. Между продолжавшими функционировать подпольными центрами не было связи. В этих условиях ИККИ принимает решение направить Ле Хонг Фонга в Южный Китай для восстановления связей с действующими организациями КПИК. В июне 1932 года в организациях КПИК в Южном Китае, а затем и в самом Вьетнаме появляется подготовленная в Москве при участии Ле Хонг Фонга, Чан Ван Зяу и ряда других вьетнамцев-коминтерновцев «Программа действий КПИК». Вьетнамские историки считают, что этот документ был «программой-минимум нашей Партии в новых условиях» и что «Ле

Хонг Фонг внес огромный вклад в принятие, распространение и реализацию «Программы действий Партии».

В марте 1934 года Ле Хонг Фонг приезжает в португальскую колонию Макао (Южный Китай), где создает Заграничный руководящий комитет КПИК, а затем налаживает подпольное издание газеты «Большевик». В июне этого же года он созывает и руководит работой конференции с участием членов Загранкомитета и представителей парторганизаций, тайно прибывших из Вьетнама. В это время из Москвы приходит сообщение, что вскоре состоится очередной Конгресс Коминтерна, для участия в котором необходимо направить представительную делегацию КПИК. Члены Загранкомитета поручают Ле Хонг Фонгу сформировать делегацию и возглавить ее. Уже когда делегация находилась в Москве, в конце марта 1935 года в Макао наконец-то состоялся I съезд КПИК, который избрал Ле Хонг Фонга генеральным секретарем партии.

Делегация КПИК для участия в VII Конгрессе Коминтерна была сформирована в следующем составе: руководитель Ле Хонг Фонг и два члена делегации — юная Нгуен Тхи Минь Кхай, темнокожая, как крестьянка, каждый день обжигаемая тропическим солнцем, с постоянно раскрытыми как будто от радостного удивления глазами, и мало кому знакомый тогда юноша по имени Хоанг Ван Нон — посланец самой северной вьетнамской провинции Каобанг, где со дня создания КПИК возникла довольно сильная партийная организация, имевшая свою опорную базу в сельских районах.

И вот через несколько месяцев Ле Хонг Фонг снова в Москве, в которой он провел столько лет. Второй приезд в Москву стал для него радостным вдвойне — Нгуен Тхи Минь Кхай стала там его женой.

Нгуен Тхи Минь Кхай

Нгуен Тхи Минь Кхай (1913—1941) родилась, как и Ле Хонг Фонг, в провинции Нгеан, в городе Винь. В 1927 году в возрасте 14 лет впервые приняла участие в протестных акциях рабочих города Виня. Вступила в КПИК сразу же после ее создания, отвечала за агитацию среди рабочих завода в прибрежном районе Виня — Бентхюи. Вскоре по решению партии ее направили в Гонконг для работы в представительстве Восточного отдела Исполкома Коминтерна, где ее наставником и руководителем стал Нгуен Ай Куок. 29 апреля 1931 года она должна была встретиться на явочной квартире по улице Цзюлун с только что прибывшим из Советского Союза после окончания КУТВа членом КПИК Ле Хюи Бонном. Однако ранним утром этого дня английская полиция окружила дом, где находилась явка КПИК. По приставной лестнице полицейские незаметно проникли через окно в квартиру и захватили Ле Хюи Бона спящим. В 9 часов утра в полицейскую ловушку угодила еще один посланник из Москвы Хо Тунг Мау. Около 11.30 утра Минь Кхай, ни о чем не подозревая, поднялась в дом, где ее встретили два агента полиции в штатском. Так как Минь Кхай хорошо знала гуандунский диалект, она спокойно им ответила: «Я китайка».

Никаких улик у нее не обнаружили, тем не менее, препроводили в тюрьму. Из тюрьмы она сумела передать письмо Нгуен Ай Куоку: «Ни пытки, ни кандалы не заставят меня ни в чем признаться. Братя, будьте спокойны за меня». Она не

знала, дошло ли ее письмо до Нгуен Ай Куока, как вдруг получила с воли печальную весть о том, что 6 июня 1931 года ее старший наставник также был схвачен английской полицией.

Три года провела Минь Кхай в гонконгской тюрьме, полностью отрезанная от друзей по партии. Но в ее судьбу, как до этого произошло и с Нгуен Ай Куоком, вмешалось Международное общество помощи борцам революции, и она, наконец-то, обрела свободу. Но как быть дальше, как восстановить связь со своими товарищами? В Шанхае она подрядилась в пошивочную мастерскую и с утра до вечера сидела на тротуаре, латая порванную одежду и внимательно следя за прохожими, не появится ли кто-нибудь из знакомых. Так прошло целых два месяца. Наконец, в один из дней произошло то, о чем она грезилась во сне и наяву — неожиданно из толпы прохожих к ней подошел незнакомец и бросил на ходу: «Идите за мной, вас ждут».

И вот долгожданная встреча с друзьями, среди которых был один из руководителей партии Ле Хонг Фонг, от которого она неожиданно для себя узнает, что включена в состав делегации КПИК для участия в VII Конгрессе Коминтерна в Москве. Ле Хонг Фонг ознакомил ее с планом, как они будут добираться до Москвы. На рейде шанхайского порта их будет ждать советский пароход. Минь Кхай вместе с Ноном на нанятой китайской джонке самостоятельно добираются до парохода. Сам же Ле Хонг Фонг прибывает туда позже.

Впоследствии Хоанг Ван Нон, который единственный из них троих дожил до победы революции во Вьетнаме, вспоминал, с какими непредвиденными приключениями они добирались до советского парохода. Над рейдом стоял густой туман, хозяин джонки потерял направление, и они подплыли прямо к борту судна... с французским триколором на мачте. Только после целого часа блужданий среди пароходов из разных стран они, наконец, радостно вскрикнули, увидев прямо по курсу долгожданный красный флаг с серпом и молотом. Но приключения на этом не закончились. Они не знали русского языка, а встречавшие их советские офицеры и матросы, естественно, не знали французского. Только на следующий день, когда по трапу парохода поднялся Ле Хонг Фонг, все встало на свои места.

Через несколько дней делегацию торжественно встречали в порту Владивостока, затем — железнодорожный вокзал и 12 суток на поезде до Москвы. Почти месяц Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай провели вместе — вначале на пароходе, затем в одном купе поезда. И произошло то, что не могло не произойти — они полюбили друг друга. Через несколько месяцев после завершения Конгресса Коминтерна вьетнамская диаспора в Москве стала свидетелем волнующего события — первой в истории Вьетнама «коммунистической свадьбы». В 1970-х годах, собирая материалы к книге «Хо Ши Мин» в серии «Жизнь замечательных людей», я неоднократно встречался с Н.Н. Голеновским — бывшим сотрудником Исполкома Коминтерна, ответственным за партийцев из стран Юго-Восточной Азии. Он рассказывал, что хорошо помнит, как в одном из районных московских ЗАГСов в скромной обстановке, в присутствии только нескольких близких друзей, был официально зарегистрирован брак молодых вьетнамских революционеров, и, может быть, и по сей день в архиве этого ЗАГСа хранятся документы об этом неординарном бракосочетании.

VII Конгресс Коминтерна открылся 25 июля 1935 года в Колонном зале Дома союзов. На нем присутствовало 513 делегатов от 65 коммунистических партий и

международных организаций. Деятельность КПИК фактически с первого дня работы Конгресса получила высокую оценку его участников, так как ее представитель Ле Хонг Фонг (он значился в документах Конгресса под именем Хайян) был единодушно избран в состав Президиума Конгресса. В ходе девятого по счету пленарного заседания, 29 июля, он выступил с развернутым докладом «Борьба КПИК, прежде всего движение Нгетиньских Советов». Доложив о развитии революционного движения во Вьетнаме под руководством КПИК за 5 лет после ее создания, Ле Хонг Фонг указал на основные достижения и недостатки в ее деятельности, отметив при этом «огромную заслугу коммунистов Индокитая в том, что был положен конец фракционным распрям и достигнута внутрипартийная солидарность. В ходе революционной борьбы Партия установила тесные связи с борющимися массами, добилась того, что пролетариат стал главной руководящей силой этой борьбы». Говоря о перспективах и важнейших задачах, стоящих перед КПИК, он заявил: «В настоящее время мы располагаем большими возможностями для создания антиимпериалистического народного фронта, единого фронта всех народов Индокитая в борьбе против общего врага — французских империалистов». Минь Кхай (в документах Конгресса она значилась под именем Фан Лан) как самой юной и одной из немногих азиатских делегатов Президиум Конгресса предоставил честь выступить с речью от имени женщин Востока.

Решения и выводы VII Конгресса Коминтерна, как показали дальнейшие события, сыграли весьма важную роль в развитии вьетнамского национально-освободительного движения. Как известно, на нем были сформулированы задачи коммунистического и рабочего движения перед лицом надвигающейся фашистской опасности. Хотя эти задачи касались, в первую очередь, европейских компартий, выводы Конгресса об угрозе фашизма помогли вьетнамским революционерам впоследствии определить и последовательно претворять в жизнь правильную линию в отношении японского милитаризма, который уже в те годы, расширяя экспансию все дальше на юг Китая, становился опасным потенциальным противником вьетнамской революции.

Кроме того, VII конгресс отверг сформулированные ранее левацкие установки о необходимости осуществления в колониальных и зависимых странах «рабоче-крестьянской революции», создания «советского правительства», которые были преждевременными для большинства стран и означали недооценку общенациональных антиимпериалистических задач. Необходимо, указал Конгресс, добиваться создания единого народного фронта, с одной стороны, вовлекая массы в борьбу против колонизаторов, за независимость страны, с другой — активно участвуя в возглавляемых национал-реформистами массовых народных движениях.

Для вьетнамских патриотов положения VII конгресса Коминтерна о тактике единого фронта в колониальных и полуколониальных странах стали мощным руководством к действию. Именно тактика единого национального фронта, проводимая гибко и творчески с учетом степени зрелости национально-освободительного движения и конкретных задач, стоящих перед ним, стала одним из решающих факторов победы Августовской революции 1945 года.

Участники VII Конгресса утвердили решение ИККИ, принятое еще в 1931 году, о приеме Компартии Индокитая в ряды Коминтерна. Представитель КПИК Ле Хонг Фонг был избран кандидатом в члены ИККИ. Отныне набирав-

шее силу коммунистическое движение Индокитая было представлено в руководящем органе международной организации коммунистов.

После завершения работы Конгресса в ИККИ довольно долго решали вопрос, каким путем наиболее безопасно вернуть членов делегации КПИК на родину. Поэтому первый месяц они отдыхали в одном из санаториев на берегу Черного моря, а затем, вернувшись в Москву, посещали курсы политучебы в КУТВе, где Ле Хонг Фонгу все было знакомо. В этот период он написал для органа Коминтерна журнала «Инпрекорр» статью «Роль пролетариата в революции в Индокитае», в которой разъяснял, что «буржуазно-демократическая революция в Индокитае (антиимпериалистическая и антифеодальная) не только является неразрывной частью мировой социалистической революции, но победа этой революции, благодаря имеющимся объективным условиям, будет означать первый этап на пути перехода ее в революцию социалистическую», и отсюда делал логический вывод: «необходимое условие — пролетариат должен сохранять роль гегемона, руководителя этой революции».

В середине 1936 года пути Ле Хонг Фонга и его боевой подруги временно разошлись. Ле Хонг Фонг отправился испытанным маршрутом во Вьетнам, чтобы как можно скорее информировать центральные органы КПИК о решениях Конгресса. А Минь Кхай вместе с Ноном отправились на родину через Европу: Германия, Франция, Италия, из Неаполя пароходом в Сингапур, оттуда — в Гонконг, и уже из Гонконга — в Сайгон. В Париже они стали свидетелями первых зримых завоеваний Народного фронта, массового ликования простых парижан. В такой обстановке два вьетнамских подпольщика, естественно, смогли легко избежать должного внимания со стороны французской полиции.

В июле 1936 года в Шанхае появился одетый с иголки богатый китайский коммерсант. Он разъезжал по городу в собственной роскошной машине. Его коммерческое дело процветало. Он постоянно с кем-то встречался, вел секретные торги. Даже если бы шанхайская полиция узнала, что преуспевающий коммерсант не кто иной, как Ле Хонг Фонг, один из руководителей Компартии Индокитая, единственное, что она смогла бы сделать, — это выслать его из страны. У вьетнамского подпольщика не было при себе ни одного документа, который мог бы быть уликой. Основные материалы VII конгресса Коминтерна он выучил наизусть.

В Шанхае посланец из Москвы созвал пленум ЦК КПИК с целью внести изменения в политическую линию партии в соответствии с решениями 7-го Конгресса. С учетом прихода к власти во Франции правительства Народного фронта пленум одобрил курс на создание национального антиимпериалистического фронта, который получил впоследствии название Демократический фронт Индокитая. На очередном пленуме ЦК КПИК в марте 1937 года в Сайгоне этот стратегический лозунг был поставлен на практические, конкретные рельсы. Пленум констатировал, что привычные методы организационной работы партии не успевают за бурным развитием демократического движения масс. Кроме того, требовали пересмотра некоторые левацкие, чрезмерно радикальные организационные формы. В этой связи ЦК принял решение создать Антиимпериалистический союз молодежи Индокитая вместо существовавшего ранее Союза коммунистической молодежи, Народное общество социальной помощи вместо Красного общества социальной помощи, уже принятые в мировой практике профсоюзы вместо «красных профсоюзов».

С учетом широкого характера демократического движения было принято решение всемерно поощрять создание в деревнях обществ пахарей, жатвы, любителей «тео» (народная музыкальная драма), групп изучения письменности «куокнги», всемерно поддерживать инициативы масс по созданию обществ «ай хью» (братств), обществ взаимопомощи, спортивных организаций, которые, используя легальные и полуполигальные формы работы, втягивали бы в демократическое движение миллионы людей, многие из которых в прежние времена были весьма далеки от политики.

Добравшись до Сайгона, Ле Хонг Фонг с головой ушел в повседневную революционную работу. Великолепный конспиратор, он постоянно менял свое лицо. То он работает учителем китайского языка в одной из школ Тёлона (пригорода Сайгона), то агентом торговой фирмы, то слесарем в мастерской (Ле Хонг Фонг специально изучал в Москве слесарное дело и имел четвертый разряд). Сайгонская полиция сбилась с ног в поисках неуловимого подпольщика.

За два года, проведенных в Сайгоне до ареста, Ле Хонг Фонг проделал огромную работу. По его рекомендациям партия взяла курс на создание широкого антиимпериалистического народного фронта. Перед членами партии ставилась задача, используя легальные и полуполигальные формы работы, вовлекать в политическую борьбу все классы, партии, политические организации, религиозные группы и народности, стремящиеся к демократии и национальному освобождению. Благодаря созданию широкого народного фронта, движение за национальное освобождение Вьетнама вступило в новый этап. Оно стало поистине массовым и достигло в последующие годы невиданного размаха.

Его неутомимую деятельность на благо дела национального освобождения остановила черная рука предателя — 22 июня 1939 года он был схвачен в Сайгоне колониальной охранкой. Но полицейские, как и следовало ожидать, не нашли при подпольщике никаких доказательств его принадлежности к КПИК; он был брошен в тюрьму лишь по обвинению в ношении поддельного удостоверения. Чтобы расправиться с «опасным преступником» на законных основаниях (это был период, когда у власти во Франции все еще находился Народный фронт, а в самом Индокитае набирали силу процессы некоторой демократизации политической жизни), нужны были веские и неопровержимые улики. И возможность найти их, казалось, представилась — вскоре в полицейский капкан угодила и Нгуен Тхи Минь Кхай.

Трагической была последняя встреча Ле Хонг Фонга с его боевой подругой. Кажется, совсем недавно они, взявшись за руки, бродили по Сокольникам, по набережной Москвы-реки, слушали на Красной площади мелодичный бой кремлевских курантов. И вот они стоят друг против друга, закованные в кандалы, посреди камеры для допросов центральной сайгонской тюрьмы Кхамлон. Их свидание называется очной ставкой. Охранке было известно, что Нгуен Тхи Минь Кхай — секретарь сайгонского горкома КПИК и, по некоторым данным, жена Ле Хонг Фонга. Дело оставалось за малым — арестованные должны были признать друг друга на очной ставке. Однако измученные пытками революционеры ни словом, ни взглядом не выдали, что знают друг друга.

На очной ставке Минь Кхай не могла сообщить своему мужу, что год назад у них родилась дочь. Сразу же после родов через свою сестру она передала мужу краткую записку: «Я родила девочку, мы обе здоровы», но не была уверена, что

эта записка дошла до адресата. А Ле Хонг Фонг не знал и не мог спросить, кого родила Минь Кхай и где находится ребенок.

В середине 1980-х годов автору этих строк посчастливилось встретиться в городе Хошимине (бывшем Сайгоне) с дочерью героев этого очерка Хонг Минь. Это имя дала ей мама, сложив его из частей своего имени и имени отца. Но это было не простое «сложение»: Хонг Минь по-вьетнамски означает «Утренняя заря», или, если переходить на поэтический язык, — Аврора. Ведь Минь Кхай, как и большинство вьетнамских патриотов той поры, боготворила Великую Октябрьскую революцию в России, и хотела, чтобы ее первенец — дочь носила имя символа этой революции крейсера «Аврора».

— Я совсем не помню своих родителей, вспоминала Хонг Минь. Ведь я родилась в тюрьме и была с ними разлучена. Лишь когда подросла, узнала об их судьбе. Хотя в детстве мои родители жили совсем недалеко друг от друга в провинции Нгеан, но впервые познакомились только весной 1935 года на пути в Москву. Путешествие было долгим, они успели переговорить, наверное, обо всем на свете и поняли, как близки друг другу. В Москве они поженились. Молодые подпольщики пронесли свою любовь, вспыхнувшую под московским небом, через всю свою короткую, но славную жизнь.

Не сумев раздобыть веские улики против Ле Хонг Фонга, судебные власти Сайгона приняли решение выслать его под домашний арест на родину в провинцию Нгеан. Однако в ноябре 1940 года в Кохинхине произошли события, которые резко изменили судьбу и самого Ле Хонг Фонга, и находившейся в тюрьме Минь Кхай. К концу 1940 года ситуация во Вьетнаме развивалась таким образом, что в Кохинхине сложились наиболее благоприятные условия для активной деятельности КПИК. Там не было еще японских войск, тогда как они уже были введены в Тонкин (Северный Вьетнам). Параллельно с этим в том же ноябре японская агентура спровоцировала сиамских милитаристов (Таиланд) на вооруженные вылазки против Французского Индокитая. Стремясь остановить сиамское наступление, французские колонизаторы провели широкую мобилизацию среди населения Камбоджи и Кохинхины. Это вызвало широкое возмущение среди населения Кохинхины, большое число вьетнамских солдат вышли из повиновения и начали дезертировать из французских колониальных войск.

В создавшихся условиях члены комитета КПИК Кохинхины сочли военно-политический момент весьма благоприятным для революционных действий и приняли судьбоносное решение о начале вооруженного восстания в масштабах всей Кохинхины. Но французской охранке незадолго до восстания удалось захватить документы, раскрывавшие сроки его начала. В результате власти успели мобилизовать оставшиеся надежными войска, разоружили революционно настроенных вьетнамских солдат и заперли их в казармах, ввели в основных городах дельты Меконга комендантский час и провели массовые аресты среди руководителей будущего восстания: за решеткой тюрьмы оказались видные представители КПИК — Нгуен Ван Кы, Ха Хюи Тап, Нгуен Тхи Минь Кхай и др.

Несмотря на это, «восстание Намки» (Кохинхина по-вьетнамски Намки) все-таки началось в запланированные сроки — в ночь на 23 ноября 1940 года и быстро охватило провинции Зядинь, Бьенхоа, Митхо, Кантхо, главный город Юга страны Сайгон, затем распространилось на западные провинции Кохинхины, вплоть до Ратъзя и Баклиеу. В провинциях Митхо, Зядинь, Бакльеу были созданы органы народной власти и революционные суды и проведены некото-

рые демократические реформы. В ряде мест революционные власти конфисковали землю и рис, раздавая их безземельным и малоземельным крестьянам. Примечательно, что именно в разгар этого восстания в провинциях Митхо и Виньлонг впервые в руках повстанцев появился красный флаг с желтой звездой, который стал впоследствии государственным флагом вначале Демократической Республики Вьетнам, а ныне Социалистической Республики Вьетнам.

Но охваченные восстанием революционные районы продержались недолго, в течение двух месяцев восстание было подавлено, причем с жестокостью, превосходившей даже самые страшные дни террора 1930—1931 годов. В течение 40 дней в четырех провинциях — Зядинь, Митхо, Лонгсюен, Кантхо было схвачено и расстреляно около 6 тысяч повстанцев. Несколько деревень подверглись бомбежкам с воздуха и были полностью разрушены. Немало местных организаций КПИК были разгромлены, арестованные руководители КПИК, в их числе Нгуен Тхи Минь Кхай, были приговорены к смертной казни.

В этих условиях Верховный суд Франции пересмотрел «дело» Ле Хонг Фонга, привязав его к «восстанию Намки». В конце 1940 года, после нескольких месяцев заключения в сайгонской тюрьме, его этапировали на остров смерти Пуло-Кондор (ныне остров Кондао). Французы захватили расположенный в 97 морских милях от курортного города Вунгтау остров Кондао в 1862 году и почти сразу же стали обустривать его как огромную тюрьму для политических заключенных. Тюрьма была разделена на четыре *Bagne* (каторжных участка). Впоследствии, в ходе американской агрессии против Вьетнама, число каторжных участков было доведено до восьми. В первые 50 лет существования островной тюрьмы число заключенных варьировалось в районе 1 тысячи человек. Однако по мере нарастания революционного движения и, особенно, после «восстания Намки», оно стало быстро увеличиваться и к январю 1943 года достигло 4403 человека.

Хотя все участники «восстания Намки» были размещены в *Bagne* III и *Bagne* II, Ле Хонг Фонга решили изолировать от них, определив в «тигровую клетку» в километре от основной базы лагеря. Но там уже давно действовала подпольная партийная организация, которая вскоре установила с ним регулярную связь. Это был период наивысшего ужесточения тюремного режима на Кондао. «Восстание Намки» потрясло до основания колониальный режим во Вьетнаме. Колонизаторы, с одной стороны, развернули в отместку массовые репрессии, с другой — в их действиях сквозил страх перед революционной стихией. Тюремщики боялись даже закованных в кандалы революционеров и жестоко издевались над ними. Однажды во время принятия пищи один из тюремщиков ударил Ле Хонг Фонга по голове так, что его миска окрасилась кровью.

Однако вскоре его перевели в один из барakov, где его соседями стали несколько весьма колоритных фигур — Нгуен Ан Нинь, Та Тху Тхау и Хюинь Ван Тхао. Между двумя последними постоянно шли жаркие споры философско-религиозного характера. Иногда эти споры принимали такой яростный характер, что Ле Хонг Фонгу приходилось вмешиваться и примирять спорщиков. Он разъяснял им положения марксизма о религии, о классах и классовой борьбе, о решающей роли человека в конкретных исторических условиях. И в этой связи напоминал о том, что перед всеми вьетнамскими патриотами стоит сегодня общая задача — борьба за национальное освобождение, а задача узников Кондао — крепить солидарность, чтобы бороться против репрессивного режима колониального концлагеря.

Когда германские фашисты напали на Советский Союз, узники Кондао, даже те, кто содержался в «тигровых клетках», все-таки находили возможность следить за ходом Великой Отечественной войны советского народа. В дни, когда с советского фронта приходили безрадостные вести, Ле Хонг Фонг рассказывал своим сотоварищам, какая великая страна Советский Союз, каких успехов добился советский народ в строительстве новой жизни, и убеждал их, что никогда фашистам не победить такой народ. Он сочинил восьмистишие, в котором нарисовал картину скорой победы советского народа и освобождения Вьетнама, а в конце выразил уверенность, что в свободном Вьетнаме остров Кондао станет природной жемчужиной и местом отдыха трудящихся. Он даже разучил с соседями по бараку песню «Русская девушка», которую он сам сочинил в далекие 1920-е годы, когда учился в Москве.

Годы заключения на острове Ле Хонг Фонг жил с незаживающей раной в сердце: он ничего не знал о судьбе своей Минь Кхай. И вот однажды посреди жаркого летнего дня 1942 года он случайно познакомился с охранником-индусом, недавно прибывшим на остров с Большой земли, и спросил его, не знает ли он случайно, что случилось с женщиной по имени Минь Кхай, которая содержалась в одиночке центральной сайгонской тюрьмы Кхамлон, и услышал от него трагическую весть:

Великую госпожу Минь Кхай уже давно расстреляли. Я называю ее великой, потому что так оно и есть — горы должны рухнуть перед ее памятью, деревья должны склонить свои ветви, приветствуя ее мужество.

И охранник рассказал, что день 28 августа 1941 года, когда ее расстреляли, стоит у него перед глазами, словно это было вчера. Перед расстрелом Минь Кхай надела белое платье, чтобы подчеркнуть, что ее помыслы, все ее стремления всегда были чисты, что она всю жизнь боролась против зла и угнетения, за свободу и счастье своего народа. Палачи пытались перед казнью завязать ей глаза, но она сбросила черную повязку, громко крикнув: «Я не боюсь смерти и встречу ее с открытыми глазами!»

Идя на эшафот, она призывала заключенных быть стойкими, не поддаваться врагам. Конвоиры в ответ кололи ее штыками, и по ее ярко-белой одежде текла кровь. Она попросила у палачей дать ей время, чтобы обратиться к людям, стоявшим вокруг стен тюрьмы. Ей дали всего пять минут. Она говорила и на вьетнамском, и на французском, обращаясь к французским солдатам:

«Наше дело правое. Мы делаем революцию, потому что хотим видеть Родину независимой, а народ счастливым. Мы не совершили никакого преступления».

Когда прозвучала команда офицера приготовиться, и солдаты направили на нее дула винтовок, она успела воскликнуть:

«Да здравствует Компартия Индокитая! Да здравствует победа вьетнамской революции!»

На стене камеры, в которой содержалась Нгуен Тхи Минь Кхай, нашли потом надпись: «О себе не беспокоюсь. Все мои помыслы — о спасении партии». Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан спустя многие годы дал такую характеристику Минь Кхай: «Я встречался и вместе работал с большим числом женщин — членов партии, но никогда не видел, чтобы кто-нибудь из них стремился осознанно взвалить на свои плечи роль революционного руководителя, как товарищ Минь Кхай».

Ле Хонг Фонга смерть настигла 6 сентября 1942 года— он умер от скоротечной чахотки. Последними его словами, обращенными к соседям по камере, были: «Товарищи, передайте Партии, что Ле Хонг Фонг до последнего вздоха всем сердцем верил в славную победу нашей революции». Пророческими оказались его предсмертные слова. Всего через три года во Вьетнаме победила Августовская революция и его родина стала независимой.

Сразу же после освобождения Кондао все политзаключенные собрались у могилы Ле Хонг Фонга и возвели временный памятник из кирпичей, которые производились ими же на острове. 17 сентября 1945 года на остров прибыла делегация Правительства сопротивления района Намбо, чтобы приветствовать оставшихся в живых политзаключенных. Члены делегации возложили траурные венки на могилы Ле Хонг Фонга, а также бывшего его соседа по камере Нгуен Ан Ниня.

В годы войны Сопротивления против французских колонизаторов (1946—1954), так же как и в период американской агрессии, враги не раз разрушали скромный памятник над могилой Ле Хонг Фонга, чтобы стереть с лица земли даже память о нем. Но каждый раз узники Кондао тайком восстанавливали его. После полного освобождения Южного Вьетнама и воссоединения страны по решению правительства СРВ на могиле Ле Хонг Фонга был воздвигнут величественный памятник, достойный его неоценимого вклада в победу вьетнамского национально-освободительного движения.

А в 2013 году сбылось и другое его предвидение — Кондао был объявлен курортной зоной, куда уже приезжают на отдых тысячи вьетнамских и зарубежных туристов, в том числе и из далекой России, которую Ле Хонг Фонг так любил.

Научно-художественное издание

Евгений Васильевич Кобелев

**65 лет вместе с Вьетнамом
Воспоминания**

Редакторы *А.С. Давыдов, Л.С. Лаврова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 08.11.2022. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 16,125. Уч.-изд. л. 16,6.
Бумага офсетная. Тираж 200 экз.